

55
20409

ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ СБОРНИКЪ

ВОЙНА И ЖИЗНЬ

СТАТЬИ
РАЗСКАЗЫ
СТИХИ

55
20409

Содержание: поэзия; проза; рассказы
Л. А.

ВОЙНА И ЖИЗНЬ.

103064

СТИХИ.

И Н Ъ. Онъ... ярий.
 Не н...жно слезъ,
 Не н...дарковъ,
 Не н...ерезъ.
 И н...агоны
 Пере...
 И создалъ новые законы
 Въ думяхъ зажепшейся зари.
 Пусть каждый въ мукахъ отреченья
 Забудетъ собственное я
 Когда свой праздникъ Воскресенья
 Справляетъ родина моя.
 Крините жуть въ пути великомъ
 Въ восторгъ пламенномъ впередъ!
 Насъ проведите тѣмъ же крикомъ
 Когда наступитъ нашъ чередъ.

1915 г.

Обложка работы художника
А. О. Никулина.

ВОЙНА И ЖИЗНЬ

20402

103001

Саратовъ.
Типография „Сотрудникъ Школы“
Бол.-Горная № 164.

СТИХИ.

И М Ъ.

Они идутъ на подвигъ ярки:
Не нужно словъ, не нужно слезъ,
Не нужно плачущихъ подарковъ,
Не нужно траурныхъ плерезъ.

Ихъ подвигъ душевые вагоны
Перековалъ на алтари
И создалъ новые законы
Въ лучахъ зажегшейся зари.

Пусть каждый въ мукахъ отреченья
Забудетъ собственное я,
Когда свой праздникъ Воскресенья
Справляетъ родина моя.

Кричите имъ въ пути великомъ
Въ восторгѣ пламенномъ: впередъ!
Насъ проводите, тѣмъ же крикомъ,
Когда наступитъ нашъ чередъ.

Левъ Гумилевскій.

НА ЧАСАХЪ. Устремилась въ поле смѣло,
Пѣсно хищную запѣла,
Закружила, завертѣла, распушилася мятель.
Для измученнаго тѣла
Мягко стелется постель.

Ноютъ плечи, стынутьъ ноги....
Седце мечется въ тревогѣ:
Кто тамъ тихій вдоль дороги лентой
[сѣрою приникъ?
Не кустарникъ ли убогій
Обнажилъ свой мертвый ликъ?

Да. Напрасная тревога.
Одинокая дорога
Въ муть зимы уходитъ строго, вся спо-
[койная, какъ сонъ.
Чу... Привстать еще немного:
Можетъ быть, тамъ бродить „онъ“?..

Сердце замерло тревожно.
Дуло никнетъ осторожно.
Стой, не рано ли? Нѣтъ... можно...
[Сталь чуть дрогнула въ рукахъ.
Воля Рока непреложна...
Выстрѣлъ грянулъ. „Къ ружьямъ!..
[врагъ!..“

С. Полтавскій.

ВЪ ААЗАРЕТЪ.

Тишина. Противно стоекъ
Запахъ плачущей больницъ.
Длинный рядъ печальныхъ коекъ.
Вереница блѣдныхъ лицъ.
Тихій стонъ. Рыданья встрѣчи.
Ядъ невыплаканныхъ слезъ.
Чьи то вздрогнувшія плечи.
Прядь сѣдѣющихъ волосъ.
Строгий взглядъ упрямой воли
Изъ подъ спущенныхъ рѣсницъ.
И молчанье жгучей боли
Въ равнодушии блѣдныхъ лицъ.
Но весь хаосъ изжитого
Чертитъ вѣчный свой разсказъ
Бездной ужаса нѣмого
Въ блескъ каждой пары глазъ.

Иванъ Гордый.

УЛИЦА.

Въ пестрящей толпѣ многоликая улица
Неясной тревогой полна;
Испуганно блѣдными лицами хмурится
И слышитъ повсюду:—война!

Но острое слово холодными звуками
Беззвучно надъ нею стоитъ
И, тихо сплетаясь съ копытными стуками,
Срывается съ каменныхъ плитъ.

А улица четкій порядокъ движешя,
Обычность размѣрныхъ шаговъ
Нарушитъ лишь въ робкіе миги смущенія
Сверлящей колючестью словъ.

Привычно толкаясь плечами покатыми,
Застынетъ на мигъ у витринъ,
Сквозь стекла которыхъ, большими плакатами,
О чемъ то кричитъ магазинъ.
Помочь хочетъ улица блѣднымъ солдатикамъ,
И каждый съ спокойной душой
Покорно и строго бумажнымъ квадратикомъ
Исполнитъ свой долгъ предъ войной.

И улица, тѣша другъ друга привѣтами,
Раздвигается вся по домамъ,
Напичкавъ пустые карманы газетами
И пачкой цвѣтныхъ телеграммъ.

А ночью угрюмой развратная улица
Безпечнымъ покоемъ полна,
И только газетчикъ невыспавшись хмурится
И шепчетъ сквозь дрему:—война!

Левъ Гумилевскій.

ОПРАВДАНИЕ ЖИЗНИ.

Если есть красота въ расцвѣтающей вѣч-
[но природѣ,
Если есть очарованность въ грусти равнинъ
[необъятныхъ,
Въ неисчетности звѣздныхъ мировъ и въ
[задумчивомъ солнцевомъ восходѣ,
Въ свѣтломъ утрѣ и въ тихихъ рубинахъ
[закатныхъ—
Жизнь, горящая этимъ огнемъ,
Вся оправдана въ сердцѣ моемъ.

Если есть красота въ порываньяхъ изъ
[тусклости къ свѣту,
Если есть восхищенность въ борьбѣ за
[далекія цѣли,
Въ буйныхъ взрывахъ желаній,
[упорно идущихъ къ расцвѣту,
Въ звукахъ битвы и въ тихой игрѣ на сви-
рѣли—
Жизнь свѣжа, какъ предутренній громъ,
И оправдана въ сердцѣ моемъ.

С. Полтавскій.

РАЗСКАЗЫ.

Левъ Гумилевскій.

БЛѢДНЫЙ УЖЛСЪ.

Онъ упалъ.

Закрытые глаза еще хранили въ себѣ нѣсколько мгновений и быстро уходящій впередъ неровный строй солдатъ и страшный разрывъ въ немъ, просверленный тяжелымъ снарядомъ, бѣшено взвихрившимъ за собой раздавшійся воздухъ; капли крови, выступившія въ ухахъ, словно удержали въ нихъ и гулъ торжествующихъ криковъ и этотъ звенящій стонъ воздуха, крутившагося за снарядомъ; а захваченное вихремъ все тѣло словно раздалось и расширилось и самый мозгъ сохранилъ ощущение безудержнаго паденія, точно отдѣлился онъ отъ стѣнокъ черепа, неуклюже раздавшагося по швамъ, упалъ и исчезъ вмѣстѣ съ потокомъ воздуха, разорвавшаго его на клочки, разметавшаго его въ сѣрую пыль.

Тогда все пропало.

Но и въ самый послѣдній моментъ потерявшееся сознание не остановилось на мысли о смерти, на далекомъ воспоминаніи, на чемъ нибудь связанномъ съ его далекимъ или близкимъ прошлымъ: до того было громадно и нестерпимо это ощущение своего собственнаго тѣла, изломаннаго въ каждой частицѣ своей, пронизаннаго острыми, какъ иглы, тонкими по-

токама воздуха, уходившаго изъ мозга и тѣла, съ страшною болью отдѣлявшаго, какъ казалось, кожу отъ мяса, мясо отъ костей, мозгъ отъ его стѣнокъ, раздиравшаго на тонкія нити волокна мускуловъ, выдавливавшаго капли крови сквозь мельчайшія отверстія въ кожѣ, разрывавшія стѣнки сосудовъ и клѣтокъ, отдѣлявшія атомъ отъ атома.

И не было ничего ни въ сознаніи, ни въ тѣлѣ, ни въ инстинктивности осязаній, кромѣ одинаго ощущенія блѣднаго, безкровнаго ужаса, который измѣля его тѣло своей близостью, напиралъ его невыносимою болью и сталъ рядомъ, вцѣпившись въ судорожно съжившееся тѣло, растворившись въ синевѣ кожи, застывъ въ неподвижности мускуловъ.

Блѣдный ужасъ.

Безжизненный, безкровный и непонятный въ самомъ себѣ.

* * *

Развѣ можно было подумать, что онъ живъ?

И тонкая, сухая рука съ Краснымъ Крестомъ на бѣлой повязкѣ перекрестила его и плотно сжатые губы чуть слышно прошептали надъ нимъ:

— Помяни Господи во царствіи Твоемъ...

Шедшіе сзади двое съ носилками прошли мимо, а тѣ, кто сопровождалъ высокій, нескладный фургонъ, остановились возлѣ него: потому что и тѣ и другіе свыклись съ своею работой, торопились и понимали знаки Сестры. Тѣхъ, надъ кѣмъ наклонялась она съ фляжкой, поднимали и осторожно клали на носилки, несли бережно до холщевой повозки, съ яркимъ знакомъ Креста, тѣхъ же, кого благословляла она, небрежно и торопливо клали въ фургонъ, накладывая трупы другъ на друга, какъ вещи, стараясь въ одинъ фургонъ уложить ихъ, какъ можно больше и тѣснѣе.

Поднимая, они разговаривали:

— Какъ его положить? Тамъ еще кажется трое...

— Давай этого сюда, напередъ...

— Тѣхъ возьмемъ въ конецъ... Тогда и къ могилѣ—больше некуда.

— Такъ клади-жь...

Обрывки словъ унесъ вѣтеръ и покатишь ихъ по полю, такъ-же легко, какъ весною катитъ спадающіе лепестки съ цвѣтовъ яблонь. Но оттого, вѣроятно, что въ дуновешіи его была чуткая свѣжесть вечера, они почувствовали теплоту и мягкость тѣла, сгибавшагося въ рукахъ ихъ.

— Мотри только что кончился. И теплой и мягкой...

— Можетъ и живъ...

Серьезно и грустно заговорилъ старшій, мѣрно шагая за скрипѣвшей повозкою:

— Эти не выживаютъ— потому безкровныя, блѣдныя... Пуля, тамъ штыкъ, али такъ сколокъ—извѣстную часть вредитъ. Оттого тѣ и отживаютъ: руку, ногу—отнять можно, потому часть отнял—остальное живетъ... А у этого нѣтъ. Весь повреженъ—оттого въ немъ и крови нѣтъ, оттого его сразу и въ синеву кидаетъ... То-то...

Еще положили двоихъ, благословленныхъ Сестрой, и вздохнули, какъ послѣ тяжелой и утомительной работы:

— Теперь до могилы, ребята...

И мѣрно поскрипывающій фургонъ тихо пополозъ по рытинамъ поля, до высокихъ насыпей громаднхъ могилъ.

* * *

Онъ этого не слышалъ, какъ не слышалъ скрипящаго фургона, фыркавшихъ отъ едва уловимаго въ воздухѣ запаха крови лошадей, гдѣ-то далеко затихавшихъ выстрѣловъ. Но мѣрное покачиваніе онъ чувствовалъ и казалось ощущалъ теплую и мягкую постель.

Было покойно въ его полубезпамятствѣ и недвижимое, одеревянѣвшее тѣло не беспокоило: оно точно плавало гдѣ-то въ безконечномъ мракѣ невидѣвшихъ глазъ, въ глубокой тишинѣ неслышавшихъ ушей.

И только иногда вдругъ казалось ему, что съ страшною

болью, гасившей вспыхивавшее сознание, опять сдвигаются стѣнки черепа и неудобно укладывается въ нихъ изломанный мозгъ и отъ этой боли мысли были обрывчатая, совсѣмъ короткія, гладкія, какъ деревянные обрубки, которые никакъ не хотѣли сцѣпиться другъ съ другомъ въ понятное, ясное и цѣлое.

И выходило такъ, что безобразно уродовались обрывки воспоминаній, образовъ и впечатлѣній, нагромождаясь другъ на друга, или вдругъ прерываясь и не сходясь. Grimаса ужаса на лицѣ заколотаго нѣмца вдругъ непонятно переходила въ улыбку, злую и мучительную, а затѣмъ въ ласковую, и въ самомъ лицѣ выявлялось другое лицо, знакомое и далекое, плававшее надъ нимъ, протягивавшее ему острые штыки вмѣсто рукъ, которые обнимая кололи и причиняли тупую, сверлящую боль.

И все было несуразно, нескладно, нелѣпо и смѣшно. Покачиваться на фургонѣ было такъ-же удобно, какъ въ деревнѣ на возу со снопами, но въ тоже время было похоже на то, что этотъ возъ давитъ его своей тяжестью, ползетъ по всему тѣлу, и не можетъ сползти съ него, потому что все тѣло стало громаднымъ, вытягивавшимся во всю дорогу отъ поля до села, а когда хотѣлось вырваться изъ подъ него, что-то блѣдное и безликое прилипало всюду и стѣсняло малѣйшее движеніе, наливая все тѣло сѣрою массою холоднаго свинца.

И тогда еще короче становились мысли, еще нелѣпѣе соединялись образы, и исчезали въ давящей безликости блѣднаго ужаса, котораго присутствіе чувствовали и короткія мысли и нелѣпые образы.

И въ мгновенномъ ощущеніи чего-то невыразимо опаснаго, съ нимъ совершавшагося, неотвратимо и упрямо-переставало биться сердце, и синія кровь просвѣчивала ярче сквозь кожу.

* * *

Было уже совсѣмъ темно, когда подѣхали къ могилѣ.

— Вы послѣдніе, ребята... Складывайте, да и засыпать...

Тихо съ другого конца могилы священникъ началъ службу.

Почему-то теперь брали бережно и осторожно. Класть было не глубоко, потому что уже было наложено нѣсколько рядовъ до самыхъ почти краевъ могилы. Клади по одному, ровно другъ подлѣ друга, и фургона хватило только на одинъ рядъ длинной ямы. И когда кончили класть, начали засыпать съ того края, гдѣ положили послѣдняго, не дожидаясь конца отпѣванія.

Перекрестившись, поплевали на руки: скорѣе хотѣлось кончить.

Священникъ уѣхалъ.

И въ томъ, что всѣ дѣлали—не было для нихъ ничего, чтобы смущало или тяжестью ложилось на сердце. Дѣлали, какъ все обычное, спокойно засыпали, не перекидываясь словами, какъ во время нужной, аккуратной работы, которую къ тому-же хотѣлось поскорѣе кончить, потому что работали давно и спѣшно.

Но когда еще не засыпали половины, изъ глубины темнаго поля кто-то сверкнулъ выстрѣлами, звонко и весело прокатившимися по полю.

— Разѣздъ ихній... Ребята, маршъ...

Повскакали въ фургоны, бѣшено гикнули на лошадей и понеслись покрикивая, ударяя лопатами въ спины лошадей, высоко подпрыгивая по кочкамъ неровнаго поля, прижимаясь къ досчатымъ стѣнкамъ фургона; выстрѣлы стихли.

— Стой... Отошли...

Остановились. Кто-то задумался:

— Эхъ, не закопали могилы...

— Ну, завтра. Разбойный народъ... Никого ему нѣтъ ни санитаръ, ни сестры, ни доктора... Одно слово нѣмецъ...

Издали ихъ окликнули.

— Свои—отвѣтили подѣзжая и миновали спокойно цѣпь сторожевого охраненія.

* * *

Мозгъ становился упругимъ и незамѣтнымъ, нечувствуемымъ какъ всегда, удобно укладываясь въ стѣнкахъ черепа. Словно оживать начинало одеревянѣвшее тѣло и опять питалось болѣзненнымъ ощущеніемъ разорванныхъ клѣтокъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга атомовъ, расщипанныхъ волоконъ мускуловъ отошедшихъ отъ мяса костей, отдѣлившейся отъ мяса кожи.

Словно отъ влажной свѣжести ночи размякли плотно сомкнутыя губы и раскрылись и затомили мучительной жаждой. Это было первое осмысленное, человѣческое желаніе, простое и понятное, прояснявшее сознание и сцѣплявшее мысли въ одно:

— Пи-и-ть...
И звукъ собственнаго голоса разбудилъ тишину въ ушахъ; желаніе видѣть и знать напряженіемъ нервъ открыло отяжелѣвшія вѣки:

— Пи-и-ть...
Потрескавшіеся губы едва шевелились. Мучительно томила жажда и въ жадномъ порывѣ къ тому, что могло бы утолить эту жажду неожиданно слабо пошевелились руки. И отъ этого движенія какъ будто бы разлилась кровь по жиламъ и сообщила кожѣ привычную чуткость въ осязаши.

— Пи-и-ть...
Звуки падали и замирали, не рождая отвѣтныхъ. По чему то мягкому, удивительно похожему на человѣческое лицо скользнули руки и впились удивляясь, стараясь понять:

— Гдѣ же я... Что это...
Тревожными, короткими ударами забили мысли тревогу. Безумно впились открытые глаза въ сумерки ночи и судорожно сжали пальцы чье-то лицо, холодное и жесткое. И то, что было вокругъ, не укладывалось въ сознаниі и опять показалось нелѣпымъ бредомъ, выявлявшимъ изъ себя блѣдное, безкровное, плоское лицо смѣявшагося надъ нимъ ужаса.

Блѣднаго ужаса, блѣднаго, какъ вытекшій мозгъ.

* * *

Въ предразсвѣтномъ туманѣ, осыпавшемъ его каплями росы—онъ очнулся. Какъ то вдругъ сразу открылись глаза, вернулось сознание, услышали уши.

Мучительно хотѣлось пить. Горѣло все тѣло. Не свѣжила роса, не доходила до тѣла предутренняя свѣжесть, словно не могла проникнуть сквозь кольцо горячаго воздуха, стоявшаго надъ нимъ.

И опять, потянувшись руками, нащупалъ мертвое лицо, жесткое тѣло и теперь ясно, отчетливо понялъ, гдѣ онъ. И въ тотъ же моментъ исчезла жажда, похолодѣло на мгновение все тѣло и съ страшною болью сжалось сердце и въ лихорадочномъ вихрѣ мыслей ярко сверкнула одна, нелѣпая и жуткая, какъ длинная игла пронизавшая мозгъ:

Живого... живого...

Въ страшныхъ усиляхъ затрепеталъ и забился, сился двинуться, сползти, крикнуть, узнать. И отвратительно почувствовалъ мягчавшіе подъ его горячимъ тѣломъ трупы, точно прижимавшіеся къ нему любовно-плотно и близко.

Рванулся и поползъ по нимъ до края могилы, неуклюже волоча свое тѣло, казавшееся чужимъ, незнакомымъ, тяжелымъ и каменнымъ, чуть-чуть плавившимся отъ жары и спячьей жадности. И у него хватило силъ только на то, чтобы дотянуться до земли, судорожно зацарапать край могилы скрюченными пальцами и положить голову на холодную, липкую массу глины. И было невыразимо радостно и приятно прикосновение къ горячему лицу ея, къ потрескавшимся губамъ, которыя, жадно приникая къ ея скользкой влажности, высасывали изъ нея ея влагу съ нестерпимою жадностью.

А предразсвѣтный туманъ словно не таялъ, словно непроницаемой стѣной стоялъ надъ могилой, закрывая людей и спасение. И въ освѣженной головѣ забились мысли, простыя и цѣльныя, все разъяснявшія, опредѣлявшія и нелѣпостью про-

стоты своей пронизывавшія умъ и сердце острыми, какъ ножъ, ощущеніями неотвратимаго ужаса, который подходилъ откуда то сзади, протягивалъ цѣпкія руки и ждалъ и тянулъ въ страшную, бездонную глубину зіяющей бездны.

И отъ рѣжущихъ ощущеній опять путались мысли, мутнѣло сознаніе, болѣли страннымъ напряженіемъ сѣдѣющіе волоса на головѣ и ломались ногти, впиваясь въ землю окровавленными пальцами.

И ужасъ, блѣдный и плоскій, непонятный, какъ сѣрая масса мозга, вытекшаго изъ разбитаго черепа, смѣлѣлъ и становился рядомъ и смѣялся отвратительной мертвенностью своего безликаго лица.

И опять все исчезло въ его безличьи.

* * *

Когда надъ нимъ наклонились блѣдныя, испуганныя лица, онъ дико вскрикнулъ и страшною гримасою боли и отчаянія изуродовалъ свое лицо.

Его осторожно подняли и унесли.

И когда несли—молчали и старались не смотрѣть на его лицо, хранившее на себѣ застывшую гримасу боли и ужаса. Сжимались сердца и падали, точно по пятамъ за ними шель самъ ужасъ. И хотѣлось, до боли, до страданія хотѣлось знать, что знаетъ онъ, кого они несли, и въ то же время старались не думать объ этомъ.

А когда его въ лазаретѣ привели въ чувство, онъ ничего не могъ рассказать. И оттого, что онъ молчалъ и ничего не рассказывалъ еще больнѣе было чувствовать стоявшій за нимъ всегда и вездѣ ужасъ.

Блѣдный ужасъ, безцвѣтный и непонятный, какъ вытекшій мозгъ.

Левъ Гумилевскій.

103064

А. Киселевъ.

ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА.

I.

Письмо солдатское, отъ Спиридона Кочедыкова.

Дрожаище наши родители, батюшка Игнатъ Карнеичъ и матушка Афросинья Семеновна! Пишетъ вамъ сынъ вашъ любезный, Спиридонъ Игнатичъ, изъ чужой дальней стороны, куда воронъ костей не заноситъ, на свою на родину. Во первыхъ строкахъ моего письма посылаю я вамъ свое сыновнее почтеніе и съ любовію низкій поклонъ. И желаю я вамъ отъ Бога добраго здоровья, и всякаго благополучія, и счастливаго успѣха въ дѣлахъ вашихъ. Еще кланяемся супругѣ нашей, Настасьѣ Васильевнѣ, и цѣлуемъ въ сахарныя уста нещетно разъ, и посылаемъ сыну нашему, Григорію Спиридонычу, свое родительское благословеніе. И приказываемъ мы ей, нашей супругѣ Настасьѣ, чтобы она себя соблюдала безо всякихъ глупостевъ, и дите наше берегла пуще глазу, и все чтобы по хорошему поведенію. А еще кланяемся единоутробному братцу, Лизару Игнатичу, съ супругой его, Василисой Митревной, и съ дѣтками, и желаемъ имъ добраго здоровья и всякаго благополучія. И сестрицѣ Христинѣ Игнатьевнѣ. Еще кланяемся дядюшкѣ, Василию Карнеичу, со всѣмъ ихнимъ семействомъ,

и отцу кресному, Захару Федосеичу, и матери кресной, Аксиньѣ Петровнѣ, и тестю, Юдаю Мысеичу, со всѣмъ его семействомъ.

Пишу я вамъ: теперь мы стоимъ другую недѣлю въ городѣ—называть не велятъ—отдыхаемъ. А допрежь того пять недѣль безъ передышки сражались день и ночь съ нѣмцами.

—противъ силы идетъ сила. А въ штыки когда идешь,—будто самъ не въ себѣ человѣкъ,—ничего не помнишь. Очунешься когда—нѣтъ никого, одни свои останутся, да убитые, да раненые кругомъ, какъ снопы въ полѣ, лежатъ, гдѣ вразброску, а гдѣ кучами. И какъ я живъ до сей поры— не иначе по твоей молитвѣ, матушка, которая со дна моря подымаетъ. Это все-бы ничего, да только вошь вотдѣлку донимаетъ въ окопахъ, осыпная! И табачку бываетъ мало, и пища горячая не доходитъ,—нельзя доставить. И то сказать: въ окопахъ—не въ гостяхъ у тещи! А промежду прочимъ, теперь все, слава Богу, въ городу обошлось по хорошему. Слухъ есть—скоро опять на передовыя итти. Еще прошу я васъ: пишите мнѣ на отвѣтъ,—когда слободно бываетъ—объ домашности думается. Любезный вашъ сынъ Спиридонъ Кочедыковъ писалъ. Имѣю одного Егорія, къ другому приставленъ. Еще отпишите, на счетъ способія какъ.

II.

Любезный нашъ сынъ, Спиридонъ Игнатичъ.

Отписываемъ мы на отвѣтъ твоего письма, родитель твой, Игнатъ Карнеичъ, и дрожащая родительница твоя, Афросинья Семеновна. И посылаемъ мы тебѣ наше родительское благословеніе, по гробъ жизни которое нерушимо, и съ любовію низко кланяемся, и желаемъ отъ Господа Бога добраго здоровья и всякаго благополучія со врагомъ сражаться. А супру-

га гвоя, Настасья, оказалась въ стервахъ. Какъ померъ сынъ твой возлюбленный, Григорій Спиридонычъ, по младенческому дѣлу отъ живота кричалъ,—такъ она, самый Покровъ, ушла изъ родительскаго дома къ прикащику на хуторъ, вродѣ какъ въ куфарки, и глазъ съ той поры не кажетъ. Не наше это дѣло—промежъ мужа и жены разбирать что,—дѣло молодое,—а только отъ людей нехорошо, и черезъ это намъ способіе не идетъ,—на себя получаетъ. Прикащикъ, и волостной, и старшина—одна канпанія. А намъ такъ что говорятъ: у васъ есть старшой сынъ кормилецъ. А какой онъ, Лизарка, кормилецъ, когда десять годовъ отдѣленъ и самъ-семъ живетъ, одинъ работникъ. Подумать тоже надо. Еще кланяется тебѣ дядя, Василиій Карнеичъ, и тетка, Анна Матвевна, и отецъ кресный, Захаръ Федосевъ, и мать кресная, кума Аксинья, и свать Юдай. И прожертвовали они на тебя безъ гривенника два цалковыхъ сообча всѣ, и братъ Лизаръ. И посылаемъ тебѣ гостинецъ: рубаху новую, льняную, своего холста, мать сшила, да рубаху миткалевую, да подштаники, да портянки, и рупь деньгами. Больше небезсудъ,—у самихъ достатки знаешь, какіе. А на счетъ способія которые говорятъ: надо къ земскому сходить, то-ись отбить у Наськи у твоей и себѣ произвести. А какъ ты къ ему пойдешь? Не свой братъ,—и вниманія слушать не станетъ. Еще теперъ весна подходитъ, и сѣвъ самый, а намъ опять сѣменовъ надо—нѣту. Въ волости сулили, а еще не вышли. Ржи—до Троицы, болѣ не хватитъ. Овцы ягнились хорошо: два баранчика да три ярочки принесли. Только корова не телится, должно, въ передой пошла,—лѣтомъ корма были плохи.

Вообще всѣ тебѣ кланяемся и ждемъ живова здорова въ родительскій домъ. Писалъ родитель твой, Игнатъ Карневъ Кочедыковъ, а за его неграмотнаго расписался Василиій Сизовъ, кумъ твой, и посылаю тебѣ поклонъ еще отъ себя.

III.

Письмо супругъ нашей, Настасьѣ Васильевнѣ, отъ Спиридона Кочедыкова, солдатское. Во первыхъ строкахъ моего письма: кумъ Василии пишетъ, что ты, паскуда, забыла свою клятву, какъ на послѣдяхъ мнѣ клялась своей душой, и землю цѣловала, и въ ногахъ валялась—будешь вѣрная. А на конецъ дѣла—къ прикащику ушла! За такія твои подлости, приду— всю шкуру спущу, И сына нашего младенца, отъ своей подлости, не уберегла. Мы каждый часъ— каждую минуту у смерти стоимъ, не щадя живота своего, а я такъ что изъ головы не могу этого выпустить. Да чтобы ты дурь эту самую и всю твою шкodu въ одинъ часъ бросила. И oprичъ всего прочаго, чтобы способіе все въ семью, а не токма—что одной себѣ. Какъ-же ты можешь глупо разсуждать. не въ семьѣ жить, а по куфаркамъ по разнымъ шабалами трясти, и чтобы родителей моихъ не почитать. Не могу я ничего больше писать тебѣ, сердце разрывается на части объ твоёмъ объ паскудствѣ. Напиши ты мнѣ на отвѣтъ всю правду истинную, какъ передъ Богомъ, скажи, не утай ничего. Може я и живъ то не останусь,—успокой ты мою душу въ страшный часъ передсмертный. Може это чего понасердкѣ на тебя плетутъ. Хочу я думать, что ты у меня жена вѣрная, и я тебѣ за это кланяюсь. Мужъ твой любезный Спиридонъ Кочедыковъ подписался.

IV.

Милый ты мой дружечка, супругъ разлюбезный, Спиридонъ Игнатичъ! Пишетъ тебѣ жена твоя, Настасья, и кланяется до сырой земли. И цѣлую я твои руки-ноги: не имѣй ты на меня сердца никакого, не тревожь себя напрасно! Разнесчастный чelовѣкъ я безъ тебя осталась, и плачу день и ночь. И письмо твое, золотыя словечки, я все слезами залила, и цѣловала, какъ тебя самого будто. Что хошь со мною дѣлай—вся твоя полная воля на мнѣ—только воротись скорѣй живъ-здо-

ровъ. А что кумъ Василий написалъ тебѣ—все это одна брехотня. Только что ушла я изъ дому—это правильно, потому житья не стало. Покуда въ поляхъ работали—все терпимо было; а какъ убрались—поѣдомъ меня ѣсть стали, и свекры-мать, и пуще того-золовка Хреська. Кажднымъ кускомъ попрекають, какъ не надо хуже, называютъ, ко всякому мужику приплетаютъ, вродѣ полюбовницы. И работать заставляютъ замѣсто мужика, во всякій слѣдъ посылають. Покуда нашъ Гришенька живъ былъ я все терпѣла ради него. А когда онъ захворалъ, ему молочка свекры не давала и каши не варила. Отъ этого, когда способіе вышло, я не отдала имъ, а купила Гришѣ крендельковъ, да ходила молебень заказывала, да къ бабкѣ Устинѣ ходила за наговорной водой. Осталось у меня отъ способія шесть гривенъ—на похороны Гриши пошли,—панафиды служила, и объ тебѣ просвиры за здравіе брала. А они за это самое способіе меня еще пуще тазать стали. И тутъ я всѣ свои глазыньки объ тебѣ проплакала: некому мнѣ объ своемъ горѣ пожалиться! Противъ сердца своего я ушла изъ дому, отъ грѣха отъ великаго: Хреська, какъ змѣя, шипить. Жила я двѣ недѣли у своей у кресной,—дай Богъ ей здоровья! Она и къ прикащику придѣлила. А люди они хорошіе, что самъ, что жена. Объ тебѣ все спрашиваютъ, а я сама ничего не знаю. Свекоръ-батюшка объ твоёмъ письмѣ ничего мнѣ не сказалъ,—отъ людей только слыхала. А способія мнѣ одинъ разъ всего и дали,—больше говорятъ: ты при мѣстѣ служишь,—нельзя. Самъ знаешь: наше дѣло непривышное въ людяхъ жить. Ничего бы я не взяла на свѣтѣ, только бѣ дома жить съ тобой. Теперь вотъ во чревѣ ношу дите наше съ тобой, а какъ родить и гдѣ буду—головы своей не придумаю. Сердце кровью обливается, какъ про этотъ часъ вспомню: нѣту около меня ни тебя, ни матушки, царство ей небесное. Одна—одинешенька въ чужихъ людяхъ. А что про паскудство тебѣ пишутъ—не вѣрь ты ни одному слову: чиста я передъ тобой, какъ свѣча передъ образомъ! И жду я тебя, друга милаго, день и ночь, однимъ тобой живу на свѣтѣ,—давно бы руки

на себя наложила отъ всего отъ протчаго. Только я неграмотная и не могу тебѣ всего объяснить, что во мнѣ есть. Не посуди ты меня, глупую, за мои за слова за разныя.

Писала письмо племянница твоя Феня Кочедыкова. Тетка Настасья истиную правду говоритъ, вотъ тебѣ святой крестъ, одну правду! Она теперь на себя не похожа, вся извелась. А Васька Сизовъ зря на нее чего нибудь наплелъ. Про него тутъ болтаютъ, что онъ самъ все къ теткѣ Настасьѣ приставалъ. А у насъ въ училищѣ на Фоминой будетъ экзамень. И я буду сдавать. Очень даже хорошо теперь умѣю писать, и читать, и ариеметику считать. Побѣди скорѣй нѣмцевъ проклятыхъ, да домой приходи. Кочедыкова Федосья.

* * *

Въ Синьковское Волостное Правленіе. №—скій лазаретъ № 9 Общеземскаго Союза проситъ Волостное Правленіе сообщить крестьянину с. Березневатки, Игнатію Корнѣеву Кочедыкову, что въ указанный лазаретъ поступилъ на излеченіе раненый въ грудь навyleтъ унтеръ-офицеръ Спиридонъ Игнатьевичъ Кочедыковъ. Посѣщенія раненыхъ родственникамъ разрѣшаются ежедневно отъ 1 до 4 час. дня. Старшій врачъ...

А. Киселевъ.

И. Ю. Борисовъ-Извѣковскій.

ЦВѢТЫ РАСЦВѢТАЮТЪ.

Далеко за полночь, когда все уже спитъ, садится изъ воздуха медленно пыль и плотно къ землѣ приникаетъ. Будто слушаетъ вздохи земные, будто хочетъ ее приласкать, глядя прозрачнымъ эфиромъ по нѣжнымъ покровамъ, измѣнчивымъ въ бѣгѣ земли неустанной.

Въ свѣтломъ безмолвіи трепеть рождается,—трепетъ любви и стремленія въ небо, и тамъ, будто омытыя, блещутъ вѣчныя звѣзды въ пространствѣ бездонномъ.

— Это на небѣ цветы расцвѣтаютъ!

Кто видѣлъ ихъ утромъ, когда борется свѣтъ съ темнотою, когда дуетъ эфиръ охлажденный и падаютъ свѣтлыя слезы на землю? Красотой неземною сіяетъ тогда Орionъ, и поясъ его въ радостной нѣгѣ льетъ на спящихъ надежду и миръ, надежду и миръ... Охватитъ полнеба Драконъ, поднимается ввысь колесница, смѣются, качаясь совсѣмъ надъ землею, полные радостныхъ дней Близнецы, и, факеломъ грозно махая, свѣтоносный идетъ на востокъ Прокionъ!..

Мигаютъ міры и грустную думу рождаютъ: не то тамъ, на далекихъ мірахъ, плачутъ о насъ, ибо имъ, просвѣтленнымъ, видны наши черныя мысли, не то тайну хотятъ намъ

открыть, не то наши дѣла проклинають и сѣють на головы огненный дождь...

Быть можетъ, тамъ благовѣсть вѣчной молитвы о жизни счастливой въ движеніи міровъ раздается; призываютъ живущихъ во мракѣ на лоно, гдѣ времени нѣтъ, гдѣ радость поетъ вдохновенныя пѣсни!

А люди еще не устали терзать себя страшнымъ бичомъ, отъ котораго стонуть всѣ члены и мозгъ воспаляется. Мечутся въ омутѣ страшныхъ проклятій съ хулой на устахъ и со злобой въ глазахъ расширенныхъ, вязнутъ по шею въ болотѣ желаній, хотятъ пресыщеній, кривляются днемъ, а ночью боятся остаться подъ кровлей. Но развѣ возможно привыкнуть къ побоямъ и спать съ кошмарами, развѣ возможно младенцу постигнуть гнуснѣйшую ложь и совершить преступленье, отъ котораго кровь леденѣетъ у мудрыхъ?..

И не знаетъ никто, что средь ночи, въ тишинѣ безглагольной, пробуждается чистая жизнь и вздыхаетъ о сладкомъ мгновеньи, когда высшая сила дыханіемъ міръ наполняетъ, и страсти людскія безвольны. Только вѣдь ночью у насъ тишина наступаетъ, только ночью и есть чистота.

Бесли бы люди, проснувшись, забыли, что дѣлали только вчера, и руки другъ къ другу простерли! Перестали бы пыль отъ земли поднимать, — ею вѣдь небо они застилаютъ! Любовь пробудилась бы въ черствыхъ сердцахъ и въ каждомъ увидѣли бъ Божьяго сына...

Такъ шепчетъ, вздыхая, предвѣчная тайна, сокрытая въ блескѣ свѣтилъ. А жители грѣшной земли съ презрѣньемъ отъ свѣта небесъ отвернулись и знать не хотятъ, что каждую ночь въ голубомъ океанѣ —

-- Неземные цвѣты расцвѣтають!..

Къ морю шумящему пусть подойдутъ и посмотрятъ, какъ волны цѣлуются утромъ, когда въ воздухѣ криковъ насилія нѣтъ. Ничего о предательствѣ волны не знаютъ, нѣтъ лицемерія въ ихъ поцѣлуяхъ, и за улыбкой не скрыто коварство у нихъ. И пусть люди поучатся жизни у волнъ! Пусть ухо при-

ложатъ къ водѣ и слушаютъ нѣжную пѣсню! И голубые напѣвы войдутъ въ ихъ сердца, напѣвы о шумномъ просторѣ, свободѣ... Тамъ моются въ чистой водѣ изумруды, алмазы, рубины. Катаются грудой по дну самоцвѣтные камни, не нужные жителямъ моря. Иная тамъ жизнь и не камни, не прахъ растлѣвающій ея на днѣ руководятъ—тамъ правда закона небесъ, простая и ясная правда, безъ лжи и обмана царить. Тамъ вырастаютъ лѣса по горамъ, какъ и здѣсь на землѣ, а въ сверкающихъ гротахъ идетъ постоянно торжественный жизненный пиръ! И тайна великая въ морѣ сокрыта... тайна сокрыта...

Море шумитъ постоянно. Какъ будто кому объявило войну, валами катитъ свои бурныя воды, бьетъ въ скалы и стонетъ забытою пѣной на бѣломъ пескѣ. Но нѣтъ, оно не воюетъ со скалами, это играетъ оно, радость свою утоляетъ и ропщеть, когда нѣжное тѣло свое о грубый и острый гранитъ ударяетъ. Радости полное, плещется къ небу свободное море, бросаетъ какъ щепки суда, къ погибающимъ жалости нѣтъ у него, ибо ему не извѣстны стремленья людскія!..

А люди на каменномъ берегѣ выросли. Чужды имъ ласки холодной волны, совсѣмъ неизвѣстны имъ пѣсни морскія, и каменнымъ сердцемъ своимъ они измѣряютъ божественный гимнъ переливовъ. И не знаютъ, что тамъ, гдѣ сказка земная блѣднѣетъ, гдѣ нельзя рассказать всѣхъ чудесъ.—

— Тоже цвѣты расцвѣтаютъ!

Но сейчасъ на землѣ миновала зима... Скоро Божій садъ зацвѣтетъ, пожелтѣвшіе листья сгніютъ, засверкаетъ лучами своей доброты, предъ которою нѣтъ ни рабовъ, ни тирановъ, въ самомъ зенитѣ счастьемъ кипящее солнце и, рожденныя тьмой и морозомъ, забудутся всѣ заунывныя пѣсни. Забудутся всѣ заунывныя пѣсни!..

Раздадутся пѣвцовъ голоса по садамъ и лѣсамъ, все очнется отъ зимняго сна, сброситъ бѣлый, холодный покровъ и одѣнется въ новую тогу, по которой, новымъ бальзамомъ дыша,

— Живые цвѣты расцвѣтаютъ!

С. Полтавский.

ЗЕМНОЕ И НЕБЕСНОЕ.

Воскреснетъ любви!..

На вершинѣ горы, подъ звѣздами ночного неба, ихъ было двое.

Старый мудрецъ и его ученикъ.

Смутно темнѣли дали, и четкимъ стальнымъ пятномъ лежало внизу тихое озеро.

Безмолвно было небо, безмолвна была земля, и неподвижень былъ воздухъ.

Долгимъ созерцательнымъ взглядомъ бродилъ мудрецъ по темно-синимъ пустынямъ неба, усыпаннымъ жемчужнымъ звѣзднымъ пескомъ. А юноша, склонивъ голову, смотрѣлъ въ молчаливую бездну, въ которой пряталась уснувшая, утомленная злобой земля.

И старецъ первый нарушилъ молчаніе земли.

— Посмотри сюда, Тагоръ, — сказалъ онъ. — Оторви взглядъ твой отъ безнадежности брошенныхъ тамъ, внизу, равнинъ и посмотри на небо. Зачѣмъ разглядывать рубище нищаго, когда передъ глазами яркія царскія одежды? Смотри, какими сіяющими брилліантовыми нитями украшено небесное чело Брахмы, и какъ строго окаймляетъ его священная повязка Млечнаго Пути. Развѣ земля вмѣщала когда нибудь въ себѣ столько алма-

зовъ, сколько вмѣщаетъ ихъ небо, разбрызгивающее свѣтила по своему голубому полю, какъ капли прозрачной росы? Скоро взойдетъ солнце и ночное чудо исчезнетъ. Мы встрѣтимъ день священнымъ гимномъ *гаятри*, но пусть этотъ день скорѣе умретъ за хребтами горъ! Онъ даетъ видѣть слишкомъ много ничтожества, а ночь открываетъ картины вѣчности. Благословенна ночь и небо, которое ей отдаетъ себя! Ты слушаешь меня, Тагоръ?

— Да, я слушаю, учитель.

— Но ты продолжаешь смотрѣть на землю?

— Да, потому что вѣдь это—тоже одинъ изъ алмазовъ, разсыпанныхъ на небѣ щедрою рукою Брахмы, учитель. Земля—младшая подруга солнца, и когда я смотрю внизъ, мнѣ кажется, что подъ ногами у себя я вижу небо. Скажи мнѣ, развѣ небо, которое у насъ подъ ногами, не должно быть ближе нашей душѣ, чѣмъ то, которое высоко и недостижимо?

— Твоя мысль, Тагоръ, какъ камень, падаетъ всегда внизъ, тогда какъ она должна была бы птицей взлетать къ небу. Престоль Брахмы достойнѣе нашего созерцанія и нашего восхищенія, чѣмъ грязные камни и пыль земли. Оттого небо и раскинулось такъ высоко надъ нами, что оно любитъ полетъ въ высь. Будь подобенъ ему и ты будешь его достоинъ.

Тагоръ усмѣхнулся.

— Ты смѣешься, Тагоръ?

— Прости мнѣ мои сомнѣнія, учитель. Но если вѣрно, что престоль Брахмы утверждёнъ на далекомъ небесномъ сводѣ, то не будетъ ли мысль, устремленная къ нему, казаться великому Брахмѣ, пребывающему тамъ, вверху, падающею внизъ, ибо она упадетъ къ его ногамъ? И напротивъ, мысль, устремленная къ землѣ, не представится ли ему изъ его небеснаго дворца полетомъ въ высь, который онъ возлюбитъ и благословить?

— Ты искушаешь мудрость легкомысленной игрой словъ, Тагоръ—отвѣчалъ мудрецъ.—Земля—мѣсто изгнанія, и печать проклятія лежитъ на всемъ, что ее наполняетъ. Жизнь наша

плѣнь, изъ котораго мы съ радостью уйдемъ, какъ только откроетъ намъ дверь рука всемогущаго Брахмы. Развѣ есть на землѣ что нибудь, что могло бы привязать насъ къ ней и наполнить насъ радостью?

Молчала ночь, спокойная и строгая, и ничего не отвѣчалъ старцу Тагоръ, погруженный душою и взглядомъ въ неясныя очертанія земли, прятавшіяся внизу.

И еще разъ, торжествуя, спросилъ мудрецъ юношу:

— Ты молчишь, Тагоръ? Скажи же мнѣ, что на землѣ можетъ подняться на высоту мысли человѣческой и что можетъ дать счастье обреченнымъ на вѣчное страданіе перевоплощенія?

Радостной и свѣтлой улыбкой улыбнулся Тагоръ и отвѣтилъ мудрецу, поднимая лицо свое:

— Я слышу запахъ джунглей, учитель, и онъ веселитъ мнѣ душу.

— Все суета и обманъ, мой юноша,— отвѣчалъ старецъ.— Ты думаешь, это джунгли растутъ тамъ, у подножья горъ, а это растетъ горе человѣческое, разливается сокомъ по листьямъ деревьевъ, прячется въ зеленыхъ нитяхъ лианъ и наполняетъ отравой и горечью того, кто къ нимъ прикасается.

И эта гора, которую мы попираемъ ногами, сложена изъ застывшихъ несчастій. Смотри, она черна, какъ проклятіе, и неподвижна, какъ голодный индусъ, брошенный умирать на дорогѣ.

А дождь, который падаетъ изъ тучъ и разливается свѣтлыми потоками—развѣ ты не замѣтилъ, что онъ очень похожъ на слезы, которыя текутъ изъ глазъ у людей, и развѣ ты можешь поручиться мнѣ, что моря и океаны, по которымъ плаваютъ корабли, не выплаканы милліонами этихъ жалкихъ существъ, рождающихся только для того, чтобы страдать и потомъ умереть? Ты слушаешь меня, Тагоръ?

— Да. Я слушаю.

— Я не люблю землю, Тагоръ, потому что вся она соткана изъ безумія, а мечты о счастіи создаютъ на ней только боль. Высшая мудрость—живя на землѣ, принадлежать не

землѣ, а небу. Всѣ мы, выстрадавъ себѣ это право, уйдемъ въ небытіе—и это будетъ лучшее, что обѣщаетъ намъ судьба. Оставимъ червямъ, нищимъ и рабамъ эту печальную планету, отданную во власть многоликому Шивѣ, обитателю кладбищъ. Привязанные къ ней тѣломъ, какъ плѣнники, мы будемъ устремляться своей свободной мыслью туда, гдѣ невидимыя воды нирваны смываютъ всѣ страданія и приносятъ послѣднее освобожденіе. А владѣнію Шивы мы скажемъ отъ всего сердца:

«Да будетъ проклята земля!»

— Нѣтъ, учитель!—съ волненіемъ сказалъ Тагоръ. — Да будетъ благословенна земля со всею ея скудостью и нищетою! И проклятія, и слезы человѣческія—все пусть будетъ благословенно. Сладко вдыхать запахъ вспаханнаго поля, потому что изъ разорванной груди земли поднимутся къ солнцу ртучныя колосья. Несчастія—это только плугъ, которымъ Шива вспахиваетъ душу человѣческую, чтобы посѣять въ ней сѣмена новой жизни, и чѣмъ больше слезъ прольется на землѣ, тѣмъ обильнѣе будутъ всходы. Благословенна жизнь и благословенны страданія, которыя несутъ міру радость воскресенія изъ мертвыхъ!

— Ты говоришь безумныя слова, Тагоръ,—грустно покачалъ головою мудрецъ.—Не демонъ ли Равана овладѣлъ твоимъ умомъ? Развѣ можно благословлять тюрьму, гдѣ, не родившись, умерла любовь и гдѣ свѣтъ солнца лишь сгущаетъ темноту души, зажигая въ ней ненависть и жадность?

— Клянусь Брахмой, ты не правъ, учитель!—горячо воскликнулъ Тагоръ.—Тюрьма дана человѣку для того лишь, чтобы онъ научился желать свободы. И не можемъ мы солнце упрекать въ томъ, что оно накапливаетъ черныя тучи, которыя день превращаютъ въ ночь. Эти тучи нужны для того, чтобы увлажнить землю и, вспоенную, принести ее въ даръ новому солнечному дню. Великая любовь поднимаетъ испаренія ненависти со родна человѣческой души, и когда въ страданіяхъ преобразится эта душа, будутъ счастье и радость на землѣ, и станетъ земля чистой и убранной алмазами, какъ небо.

Ласково положилъ старый мудрецъ руку свою на колѣно юноши.

— Когда умираетъ человѣкъ, не можетъ онъ перевоплотиться въ божество. Въ низшее существо перевоплощается онъ или—если онъ заслужилъ этого—уходитъ въ вѣчное блаженство нирваны. Любовь умерла и не можетъ родиться вновь. Непреложны законы жизни. Въ то время, какъ излучала огонь и свѣтъ изъ себя земля, была она драгоценнымъ камнемъ въ ожерельи Брахмы, и были въ ней любовь и счастье, потому что не осквернялъ ее своимъ дыханіемъ человѣкъ, и путь ея былъ вдохновенною *гитанджалми*, жертвенною пѣснью передъ богомъ всѣхъ боговъ. Но она потухла и больше никогда не зажжется. Развѣ только—въ часъ гибели своей, когда и для нея придетъ желанный моментъ нирваны..

— Не унижай священнаго имени человѣка!—воскликнулъ снова Тагоръ.— Иначе я усумнюсь въ томъ, что ты—„саньясинъ“, праведный странникъ и мудрый учитель, которому дано постигнуть тайны и вѣчный вѣщій смыслъ Ведъ. Тамъ, гдѣ дышетъ человѣкъ,—только тамъ живетъ настоящая жизнь и поется настоящая, полная святости жертвенная *гитанджалми*. Если и вправду ясна тебѣ книга жизни, то сдѣлай то, что долженъ сдѣлать мудрый учитель: воздѣнь руки къ небу и скажи отъ полноты души:

— Велика мудрость Брахмы, потому что она создала человѣка...

Гнѣвными складками сдвинулись брови на лицѣ мудреца.

— Ты все еще упорствуешь, юноша? Не черные ли глаза смуглой дѣвушки изъ джунглей плѣнили твое сердце и заставляютъ тебя расточать эти богохульные гимны человѣку и землѣ? У кого ясенъ умъ и мысль не плѣнена страстью, тотъ не можетъ, не долженъ, не смѣетъ, покидая вѣчное, уходить къ временному,

Что такое человѣкъ и почему ты хочешь сдѣлать изъ него *яджамана*, великаго Принесшаго Жертву, передъ которымъ

должны поклоняться сами боги? Это—ядовитый скорпионъ, который въ припадкѣ безумія жалитъ самого себя и отравляетъ себя собственнымъ ядомъ жестокосердія и злобы. Ты слышалъ, что говорилъ намъ факиръ на дорогѣ изъ Бенареса? Въ то время, какъ на небѣ для всѣхъ свѣтитъ солнце, а на землѣ всѣмъ отдаетъ свое плодородіе почва, люди ведутъ войну между собою и отнимаютъ другъ у друга то, чего они не давали: жизнь и священную силу созерцанія и мысли.

Такъ много мѣста для всѣхъ подъ небомъ, а они убиваютъ другъ друга! Такъ много страданій на землѣ, а они причиняютъ другъ другу новыя, еще большія страданія—жалкіе, слѣпыя черви не умѣютъ видѣть дальше того, что у нихъ подъ ногами.

Они мертвы. Тагоръ, потому что умерла въ нихъ любовь, они мертвы, потому что не видятъ неба. Неужели мысль твоя предпочтетъ унылую могилу земли ослѣпительной сокровищницѣ неба?

Неужели имя „человѣкъ“ ты будешь произносить съ большимъ трепетомъ въ душѣ, чѣмъ трижды священное слово „нирвана“?

— Да, учитель,—твердо отвѣтилъ Тагоръ.—Имя человѣка я принесу въ даръ Брахмѣ вмѣсто душистаго сока *сомы*, высшей изъ жертвъ человѣческихъ.

Изумился старецъ и въ волненіи сказалъ только одно слово:

— Почему?

— Потому,— отвѣтилъ Тагоръ,—что твоя мудрость и вѣщающая сила Ведъ не открыли тебѣ послѣдней истины о человѣкѣ и жизни, которую открыла мнѣ земля, когда я душою бесѣдовалъ съ ней.

Слушай, мудрый саньясинъ! Узкія двери ведутъ въ богатые чертоги, и темныя ущелья возносятся на вершину горъ, съ которыхъ можно видѣть рожденіе солнца. Смерть и страданія—это дверь, которою долженъ пройти человѣкъ для того, чтобы достигнуть радости и счастья. Все въ мірѣ умираетъ—и рождается вновь. Умираетъ день, чтобы придти снова обновленнымъ и болѣе яркимъ. Умираетъ зерно, чтобы удесятенно

возродиться въ колосѣ и сдѣлать счастливѣй того, кто его посѣялъ. Умираютъ звѣзды съ восходомъ солнца, чтобы воскреснуть, когда оно уйдетъ на отдыхъ. Все возвращается и ничто не переходитъ въ небытіе.

Ничтожнымъ сдѣлалъ Брахма человѣка и одарилъ его страданіями, потому что великимъ захотѣлъ сдѣлать его и приготовилъ ему путь къ счастью. Воскреснетъ любовь въ душѣ человѣка, потому что слишкомъ сильна въ ней ненависть. Слишкомъ тѣсны стали двери жизни—значить близокъ порогъ, за которымъ широко, мирно и солнечно. Когда гремитъ громъ на небѣ, мы знаемъ: будутъ еще громы, будутъ сверкать и жечь и убивать молніи, но пройдетъ это, и радостно станетъ дышать земля и плодороднымъ станетъ самъ воздухъ, очищенный дыханіемъ грозы. Теперь, когда гремитъ громъ войны на землѣ, мы тоже знаемъ: будутъ еще громы, будетъ еще кровь и ненависть на землѣ, но пройдетъ это—и новый человѣкъ родится на развалинахъ жизни и будетъ онъ дышать легко и счастливо.

Воскреснетъ любовь, потому что смерть есть порогъ воскресенія. Обновится человѣкъ, потому что жестокость и озвѣреніе есть порогъ къ преображенію духа. Измѣнится жизнь на землѣ, потому что упорство ея въ нищетѣ—порогъ къ превращенію въ мудрый и радостный храмъ счастья.

Благословляю землю съ ея горемъ и язвами, благословляю человѣка съ его страданіями, потому что все это будетъ превзойдено, потому, что это—путь къ новой землѣ и новому человѣку! Благословляю мыслями, благословляю сердцемъ и пока живу—до послѣдняго вздоха буду благословлять!..

Умолкъ Тагоръ. И тихо сказалъ ему старецъ:

— Воскреснетъ любовь... да... Но если ты правъ и если дѣйствительно воскреснетъ все то, что умираетъ, то не воскреснетъ ли потомъ умершая ненависть и не станутъ ли снова старыми новая жизнь и новый человѣкъ, о которыхъ ты такъ пламенно пророчествуешь?

— Пусть такъ,— отвѣтилъ ему Тагоръ.— Новый человѣкъ, умѣющій смотрѣть на жизнь съ горной вышины, благословитъ эту новую воскресающую ненависть и возродившіяся страданія, потому что они будутъ дверью въ новое, еще болѣе высокое царство духа и мостомъ къ еще болѣе совершенному человѣку. Развѣ не по ступенямъ лѣстницы восходимъ мы на вершину дворца и развѣ не отъ узкаго истока рѣки приходимъ мы къ ея устью, широкому, какъ море? Великій Брахма далъ человѣку душу и руки для того, чтобы бороться и побѣждать. И пусть сдѣлаетъ человѣкъ то, для чего онъ призванъ.

Тогда поклонился мудрецъ въ ноги ученику своему и сказалъ ему:

— Воистину близко пришествіе новаго человѣка на землю, потому что отнял Брахма мудрость у старости и передалъ ее молодости! Да будетъ благословенна новая мудрость—и земля, которая ее породила!

С. Полтавскій.

Д. Борисовъ.

ПОСЛѢДНЯЯ ВСТРѢЧА.

Во все время похода доброволецъ Андрей Кудряшовъ испытывалъ необыкновенное, глубоко-радостное чувство. Окружающая обстановка, страшная боевая жизнь, тысячи опасностей и приключеній—все это было захватывающе, не похоже на обыкновенную прежнюю жизнь. И всѣми мыслями и чувствами онъ былъ прикованъ къ тому необыкновенному, что называлось войной.

Страха смерти онъ не испытывалъ. Было лишь временами ощущение тоски, горечи по убитымъ товарищамъ, но зато были и минуты неизъяснимаго подъема духа и жажды подвига.

Вотъ и сегодня, въ весеннее солнечное утро, онъ находился въ бодромъ, приподнятомъ настроеніи. Вспоминалъ о матери—старой одинокой попадьѣ, и написалъ ей письмо. Въ трогательныхъ выраженіяхъ упомянулъ о своемъ отцѣ—полковомъ священникѣ и просилъ мать не отчаиваться, покориться судьбѣ.

„Здѣсь, милая моя мамуся, я нашелъ самого себя, здѣсь терпѣливо несу свой крестъ, и если суждено мнѣ будетъ умереть, то умру съ полнымъ сознаниемъ исполненнаго долга“.

Письмо сдалъ въ полевую почтовую контору и возвращался въ окопы бодрой, почти танцующей походкой.

Въ отдаленіи уже ревѣли непріятельскія орудія, и волнистая цѣпь холмовъ курилась бѣлыми дымками. Въ окопахъ зашевелились, вытянулись безконечные сѣрые ряды, ощетинились сталью штыковъ.

Хто-то принесъ извѣстіе, что непріятель готовится къ атакѣ большими силами.

— Будетъ дѣло,—подумалъ Андрей, стоя на открытомъ мѣстѣ, взглядываясь въ туманныя дали.

Вдругъ онъ увидѣлъ въ отдаленіи высокую фигуру отца въ развѣвающейся рясѣ, и новый потокъ чувства нахлынулъ на него.

— Хорошо-бы теперь,—подумалъ онъ,—подойти къ отцу, молча обнять его и припасть къ его рукѣ:

— Отецъ, благослови меня.

Съ какимъ-бы радостнымъ удивленіемъ глянули на него суровые старческіе глаза и какъ дрогнула-бы благословляющая рука.

— У насъ такъ много съ тобой недоговореннаго, отецъ, такъ много я принесъ тебѣ огорченій. Но теперь выслушай меня: я вѣрю! Не знаю самъ почему, но мнѣ вотъ хочется молиться этому синему небу, этимъ полямъ, залитымъ кровью.

— Не подойти-ли и не сказать-ли все это отцу?

Но какая-то внутренняя сила противодѣйствовала этому, отдаляла отъ отца, заставляла скрывать свои чувства.

Между тѣмъ канонада усиливалась. Съ отвратительнымъ, звенящимъ воемъ пролетала шрапнель, съ трескомъ рвались тутъ и тамъ снаряды. И были уже убитые и раненые, кто-то отчаянно стоналъ, кто-то надрывисто звалъ санитаровъ.

Андрей дѣйствовалъ какъ всѣ, непрерывно стрѣлялъ въ невидимаго непріятеля, а самъ все время прислушивался къ тому, что совершалось въ душѣ. Тамъ словно шла великая литургія, но только безъ словъ, безъ звуковъ и все окружающее пріобрѣтало иное значеніе, большой, еще неосознанный смыслъ.

— А вдругъ убьютъ?—пронеслось въ его сознаниі, но къ удивленію своему онъ не ощутилъ никакого волненія.

Отъ судьбы не уйдешь,—улыбнулся онъ,—убьютъ, значить такъ нужно...

Стоявшій съ нимъ высокій, прямой, какъ жердь, солдатъ уронилъ винтовку и началъ тихо сползать, растопыривъ руки.

Андрей поддержалъ его и бережно уложилъ на днѣ окопа. Солдатъ былъ мертвъ. Только глаза его оставались открытыми, а изъ головы тихо сочилась кровь.

Андрей вспомнилъ, что этотъ солдатъ еще недавно рассказывалъ ему . . . о томъ, что онъ въ прошломъ году приобрѣлъ отрубъ и переселился на него.

— Оно-бы, конечно, братокъ, коли-бы знать, что будетъ война, то повременить-бы надо. Самъ посуди, осталась теперича на хуторѣ одна жена съ малыми ребятами, а кругомъ ни души... жуть...

Андрею стало безконечно жаль этого хлѣбороба, жаль и его семью, затерянную гдѣ-то тамъ, среди безконечныхъ полей.

— Какъ это, однако, просто,—думалъ Андрей.—Жилъ человекъ, волновался, болѣлъ разными заботами и вдругъ его не стало и никогда уже онъ не встанетъ, не заговоритъ, не улыбнется...

Вотъ такъ случится и съ нимъ, Андреемъ, и такъ-же, какъ этотъ хлѣборобъ, онъ будетъ лежать на землѣ, а потомъ похоронятъ его въ братской могилѣ...

Андрей очнулся и сразу различилъ впереди наступающія неприятельскія колонны.

А въ окопахъ было зловѣще тихо, хотя тишина была кажущаяся, тишина, готовая вотъ-вотъ превратиться въ ураганъ огня, въ ужасъ смерти и разрушенія.

Андрей слышалъ, какъ офицеры отдавали краткія распоряженія, и думалъ о томъ, дойдутъ или не дойдутъ наступающіе до окоповъ.

И вдругъ раздалось грозное и неизбежное:

— Пли!

Окопы мгновенно ожили. Затрещала дробь залповъ пѣхоты, ахнули пушки, заворчали пулеметы. И густыя длин-

ныя линіи наступающихъ начали рѣдѣть, ломаться, превращаться во что-то безформенное.

Андрей видѣлъ, какъ падали, словно подкошенные колосья, люди. Онъ даже пересталъ стрѣлять и впился глазами въ картину разрушенія. Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ все поле передъ окопами покрылось разноцвѣтными грудями павшихъ солдатъ. Но словно изъ подъ земли выходили новыя колонны, новые полки.

— Впередъ, братцы! Въ штыки!—крикнулъ возлѣ Андрея ротный, взмахнувъ шашкой.

Прокатилось хриплое „ура“, и всѣ бросились навстрѣчу врагу, увлекаемые стихійной, непреодолимой силой.

Сошлись грудь съ грудью, стрѣляли въ упоръ, дѣйствовали штыкомъ и прикладомъ, падая извивались на землѣ и что-то дико и изступленно кричали.

Андрей шатался, былъ словно пьянымъ, скользилъ по чему-то липкому и чувствовалъ, что это кровь.

Вотъ передъ нимъ мелькнуло блѣдное лицо, расширенные ужасомъ глаза австріяца.

— Матка Боска! Матка Боска!—залепеталъ австріецъ, поднимая руки кверху, но въ этотъ мигъ Андрей вонзилъ въ него штыкъ...

Австріецъ съежился, затрепеталъ и повалился съ искривленнымъ лицомъ, съ расширенными глазами. Андрей пытался оттолкнуть его, вытащить штыкъ и не могъ... На него въ упоръ смотрѣли огромные остановившіеся глаза...

но вдругъ кольнуло его въ грудь и откинуло назадъ.

И въ тотъ-же мигъ кто-то громадный дохнулъ ему прямо въ лицо и захохоталъ...

Потомъ цѣлыми толпами лѣзли на него враги, а онъ упирался, царапалъ землю руками и что-то пытался сказать.

II.

Была ночь, когда Андрей пришелъ въ себя. Тихо, молит-

венно мерцали звѣзды. Въ головѣ былъ густой, слегка колы-
хающійся туманъ, мелькали какія-то отдѣльныя мысли, но безъ
всякой связи, безъ отношенія къ тому, что съ нимъ про-
изошло.

Вокругъ лежали трупы. Онъ чувствовалъ ихъ молчаливое
присутствіе, но не могъ ни подняться, ни повернуть головы.

Гдѣ-то тихо, протяжно стонали.

— Свой или чужой?—мелькнуло въ головѣ, но сейчасъ-же
кто-то беззвучно отвѣтилъ:

— Не все-ли равно, кто?

И дѣйствительно онъ не ощущалъ теперь въ себѣ ни не-
нависти, ни злобы. На душѣ было какое-то примиренное на-
строеніе. Чей-то близкій, убаюкивающій голсоскъ пѣлъ надъ
нимъ свѣтлое и радостное: „Свѣте тихій“.

Въ небѣ появились багрово-красныя полосы, быстро ши-
рились и расплзались, какъ привидѣнія.

— Гдѣ нибудь пожаръ?—подумалъ Андрей.

И вдругъ ему ясно представился отецъ въ сѣрой поход-
ной рясѣ, съ крестомъ въ рукѣ. Отецъ смотрѣлъ на него
большими печальными глазами и беззвучно двигалъ губами.

— Какъ, однако, отецъ постарѣлъ на войнѣ, какъ поста-
рѣлъ!—подумалъ Андрей.

Онъ пристально взглядывался въ лицо отцу и вдругъ за-
мѣтилъ, что и ряса на отцѣ старенькая, сильно истрепавшая-
ся въ походѣ. Стало такъ жаль отца, такъ безконечно жаль...

— Не бойся, отецъ! Со мной ничего... Такъ, пустая рана!..

Чувствовалъ, что говоритъ отцу совсѣмъ не то, что нуж-
но, но мысли путались въ головѣ, и стоялъ шумъ въ ушахъ.

Отецъ какъ-то странно колыхался въ туманѣ и что-то го-
ворилъ беззвучными словами.

Мелькнулъ уголокъ родной, близко знакомой комнаты. Сла-

бо горитъ передъ почернѣвшими иконами лампадка, и слышно какъ глухо, протяжно рыдаетъ мать.

— О чемъ она такъ плачетъ? Не нужно плакать, мама. Отецъ, скажи-же ей!

И отецъ говоритъ, и голосъ его звучитъ торжественно, словно онъ читаетъ съ амвона проповѣдь.

— Не время плакать, старуха! Лучше благословимъ его.

Но вотъ отецъ исчезъ, расплылся въ воздухѣ и только еще дрожитъ, еще доносится его голосъ...

Андрей, вздрогнувъ, пришелъ въ себя. Все также была ночь, зловѣщимъ заревомъ алѣло небо и жаловалась земля непрерывнымъ, протяжнымъ стономъ.

Это все они стонуть, подумалъ Андрей, — почему-же такъ долго нейдутъ санитары?

И вдругъ онъ ясно почувствовалъ, что силы его съ каждой минутой таютъ и жизнь уходитъ... Судоржными пальцами онъ пытался оттянуть воротъ рубашки и повернуться на бокъ. Но пальцы не дѣйствовали, и тѣло словно налилось свинцомъ.

Теперь онъ ничего не слышалъ, что дѣлалось вокругъ него; не слышалъ ни стоновъ, ни голосовъ приближающихся людей.

Онъ видѣлъ себя бодрымъ, веселымъ, въ бѣлой косовороткѣ, въ полѣ. Кругомъ море колыхающейся спѣлой ржи, а сверху струятся золотыя волны свѣта. Онъ подставляетъ свое лицо солнцу, и ему весело отъ яркаго и горячаго сіянія.

А вокругъ никого, ни одной души и только въ отдаленіи, на самомъ горизонтѣ виднѣются разноцвѣтныя пятна работающихъ женщинъ.

Онъ какъ-то легко отдѣляется отъ земли и летитъ по воздуху, поднимается все выше и выше.

Въ дѣтствѣ онъ часто леталъ во снѣ, но никогда еще не испытывалъ такой радости, такого молитвеннаго восторга.

...Что-то сжало ему грудь и захватило дыханіе. Онъ пробовалъ приподняться, крикнуть и не могъ.

— Смерть пришла!—мелькнула въ сознании мысль, и стало страшно.

Отчаянно захотѣлось видѣть отца, припасть къ нему, найти защиту.

Только-бы увидѣть отца! Только-бы увидѣть!—шепталъ онъ помертвѣвшими губами.

И холодѣющей рукой онъ пытался ухватиться за что-нибудь и удержать уходящую жизнь...

III.

Надъ нимъ склонились санитары, и одинъ изъ нихъ, молоденькій, безусый студентъ, освѣгилъ его мертвое лицо электрическимъ фонаремъ.

— Братцы, да это батинъ сынъ!

И то правда!—проговорилъ, вглядываясь, бородатый санитаръ.

— Какъ-же теперь, братцы? Извѣстить-бы надо батю.—сказалъ студентъ.

Знамо, надо!—убѣжденно произнесъ бородатый санитаръ.

— Поди, Артемъ, разыщи его; онъ, чай, панифиды служитъ!

Артемъ, молодой санитаръ изъ добровольцевъ, глубоко вздохнулъ и безшумно исчезъ.

Въ это время о. Василии, напутствовалъ умирающихъ, служилъ панихиды надъ погибшими.

Всегда спокойный, уравновѣшенный, онъ въ эту ночь обнаруживалъ большое безпокойство.

Глаза его метались по сторонамъ, и голосъ слегка дрожалъ.

Временами непонятный страхъ охватывалъ его, и сильно щемило сердце.

— Неужели, Господи!—шепталъ онъ, думая о сынѣ. И вдругъ ему представилось, что сынъ его лежитъ смертельно раненый, стонетъ и зоветъ его:

— Папа! Папа!

О. Василий нервно ускорилъ шаги. Наклонялся надъ тру-

пами, вглядывался въ нихъ упорнымъ взоромъ, и все существо его беззвучно кричало:

— Не онъ!

Но что-то говорило его сердцу, что сынъ его недалеко и нужно спѣшить. Вспомнилось, что съ самага прѣзда на войну онъ былъ неласковъ въ обхожденіи съ сыномъ, рѣдко встрѣчался и разговаривалъ съ нимъ.

Суровый и взыскательный къ другимъ, о. Василій былъ суровъ и къ самому себѣ.

— Здѣсь ты не долженъ дѣлать различія между сыномъ и другими—не разъ говорилъ онъ самъ себѣ,—Здѣсь всѣ равны.

И не разъ сынъ, встрѣчаясь съ нимъ, вскидывалъ на него удивленные глаза.

— Ты сердишься на меня, отецъ?

Онъ отмахивался, дѣлалъ нетерпѣливый жестъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... Что ты! Время ли теперь сердиться!..

Только одинъ разъ о. Василій измѣнилъ самому себѣ. Была ночь. Свѣтила луна. Солдаты спали въ окопахъ, съжившись и закутавшись въ шинели. А онъ, какъ призракъ, крался между спящими.

Сынъ лежалъ на спинѣ, и лунный свѣтъ падалъ прямо ему въ лицо. Была тишина, и только слышалось дыханіе спящихъ. Долго сидѣлъ о. Василій у изголовья сына и смотрѣлъ ему въ лицо. И что только передумалъ онъ въ эту ночь!

Теперь, вспомнивъ объ этомъ, онъ вдругъ ощутилъ тоску и позднее сожалѣніе. Чувствовалъ, что виноватъ передъ сыномъ и что нужно загладить свою вину.

Вдругъ онъ услышалъ, что кто-то зоветъ его:

— Сюда, батя!

Онъ сразу же узналъ голосъ Артема и кинулся къ нему.

— Что ты? что случилось?—въ испугѣ спросилъ о. Василій.

Артемъ дрожалъ нервной дрожью и былъ блѣденъ.

— Тамъ онъ, батя!

— Да кто тамъ, говори толкомъ!—спросилъ о. Василій. Но, спрашивая, онъ уже зналъ, что сынъ его убитъ и лежитъ совсѣмъ недалеко.

— Убить? Андрюша?..

О. Василій съежился, похолодѣлъ и едва держался на ногахъ. Онъ шелъ теперь какъ лунатикъ, съ трудомъ двигая ногами. Все окружающее казалось какимъ-то страшнымъ сномъ, бредомъ больного воображенія.

Ужъ не призраки ли эти ожидающіе его люди?

— Сюда, батя, сюда!—доносились до него голоса.

Подойдя къ ожидавшимъ его санитарамъ, о. Василій съ трудомъ перевелъ дыханіе и тихо спросилъ:

— Гдѣ онъ?

Санитары молча разступились, и о. Василій увидалъ сына. Молча склонился надъ нимъ и смотрѣлъ, не отрываясь. Были необычайно спокойны и блѣдны черты дорогого лица. Представилось, что сынъ его утомился и спитъ.

— Тише, не тревожьте его!—произнесъ о. Василій и строго посмотрѣлъ на санитаровъ.

На душѣ стало тяжело и пусто, какъ въ большомъ покинутомъ домѣ. Санитары молча переглянулись и принялись рыть могилы.

О. Василій глянулъ на нихъ и все понялъ. Сразу сгорбился и замигалъ глазами.

— Я сейчасъ! Простите, старикъ сталъ... Трудно перенести...

И, не спуская глазъ съ сына, онъ трижды благословилъ его и прикоснулся губами къ его холодному лбу.

Потомъ медленно поднялся и нѣкоторое время стоялъ, словно въ забытьѣ. Всѣ молчали. У нѣкоторыхъ на глазахъ были слезы.

Кто-то не выдержалъ, отошелъ въ сторону и зарыдалъ.

О. Василій строго и укоризненно посмотрѣлъ на него, осѣнилъ себя крестомъ и со вздохомъ произнесъ:

— Помолимся!

Санитары подвинулись къ нему и обнажили головы. И вотъ среди наступившей тишины раздались слова трогательной молитвы:

— Помяни, Господи, новопреставленныхъ воиновъ, на брани убиенныхъ и здѣ погребенныхъ!..

И страстно, горячо молился о. Василій. Онъ просилъ у Бога милости равно за всѣхъ погребенныхъ, нашедшихъ вѣчное успокоеніе въ братской могилѣ.

Голосъ его звучалъ несокрушимой силою, и слезы блестяли въ обращенныхъ къ небу глазахъ.

Д. Борисовъ.

Ал. Галкинъ.

ВОСКРЕСШІЕ.

I.

Холодно и неуютно въ избѣ Гаврилы Данилина. Холодно и непривѣтливо, какъ бываетъ всегда въ студеные зимне вечера.

Слабый огонекъ небольшой лампы, чуть просвѣчивающій сквозь закопченное стекло, тускло озаряетъ стѣны избы и уголь съ ветхой божницей, откуда глядитъ спокойный, но строгій ликъ Спасителя.

Чувствуется, какъ сквозь подмораживаемыя окна пробивается въ избу холодъ, отчего леденѣтъ на подоконникахъ вода, натекая за день съ мокнувшихъ стеколъ.

Тихо и жутко въ избѣ, словно замерла въ ней вся жизнь...

Съ улицы доносится шумъ разгулявшейся метели, временами звонко играющей въ трубѣ переливчатами, стонущими руладами.

— У-у-у...—Гудитъ вѣтеръ въ трубѣ, перекликаясь легкимъ свистомъ съ вьюгой.

— У-у-у...—вторитъ вьюга, крутясь надъ селомъ и осыпая пушистымъ снѣгомъ улицу и крыши деревенскихъ избъ, молча и сиротливо прижавшихся другъ къ другу въ холодной ночи...

Назойливо хлопаетъ плохо притворенная сѣнная дверь,

будто кто-то невидимый стоит у избы Гаврилы и, продрогнувъ, настойчиво стучится въ нее, прося защиты и помощи.

Иногда сквозь гудѣнье вьюги слышится скулящій лай собаки гдѣ нибудь на селѣ, и доносится рѣдкій, протяжный звонъ церковнаго колокола.

— Мнѣ холодно, мамка!—говоритъ десятилѣтній Егорка, ворочаясь на кровати и кутаясь въ старый отцовскій зипунъ.

— А ты завернись съ головкой и дыши больше,—отвѣчаетъ Агафья,—теплѣй будетъ!

Егорка завертывается съ головой въ зипунъ и начинаетъ усиленно дышать. Но это длится недолго. Вскорѣ изъ-подъ лохмотьевъ зипуна снова показывается его русая головенка.

— Мамка, а далеко отъ насъ война?

— Далекъ,—отвѣчаетъ съ тяжелымъ вздохомъ Агафья, зажигая лампадку, набожно крестясь, и ставя ее на божницу.

— А братка Федя...

Егорка хотѣлъ что-то сказать, но не договорилъ и молча заворочался на кровати. Агафья тоже молчала, но при воспоминаніи о сынѣ Федорѣ въ груди у нея что-то мучительно сжалось.

— Мамка,—продолжалъ Егорка,—а зачѣмъ на войнѣ дерутся?

— Богъ знаетъ, зачѣмъ,—отвѣчала Агафья.—Видно, такъ Его святой волѣ угодно!..

— А я тоже буду воевать, кады выросту?—допытывался Егорка, забывъ про холодъ и сонъ,

— Можетъ и ты пойдешь.

— Э-э-хъ!..—протянулъ про себя Егорка, укрываясь съ головой въ зипунъ.

И замолчалъ.

Гаврилы дома не было. Онъ повезъ теленка на станцію, нашедшуюся верстахъ въ пяти отъ села.

Агафья не особенно беспокоилась о мужѣ, зная, что тотъ не рѣшится ѣхать обратно въ такую пургу въ ночное время, а останется ночевать у когонибудь изъ знакомыхъ.

Тихо поскрипывали розвальни и скользили по неровной зимней дорогѣ.

Гаврила пустилъ свободнѣй возжи, повернулся спиной къ вѣтру и задумался.

Онъ думалъ о своемъ житьѣ-бытьѣ, о хозяйствѣ, о сынѣ Федорѣ, и мысли смѣнялись въ его мозгу, какъ въ калейдоскопѣ, приходили къ концу и опять начинались съ того, съ чего онъ началъ думать.

— Хоша-бы за трешницу продать,—соображалъ онъ, подѣзжая къ станціи:—все на керосинъ да на спички годится... Грѣха-то много...

Раньше Гаврила очень любилъ пѣть. Пѣнье было потребностью его пѣвучей души: куда-бы ни шелъ или ни ѣхалъ, онъ онъ всегда напѣвалъ любимыя пѣсни.

Бывало, если спрашивалъ его ктонибудь въ усмѣшку:

— Что, Гаврила, поешь?

— Пою,—отвѣчалъ онъ, не смущаясь.

— А тебѣ-то что, паря, завидно? . Грѣха-то много...

И продолжалъ начатую пѣсню.

Но вотъ случилась война, и нарушилась гармонія пѣвучей души Гаврилы. Въ ней засѣла боязнь за судьбу сына Федора. Онъ сталъ пѣть рѣже, а потомъ и совсѣмъ пересталъ.

Съ начала войны Гаврила получалъ отъ сына небольшія вѣсти, что тотъ живъ и здоровъ и что не разъ бился съ врагомъ въ рукопашную... Потомъ письма прекратились.

И вотъ случилось то, чего такъ боялся Гаврила.

Нѣсколько времени тому назадъ сынъ сосѣда, служившій съ Федоромъ въ одномъ полку, прислалъ письмо родителямъ, въ которомъ, между прочимъ, писалъ:

— „Еще кланяюсь Гаврилу Петровичу Данилину и супругѣ его Агафѣ Прохоровнѣ съ чадомъ ихъ Егоромъ Гаврилычемъ, а на счетъ сумленія ихняго о Федорѣ, живъ онъ, или нѣтъ,

не знаю, чего и сказать. А после того, какъ ходили мы съ нимъ въ штыковую на австрiяка, я его не видалъ. Можетъ—убить, а можетъ и нѣтъ...

Тамъ въ схваткахъ не разбираютъ, кого бить, кого миловать... Богъ знаетъ... Всѣ однимъ манеромъ живутъ... А только после въ полку его не видать“...

Послѣ этого письма на селѣ стали говорить, что Федоръ Данилинъ убитъ. И приходили къ Гаврилѣ съ разспросами. Сожалѣли и горевали, а кто и плакалъ.

Много горя и перемены внесло это короткое и неясное письмо въ обыденный укладъ жизни Данилиныхъ.

Гаврила больше и не думалъ о пѣсняхъ. Онъ сильно измѣнился въ лицѣ, сталъ молчаливымъ и искалъ часто уединенiя. Съ женой онъ мало говорилъ о случившемся. Они молча понимали другъ друга, понимали, что словами не расскажешь, что чувствуетъ душа. И только глаза ихъ невольно выражали молчаливую тоску и тайный испугъ...

— Эхъ, Федя, Федя!—часто, горевалъ наединѣ Гаврила. Что ты сдѣлалъ съ нами!

И не разъ съ угасшихъ глазъ мужика скатывалась крупная слеза при воспоминанiи о сынѣ...

— Видно, такъ Богу угодно!—успокаивалъ онъ себя.

Агафья тоже измѣнилась до неузнаваемости.

Въ первое время у нея еще являлась надежда, авось Федоръ живъ, но скоро и эта надежда угасла.

— Гдѣ ужъ,—думала она,—нешто вернется, коли тысячи тамъ каждый день мрутъ!

Раздумается старуха, разгорюется, начнетъ причитать втихомолку:

— Голубеночекъ ты мой, ненаглядный Федя, сокровище мое неоцѣненное! На кого ты покинулъ насъ. Безъ тебя и жисть не въ жисть!..

Изъ здоровой, крѣпкой бабы, лѣнливой до Бога, Агафья превратилась, какъ говорили на селѣ, въ „хожалую панафиду“.

Она накупила образковъ, крестиковъ, часто посѣщала цер

ковъ, ставила свѣчи. Одѣвалась во все темное, вообще приняла обликъ „черницы“.

III.

Гаврила продалъ теленка еще засвѣтло, но, боясь пурги, не рѣшился ѣхать домой, а завернулъ къ своему пріятелю, выпрягъ лошадь и задалъ ей корму.

На дворѣ уже темнѣло. Гаврила поговорилъ кое-о чемъ съ пріятелемъ, попилъ чаю и рѣшилъ пойти на станцію посмотреть на проходившіе воинскіе поѣзда, послушать, о чемъ говорятъ люди.

Приподнявъ облѣзлый воротникъ тулупа и натянувъ плотнѣе рукавицы, онъ выбралъ поудобнѣе мѣсто, на платформѣ гдѣ не такъ кружила вьюга, всталъ и задумался, глядя на солдатъ, озабоченно суетившихся въ яркомъ освѣщеніи станціонныхъ огней.

Гаврилъ, а Гаврилъ!—кликнулъ его голосъ сзади, и чья-то—рука дотронулась до плеча:—Съ радостью тебя!..

Гаврила оглянулся и увидѣлъ знакомаго старика изъ ихъ же села, пріѣхавшаго зачѣмъ-то на станцію. И не понялъ, съ какою радостію поздравляетъ его старикъ. Почему-то подумалось, что тотъ говоритъ о продажѣ теленка.

— Да какая тамъ радость!—недовольно отозвался онъ.—Продещевилъ.

— Ты объ чемъ это?—спросилъ старикъ, недоумѣвая, и обернулся въ сторону.

— Объ чемъ?—о теленкѣ.

Гаврила тоже повернулся. въ ту сторону, куда смотрѣлъ старикъ. Изъ станціонной двери, надъ которой горѣлъ большой фонарь, бросая золотистые лучи свѣта, входилъ солдатъ. Онъ былъ въ башлыкѣ и шелъ, немного прихрамывая. Гаврила сталъ внимательно присматриваться къ нему сквозь вьюгу. Ему показалось, что лицо солдата знакомо, что онъ гдѣ то его видѣлъ. Вдругъ мысли взметнулись въ головѣ его роемъ, сердце заохлодало, забилося, какъ испугнутая птица.

— Федя!—вырвалось у него дрожаще изъ груди, и онъ бросился къ сыну навстрѣчу.

— Федя, да какъ-же это? Господи! Давно-ли тутъ?.. А я и не зналъ... Какъ-же это?.. Кормилецъ ты мой...

И слеза радости скатилась на оснѣженную бороду Гаврилы.

IV.

Ночь уже давно продолжала свой таинственный летъ подъ волнующіеся напѣвы вьюги. Снѣжинки, словно міриады бѣлыхъ мухъ, гонимыя вѣтромъ, сыпались съ высоты и въ бѣшеномъ танцѣ ложились на землю и пропадали въ мглѣ.

Время шло, и ночная жуть усиливалась въ избѣ Гаврилы. Егорка, завернувшись въ зипунъ, давно уже спалъ крѣпкимъ сномъ.

Агафья, затепливъ лампадку и окуривъ ладонемъ уголь съ иконами, начала усердно молиться Богу. И закончила, какъ всегда, свою горячую молитву словами:

— Упокой, Господи, душу усопшаго раба твоего, убиеннаго воина Федора. Упокой его, Милостивецъ нашъ Батюшка, въ царствіи Твоемъ-райскомъ житіи, иже въ небесахъ сущемъ...

И слезы, и тоска, и мысли, случай онавернувшіяся, и слова молитвы—все сплеталось въ ея сознаньи въ одно цѣлое, кипучее и острое, и уносилось куда-то стремительными скачками...

Но вотъ стукнуло въ сѣнную дверь. Агафья сначала не придала этому никакого значенія. Когда стукъ повторился болѣе твердый и рѣшительный, она поняла, что въ дверь кто-то, въ самомъ дѣлѣ, стучался, и услышала подъ окномъ фырканье лошади.

— Приѣхалъ,—подумала она и стала одѣваться.

Выйдя въ сѣни и отперевъ наскоро дверь, она такъ-же быстро возвратилась въ избу и принялась готовить Гаврилѣ ужинъ. Гаврила, побрякивая, вошелъ въ избу. На лицѣ его сіяла улыбка радости. За нимъ шелъ Федоръ. Но Агафья этого не видала.

Федоръ снялъ мокрую отъ снѣга шапку и перекрестился на образа.

— Здорово, матушка!—проговорилъ онъ громко,—плохонько-же ты встрѣчаешь гостей!

Агафья всплеснула руками, ахнула и на мгновенье замерла на мѣстѣ.

— Феденька!—вскрикнула она, бросаясь къ сыну.—Батюшка!.. Какъ-же... Сама не знаю... Головушка ты моя...—безсвязно лепетала она, обливаясь слезами и осыпая поцѣлуями сына. Живехонекъ!.. Соколикъ ты мой... А ужъ я то всѣ глазыньки изсушила—все плакала по тебѣ... Ночи не спала... Сокрушалась все... Дай-же погляжу на тебя, касатикъ ты мой. золотце,—душенька ты моя родная!.. А ужъ мы то съ Гаврилой совсѣмъ отчаялись. Думали—убили тебя... Ахъ, Господи!.. Слава Тѣ, Создателю...

— Живъ. матушка, живъ, слава Богу!.. Ранили только,—отвѣчалъ Федоръ,—Самъ и день и ночь все тужилъ объ васъ... Плакалъ даже, матушка, вошь индо съѣла съ тоски. Думалъ—не вернусь...

Гаврила, не чуя подъ собой ногъ, ходилъ вокругъ Федора и трясъ торжествующе головой, глядя на Агафью.

— Вотъ оно што, грѣха-то много: живъ, а мы въ поминанье его записали, за упокой!.. Просвиры подавали! Грѣха-то много... Наболтали!..

Агафья стала подавать ужинъ. На лицѣ ея играла улыбка. И не было слѣда прежней грусти. Она какъ-то сразу вся всколыхнулась, оживилась, словно воскресла.

Федоръ сидѣлъ за столомъ, молодецки гладилъ свои усы и оживленно рассказывалъ о войнѣ.

А Егорка сидѣлъ рядомъ съ „браткой“, прижавшись къ нему и все время допытывался, зачѣмъ дерутся на войнѣ, когда такъ страшно, и будетъ-ли онъ воевать, когда выростетъ...

Къ утру вьюга стихла. И еще только забрезжилъ бѣлес-

ватый свѣтъ зари въ окнахъ избы, а Гаврила уже всталъ, обулъ лапти, надѣлъ свой старый зипунъ, помолился Богу и пошелъ на гумно за соломой для топлива.

Всѣ прежнія тревоги, сковывавшія его, какъ цѣпи, теперь распались въ его сердцѣ и ушли навсегда. Гаврила снова почувствовалъ легкость, свободу души, приливъ новой жизни, и ему опять захотѣлось пѣть, пѣть долго, не переставая.

Выйдя на зады и глянувъ на широкій зимній просторъ, разостлавшійся бѣлой пеленой безъ границъ, онъ тряхнулъ головою и запѣлъ:

„Снѣга бѣлые, пушисты
Призакрыли всѣ поля“.

И долго звенѣла пѣсня Гаврилы, серебрясь въ морозномъ утреннемъ воздухѣ и уносясь въ спокойную, безбрежную даль.

— Вотъ она, жисть-то какая!.. Грѣха-то много!—весело думалъ про себя Гаврила.

Начинался день...

Александръ Галкинъ.

СТАТЬИ.

П. Новомосковскій.

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ.

(О коалиціонномъ характерѣ войны).

Старая истина: настоящій масштабъ событій, какъ и вещей, можетъ быть опредѣленъ только сравненіемъ.

Происходящая сейчасъ война всѣми— за исключеніемъ, развѣ, специалистовъ—оцѣнивается какъ событіе чрезвычайныхъ размѣровъ, какъ явленіе совершенно „небывалое“ ни по историческому размаху, ни по количеству участниковъ вооруженнаго столкновения, ни по особенной дипломатической сложности, выразившейся въ стремленіи враждующихъ сторонъ превратить первоначальную борьбу отдѣльныхъ государствъ въ борьбу коалицій съ наибольшимъ, по возможности, числомъ участниковъ съ той и другой стороны.

Кое что въ этомъ мнѣніи, разумѣется, имѣетъ свои основанія. Милитаризація государственнаго строя европейскихъ государствъ сдѣлала за послѣднее столѣтіе гигантскіе шаги и, дѣйствительно, ни одна изъ прошлыхъ войнъ не можетъ похвалиться такимъ большимъ количествомъ выставленныхъ на поле битвы вооруженныхъ силъ, какое стало возможнымъ въ нынѣшнюю войну. Съ этой стороны и еще, пожалуй, со стороны размѣровъ разстройства, внесеннаго въ экономическую жизнь Европы, отдѣльныя государства которой въ этомъ отношеніи связаны сейчасъ гораздо тѣснѣе, чѣмъ сто лѣтъ назадъ,—текущая война съ полнымъ правомъ можетъ быть названа „небывалой“.

Но этимъ ея исключительность, собственно, и ограничивается.

Все остальное въ ней и, главнымъ образомъ, ея политическая обстановка не только не носитъ характера необыкновенной, какъ намъ представляется, грандіозности, но въ нѣкоторыхъ чертахъ даже уступаетъ тому, что та же Европа переживала нѣсколько столѣтій назадъ.

Правда, ни одна изъ войнъ, которыя случились на нашей памяти, въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ десятилѣтій, не можетъ идти въ сравненіе съ тѣмъ, что происходитъ сейчасъ. Ни русско-японская война, ни борьба балканскихъ государствъ съ Турціей и между собою, ни даже франко-пруская война 1871 года не были ни по своимъ размѣрамъ ни по характеру и историческому значенію тѣмъ, чѣмъ является начатая въ 1914 году великая „борьба народовъ“. Вполнѣ понятно, что по сравненію съ этими европейскими войнами нынѣшня кажется намъ чѣмъ то совершенно исключительнымъ и подавляющимъ своею необъятною сложностью и широтою территориальнаго и политическаго захвата.

Стоить, однако, заглянуть только немного дальше вглубь исторіи, чтобы эта иллюзія необыкновенности историческаго масштаба потускнѣла и сжалась до размѣра довольно—съ исторической точки зрѣнія—ординарнаго.

Въ сущности, не лишне будетъ отмѣтить, что единоборства отдѣльныхъ государствъ другъ съ другомъ, подобныя недавней русско-японской войнѣ, составляютъ въ исторіи явленіе сравнительно рѣдкое. Напротивъ, общимъ правиломъ оказываются—и причины этого вполнѣ понятны—такія столкновения государствъ, въ которыхъ обѣ враждующія стороны стремятся собрать вокругъ себя возможно болѣе тѣсный кругъ единомысленныхъ и связанныхъ общностью интересовъ народовъ, чтобы такимъ путемъ обезпечить себѣ успешный исходъ предпринятой борьбы.

Не заходя далеко, въ дебри древнихъ вѣковъ, можно было бы привести уже изъ исторіи среднихъ вѣковъ безконечный рядъ примѣровъ тяготѣнія воюющихъ сторонъ къ образованію коалицій.

Здѣсь можно было бы отмѣтить и насильственныя коалиціи Атиллы, созданныя имъ изъ покоренныхъ племенъ для нападенія на цвѣтуція земли Западной Римской имперіи и предвосхитившія, до нѣкоторой степени, такого же характера коалицію, созданную тринадцатью съ лишнимъ вѣковъ спустя Наполеономъ. Можно было бы перечислить рядъ коалицій, возникавшихъ въ періодъ борьбы императорской власти съ властію римскихъ папъ, подчеркнуть коллективный характеръ многихъ крестовыхъ походовъ, затѣмъ—всѣхъ почти выступленій средневѣковаго феодальнаго класса, отстаивавшаго свою независимость отъ объединительныхъ посягательствъ со стороны королей и императоровъ.

Но для цѣлей сравненія „вѣка нынѣшняго и вѣка минувшаго“ все это не имѣетъ особенно существеннаго значенія.

Интереснѣе будетъ остановиться на нѣкоторыхъ фактахъ новой исторіи Европы, болѣе близкой къ намъ не только по времени и по духу, но и по политической конфигураціи образующихъ ее государствъ.

Здѣсь можно отмѣтить не лишенный любопытности фактъ, что за послѣднія 300 лѣтъ ни одна держава въ Европѣ (а вмѣстѣ съ тѣмъ и во всемъ

мірѣ), кромѣ, пожалуй, Франціи не вызывала образованія противъ себя такого большого количества враждебныхъ коалицій, какъ Германія.

Еще въ то время, когда она носила титулъ „Священной Римской Имперіи“ и имѣла инья, чѣмъ сейчасъ, границы, включая въ составъ своихъ владѣній Австрію, Швейцарію и Голландію, она заставила рядъ европейскихъ государствъ объединиться въ одномъ общемъ союзѣ для борьбы съ ея религіознымъ и политическимъ гнетомъ.

Въ 1818 году, стремясь къ насильственному обращенію въ католицизмъ, Германія вызвала возстаніе чеховъ, на защиту которыхъ выступилъ позже датскій король въ союзѣ съ Голландіей и Англійей.

Борьба Германіи съ этой коалиціей, участники которой постепенно мѣнялись и замѣщались другими (Швеціей, Франціей), извѣстная въ исторіи подъ именемъ „тридцатилѣтней войны“, закончилась пораженіемъ Германіи, выдѣленіемъ изъ числа ея владѣній Швейцаріи и Голландіи и значительнымъ ослабленіемъ ея не только въ территориальномъ, но и въ интеллектуальномъ отношеніи.

Одновременно съ началомъ разложенія Священной Римской Имперіи, въ концѣ Тридцатилѣтней войны, начинается ростъ новаго европейскаго государства, Пруссіи, которая по одной изъ составлявшихъ ее территорій, курфюршеству Бранденбургскому, являлась частью Германской имперіи*).

Этотъ историческій отпрыскъ Священной Римской Имперіи, окрѣпнувъ въ теченіе одного столѣтія, вдвинулся въ половинѣ XVIII-го столѣтія въ жизнь Европы уже въ качествѣ замѣтной величины. Войны Пруссіи съ Австріей изъ за богатой и цвѣтущей Силезіи являются войнами между двумя Германіями: Германіей прошлаго, все еще пытавшейся въ исторической близорукости связать себя съ именемъ и имперіалистическими традиціями древняго Рима, и Германіей будущаго, стремившейся, въ лицѣ прусскаго короля Фридриха II-го, къ тому, чтобы, отдѣлившись отъ старой, обветшавшей Германіи, создать новый государственный фундаментъ для германской расы.

Эта борьба двухъ Германій ознаменовалась возникновеніемъ ряда новыхъ коалицій, направленныхъ какъ противъ той, такъ и противъ другой.

Еще раньше, чѣмъ окончилась первая Силезская война съ Австріей, вспыхнула такъ называемая „война за Австрійское наслѣдство“ (1741—1748), въ которой баварскому курфюрсту Карлу—Альбрехту, объявившему себя претендентомъ на австрійскій престолъ, удалось привлечь на свою сторону кромѣ Пруссіи еще Францію, Испанію и Саксонію. Изъ этой войны „Германія прошлаго“ только благодаря ряду случайностей вышла сравнительно бла-

*) Собственно Пруссія находилась сначала въ зависимости отъ Польши, но, воспользовавшихся затрудненіями Польши во время войны со Швеціей, добилась самостоятельности.

гополучно, потерявъ, однако, Силезію, которую пришлось уступить послѣ новой, второй Силезской войны, Пруссіи.

Вскорѣ послѣ этого пришлось испытать на себѣ тяжесть борьбы съ враждебной коалиціей державъ и „Германіи будущаго“—Пруссіи.

Недовольная потерю Силезіи и возрастающимъ вліяніемъ Пруссаго королевства, австрійская императрица Марія—Терезія составила противъ Пруссіи грозный и могущественный союзъ государствъ, размѣрами своими значительно превосходившій ту коалицію, которая борется съ австро-германскимъ союзомъ въ настоящее время.

Въ эту антипрусскую коалицію кромѣ самой Австріи входили еще Франція, Россія (гдѣ въ это время царствовала императрица Елизавета), Швеція, Саксонія и почти всѣ тѣ мелкія германскія королевства, которыя въ настоящее время, въ союзѣ съ Пруссіей, образуютъ нынѣшнюю Германскую имперію.

Такимъ образомъ, всеѣо лишь около 160 лѣтъ тому назадъ (въ 1756 г.), когда началась эта т. наз. „семилѣтняя война“ Пруссіи съ коалиціей европейскихъ державъ, общее политическое положеніе Европы являлось гораздо болѣе „исключительнымъ“ и „небывалымъ“, чѣмъ сейчасъ. На мѣстѣ теперешнихъ Австріи и Германіи, подкрѣпленныхъ еще Турціей, находилась одна только маленькая Пруссія, а „желѣзное кольцо“ враждебной коалиціи состояло не изъ трехъ великихъ державъ, какъ теперь (Россія, Англія и Франція), а изъ четырехъ, причемъ второстепенныя державы, Саксонія и германскія королевства, представляли для Пруссіи, въ виду близости ихъ границъ, гораздо болѣе непосредственную угрозу, чѣмъ теперь Японія, а отчасти и Сербія для Германіи.

Правда на сторонѣ Пруссіи во время этой войны была Англія. Но она безсильна была оказать своей союзницѣ непосредственную помощь на сушѣ, Вся поддержка ея сводилась лишь къ тому, что она, преслѣдуя, разумѣется только свои личные интересы, вела съ Франціей войну изъ за колониальныхъ владѣній на поляхъ Сѣверной Америки, гдѣ въ рукахъ Франціи находилась въ то время Канада.

Въ Европѣ Пруссія, въ сущности, оставалась цѣликомъ предоставленной самой себѣ, и это должно было предопредѣлить ея судьбу. Дѣйствительно, въ 1760 году русскія войска заняли уже Берлинъ, и гибель Пруссіи казалась неизбѣжной.

Однако, капризу судьбы угодно было сохранить ея для дальнѣйшихъ историческихъ выступленій. Со вступленіемъ на русскій престолъ преемника императрицы Елизаветы, Петра III-го, изъ стиснувшей Пруссію со всѣхъ сторонъ коалиціи вышла Россія; затѣмъ ея примѣру послѣдовала Франція, заключившая съ Англіей обязательство сохранять полный нейтралитетъ по

отношенію къ воюющимъ сторонамъ, и, наконецъ, отступилась отъ войны съ Пруссіей Швеція. Такой оборотъ событій далъ возможность Фридриху II-му оправиться и побѣдить единственнаго оставшагося врага—Австрію.

Такимъ образомъ, по историческому своему масштабу европейская война 1756—1763 г.г. во много разъ превосходила масштабъ текущей войны. И событія, которыя происходили въ Европѣ полтора вѣка тому назадъ, должны были волновать умы и сердца современниковъ, пожалуй, въ гораздо большей степени, чѣмъ сейчасъ. Ктому же та война совершенно съ такимъ же правомъ, какъ и теперешняя, могла назваться „всемирной“. Военныя дѣйствія обѣихъ враждебныхъ коалицій не ограничивались и въ то время материкомъ Европы, а велись въ двухъ разныхъ частяхъ свѣта. Причемъ англо-французское единоборство въ Сѣверной Америкѣ носило гораздо болѣе длительный и широкій характеръ, чѣмъ въ наше время японо-германская борьба изъ-за Кіао-Чао на берегахъ Азіи.

Можно сказать даже больше. „Мировой“ характеръ семилѣтней войны былъ выраженъ въ гораздо болѣе значительной степени, чѣмъ въ теперешней войнѣ, поскольку можно заранее учесть ея вѣроятные результаты.

Есть основанія съ увѣренностью сказать, что ни въ какомъ случаѣ колониальные передѣлы послѣ теперешней войны не будутъ такъ обширны и сложны, какъ были полтора столѣтія назадъ. Достаточно указать, напримѣръ, что помимо уступки Франціей англичанамъ Канады, части Антильскихъ острововъ и нѣкоторыхъ колоній въ Индіи и Африкѣ, она же вынуждена была отдать своей союзницѣ, Испаніи, правый берегъ р. Миссисипи взамѣнъ полуострова Флориды, который Испанія должна была отдать Англии. Въ настоящую войну всѣ германскія колоніи вмѣстѣ взятыя, если онѣ будутъ отторгнуты отъ своей теперешней метрополии, не будутъ имѣть и половины того количественнаго и качественнаго значенія, какое въ эпоху семилѣтней войны имѣла одна только французская Канада.

Если, отыскивая историческія аналогіи нынѣшней войны въ вѣкахъ минувшихъ, оставить въ сторонѣ такой характерный признакъ, какъ захватъ одной изъ воюющихъ сторонъ другою въ тѣсно сжатый боевой кругъ, то, минуя эпоху французской революціи, вызвавшей образованіе противъ Франціи двухъ послѣдовательныхъ коалицій болѣе или менѣе „замыкающаго“ характера*), можно отмѣтить рядъ такихъ же крупныхъ коалицій, возникшихъ въ эпоху наполеоновской имперіи. Въ составъ коалиціи 1805 года (третьей по счету, направленной противъ Франціи) входили Россія, Англія, Австрія и Швеція. Тѣ же державы входили и въ составъ четвертой и послѣдней противуфранцузской коалиціи 1813 года.

*) Вторая изъ этихъ коалицій, образовавшаяся въ періодъ господства директоріи, ликвидирована была уже въ періодъ консульства Наполеона.

Но гораздо болѣе значительнымъ по своимъ размѣрамъ историческимъ явленіемъ былъ—въ промежуткѣ между этими двумя послѣдними коалиціями—союзъ подчиненныхъ Наполеону государствъ западной и средней Европы, направленный противъ Россіи. Вторженіе въ русскіе предѣлы арміи Наполеона было въ буквальномъ смыслѣ слова нашествіемъ „дванадцати языкъ“. Тутъ были представители и Испаніи, и Италіи, и Австріи, и „Рейнскаго союза“ (часть нынѣшней Германіи), и „герцогства Варшавскаго“, и Швейцаріи, и цѣлаго ряда другихъ, болѣе мелкихъ государствъ, по большей части полунезависимаго характера. Изъ всего обширнаго пространства Европы одинъ только Балканскій полуостровъ сохранилъ тогда непричастность къ этому громадному походу западной части Европы на восточную.

Итакъ, чисто историческая оцѣнка событій приводитъ насъ къ заключенію, что мы переживаемъ сейчасъ далеко не „самое грандіозное“ изъ событій міровой исторіи. Матеріальныя формы происходящаго въ наши дни столкновенія народовъ, правда, гораздо выше и сложнѣе тѣхъ, какія были столптораста лѣтъ тому назадъ. И по количеству участниковъ и по размѣрамъ понесенныхъ воюющими сторонами матеріальныхъ жертвъ теперешняя война не можетъ идти въ сравненіе ни съ одной изъ предыдущихъ войнъ. Но не слѣдуетъ забывать, что и въ этомъ отношеніи наши оцѣнки легко могутъ оказаться ошибочными. Глядя на развертывающіяся передъ нами событія исключительно лишь съ точки зрѣнія даннаго времени и мѣста, мы совершенно упускаемъ изъ виду, что въ прежнія эпохи, вѣдь, и количество населенія и степень богатства отдѣльныхъ европейскихъ государствъ были соотвѣтственно ниже, чѣмъ въ наши дни. Если сдѣлать надлежащія сопоставленія въ этой области, то можетъ быть оказалось бы, что и здѣсь происходящія на нашихъ глазахъ событія нисколько не являются исключительными и новыми по сравненію съ тѣмъ, что было прежде.

Такимъ образомъ, зная, что было въ минувшія историческія эпохи, мы можемъ спокойно и трезво смотрѣть на то, что совершается теперь, и, не чувствуя себя подавленными мнимой исключительностью событій, увѣренно и серьезно готовиться къ тому, чтобы во время использовать разрушительную силу войны творческаго осуществленія неотложныхъ задачъ государственнаго и общественнаго строительства.

П. Новомосковскіи.

А. Киселевъ.

УРОКИ ВОИНЫ.

Война всегда была испытаніемъ огнемъ и мечемъ не только военнаго могущества государствъ, но и вообще всѣхъ духовныхъ и матеріальныхъ силъ ихъ. Какъ подъ ударомъ молота отъ желѣза отлетаетъ покрывающая его ржавчина, такъ и во время войны съ противниковъ спадаетъ мишура ихъ видимой мощи и обнаруживается дѣйствительная сила и крѣпость. И чѣмъ тяжелѣе ударъ молота войны, тѣмъ полнѣе и ярче это обнаруженіе. До-реформенная Россія въ половинѣ прошлаго вѣка считалась самымъ сильнымъ государствомъ въ Европѣ; но крымская кампанія показала, что „Сѣверный колоссъ“ стоитъ на глиняныхъ ногахъ. Франція временъ Наполеона III также кичилась своимъ могуществомъ и смотрѣла на пруссаковъ свысока; но 1871 г. безжалостно сдернулъ съ нея эту презрительную маску. Исторія знаетъ и еще рядъ примѣровъ, когда война обнаруживала „подлинный ликъ“ государства, рѣзко отличавшійся отъ того, который всѣ знали до войны.

Такія обнаруженія, обыкновенно, не проходятъ безслѣдно для внутренней жизни государствъ. Въ Россіи послѣ Крымской войны наступила эпоха великихъ реформъ; во Франціи послѣ франко-прусской войны палъ наполеоновскій режимъ и установилась третья республика.

И это вполне понятно, ибо всякое жизнеспособное государство, испытавъ позоръ и ужасъ пораженія, не можетъ долѣе оставаться при прежнихъ средствахъ самозащиты, въ широкомъ смыслѣ слова, а по необходимости должно использовать горькій опытъ, чтобы стать болѣе стойкимъ и сильнымъ.

Настоящая война также не пройдетъ безслѣдно для воюющихъ государствъ, и уже не мало сдернула таинственныхъ покрывалъ и ложныхъ масокъ.

ный великаго государства и, несомнѣнно, ближе ведущій къ цѣли.

Едва только началась война, едва только обрисовались контуры чудовищныхъ размѣровъ обрушившагося на насъ несчастья, какъ для всѣхъ стало ясно, что съ этимъ бѣдствіемъ обычными силами и средствами „казеннаго образца“ не справиться, что государству потребуются духовныя и матеріальныя силы всего народа.

Медлить и раздумывать было некогда, и вотъ, послушные одному только голосу сознанія грозящей отечеству опасности, появились общеземскій и общегородской союзы и взяли въ свои руки дѣло помощи жертвамъ войны. Реакціонные круги забили было тревогу по поводу этихъ самочинныхъ, по выраженію Замысловскаго, организацій, являющихся будто бы государствомъ въ государствѣ. Но восемь мѣсяцевъ войны показали, что эти организаціи при данныхъ условіяхъ совершенно незамѣнимы, что производимая ими работа

имѣть огромнѣйшее государственное значеніе. Это признано уже и правительствомъ, отпустившимъ въ распоряженіе общеземскаго и общегородскаго союзовъ десятки милліоновъ рублей, и Верховною Властью, разрѣшившею передать тѣмъ же союзамъ организацію борьбы съ эпидемическими заболѣваніями по всей Россіи.

Глядя на ту колоссальную работу, которая нынѣ совершается общественными силами, хочется думать, что этотъ прекрасный опытъ не пройдетъ безслѣдно, что дѣйствующія теперь силы не будутъ распылены и вновь поставлены въ невозможность находить себѣ полезное приложеніе въ жизни и строеніи нашей родины.

Не надо забывать еще, что общеземскимъ и общегородскимъ союзами далеко не исчерпывается запасъ общественныхъ силъ, что неизмѣримо большая часть ихъ и сейчасъ пребываетъ въ инертномъ состояніи въ толщѣ народныхъ массъ, не имѣя возможности, въ силу существующихъ условій, проявить себя въ дѣятельномъ состояніи. А между тѣмъ, та же война поставила передъ страной рядъ задачъ первостепенной важности, требующихъ безотлагательнаго рѣшенія, которыя могутъ быть удовлетворительно разрѣшены только при дѣятельномъ участіи всѣхъ общественныхъ силъ государства.

Взять хотя бы вопросъ о растущей изо дня въ день дороговизнѣ жизни

Для борьбы съ нею уже принимаются разныя, подчасъ довольно энергичныя мѣры, какъ, на примѣръ, вводятся обязательныя для торговцевъ таксы, запрещается вывозъ продуктовъ изъ однѣхъ мѣстностей въ другія и пр.; но мѣры эти мало достигаютъ цѣли, и цѣны неудержимо растутъ, въ особенности въ крупныхъ городскихъ центрахъ.

Явленіе это на первой взглядъ кажется страннымъ и малопонятнымъ. Россія всегда вывозила за границу огромныя количества хлѣбныхъ продуктовъ и другого сырья. Война совсѣмъ почти прекратила вывозъ, а потому, казалось-бы, цѣны на эти продукты должны бы рѣзко понизиться. Въ началѣ войны этого и ожидали, и государственный банкъ предпринялъ даже рядъ мѣръ, направленныхъ къ предупрежденію рѣзкаго паденія цѣнъ, облегчивъ пріемъ въ залогъ многихъ товаровъ и расширивъ кредитную помощь разнымъ видамъ торговли, въ томъ числѣ и хлѣбной. Однако, ожиданія эти, какъ видимъ, не оправдались, и наоборотъ, цѣны на всѣ жизненные продукты поднялись до небывалой высоты.

Съ другой стороны, на складахъ у оптовыхъ торговцевъ въ тѣхъ же центрахъ лежатъ огромные запасы продуктовъ—муки, мяса, масла, и т. п., а цѣны все же не понижаются. Очевидно, ненормальности подвоза далеко не играютъ первой роли въ этомъ дѣлѣ.

Указываютъ и еще рядъ причинъ дороговизны: повышенное требованіе на нѣкоторые матеріалы со стороны военного вѣдомства, недостатокъ топлива и сырья въ фабрично-заводскихъ предпріятіяхъ, отливъ рабочихъ рукъ вслѣдствіе призыва на военную службу, сокращеніе иностраннаго ввоза, недобросовѣстная спекуляція и пр. Каждая изъ этихъ причинъ, несомнѣнно, оказываетъ свое вліяніе на ростъ цѣнъ. Но нужно замѣтить, что вздорожаніе предметовъ первой необходимости началось еще задолго до войны не только у насъ въ Россіи, но и за границей. (Вспомните напр., разные „бунты“ хозяекъ по случаю дороговизны мяса въ Германіи). Слѣдовательно, причины этого явленія отнюдь не исчерпываются обстоятельствами военного времени, а лежатъ гораздо глубже. Война только обострила и усилила ростъ цѣнъ, внеся условія случайнаго и временнаго характера, лишь форсирующія основную тенденцію, но не создающія процесса.

Нужно съ одной стороны, поставить въ строго опредѣленные рамки дѣятельность объединенныхъ организацій торгово-промышленнаго капитала и облегчить доступъ на внутренній рынокъ иностранныхъ продуктовъ, а съ другой—противопоставить имъ достаточно сильныя производственно-потребительскія организаціи со стороны широкихъ массъ. Въ Англии, на примѣръ, получающей большую часть своихъ продуктовъ извнѣ, цѣны на послѣдніе подъ вліяніемъ войны поднялись, въ процентномъ отношеніи, меньше чѣмъ у насъ. Объясняется это, главнымъ образомъ, широко развитою дѣятельностью кооперативовъ. Они, конечно, и

тамъ не обслуживаютъ *всего* населенія *всѣмъ* необходимымъ; но уже одинъ тотъ фактъ, что ихъ услугами пользуются массы, что они всегда могутъ расширить свою дѣятельность, заставляетъ господъ капиталистовъ умѣрять свои аппетиты. Наши кооперативы, малочисленны и существуютъ очень недавно;

Безъ широкихъ мѣропріятій въ этомъ направленіи борьба съ дороговизною не можетъ привести къ желательнымъ результатамъ.

Нѣкоторыя городскія думы пробуютъ бороться съ дороговизною путемъ покупки и продажи предметовъ первой необходимости по заготовительнымъ цѣнамъ. Но все это дѣлается въ такихъ размѣрахъ, что, конечно, серьезнаго значенія имѣть не можетъ. Да и трудно рассчитывать, чтобы нынѣшнія городскія думы, комплектуемая, главнымъ образомъ, изъ рядовъ того-же торгово-промышленнаго класса, который держитъ въ своихъ рукахъ спекуляцію, захотѣли-бы предпринять въ этомъ смыслѣ что нибудь болѣе крупное и серьезное.

Правда, московская и петроградская городскія думы сумѣли подняться выше интересовъ торгово-промышленной группы и постановили—ходатайствовать передъ правительствомъ объ учрежденіи одного для всей Россіи центрального комитета, съ участіемъ въ немъ представителей вѣдомствъ, городского и земскаго самоуправления, биржевыхъ обществъ, кооперативовъ и другихъ общественныхъ организацій, который объединялъ-бы и направлялъ-бы разрозненныя нынѣ мѣропріятія по борьбѣ съ дороговизною. Это, конечно-можетъ дать нѣчто болѣе существенное, чѣмъ несогласованныя между собою мѣропріятія представителей администраціи и отдѣльныхъ органовъ мѣстнаго самоуправления, и остается только пожелать, чтобы названный комитетъ возможно скорѣе получилъ нужную санкцію и сталъ фактомъ. Онъ не устранитъ первоисточниковъ дороговизны, которые, повторяю, лежатъ глубже намѣченной для него сферы дѣятельности; тѣмъ не менѣе, для смягченія остроты переживаемаго момента и онъ можетъ сдѣлать многое, если только дѣятельность его не будетъ обставлена излишними стѣсненіями.

Итакъ, война лишній разъ наглядно показала, что русское общество, въ

широкомъ смыслѣ слова, вполнѣ созрѣло не только для правильного пониманія, но и для практическаго разрѣшенія задачъ общегосударственнаго значенія. Оспаривать это и утверждать противоположное можно, очевидно, только „съ заранѣе обдуманномъ намѣреніемъ“ называть бѣлое чернымъ. Для людей-же, не задающихся такими намѣреніями, самъ собою напрашивается выводъ изъ этого положенія: разъ общество выдержало испытаніе на зрѣлость при такихъ сугубо-тяжелыхъ обстоятельствахъ,—нужно предоставить ему возможно больше простора для самодѣятельности и теперь, и въ мирное время. Будетъ и непонятно, и жаль, если этотъ „наглядный урокъ“ войны останется не использованнымъ, и русское общество вновь будетъ взято подъ сомнѣніе.

Вмѣсто него усиленно разрабатывались вопросы землепользованія и землеустройства, которые занимали вниманіе правительства со временъ Столыпина. Предполагалось, что съ разрушеніемъ общины и съ замѣною ея отрубными хозяйствами и единоличною собственностью (вмѣсто семейной), а также съ упорядоченіемъ переселенческаго дѣла и съ проведеніемъ нѣкоторыхъ мѣропріятій, направленныхъ къ поднятію производительности крестьянскаго земледѣлія, аграрный вопросъ если и не будетъ разрѣшенъ въ корнѣ то, по крайней мѣрѣ, надолго потеряетъ свою остроту. На проведеніе этихъ мѣръ затрачено было не мало государственныхъ средствъ и чиновничьей энергіи; но результаты, повидимому, не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ.

По крайней мѣрѣ, извѣстная записка главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣліемъ А. В. Кривошеина, поданная имъ въ совѣтъ министровъ, вполнѣ опредѣленно указываетъ, что нужно теперь-же озаботиться вопросомъ о надѣленіи землею воиновъ-пахарей, которые нынѣ своею грудью защищаютъ отечество.

правительство . . . теперь признало необходимость этого и намѣтило въ упомянутой запискѣ г. Кривошеина первый практическій шагъ въ новомъ направленіи. Правда, указываемая въ запискѣ мѣры не могутъ вполнѣ урегулировать вопроса, потому что нужда крестьянъ въ землѣ гораздо больше тѣхъ размѣровъ, которые могутъ быть удовлетворены передачею воинамъ-пахарямъ подлежащихъ отчужденію нѣмецкихъ земель въ пограничной полосѣ, части государственныхъ и запаса земель крестьянскаго банка. Но характеренъ уже самый фактъ признанія необходимости дополнительнаго надѣленія землею извѣстной части крестьянской массы; правительство временъ Столыпина рѣшительно не хотѣло стать на эту точку зрѣнія.

Россия—страна земледельческая по преимуществу, ея сила и мощь покоится прежде всего на благополучии земледельческо-трудоого класса; поэтому, представляется вполне целесообразным, чтобы вопросъ объ увеличении крестьянскаго землевладѣнія былъ поставленъ болѣе широко, а не ограниченъ только рамками записки А. В. Кривошена. При этомъ само собою разумѣется, что одно расширение площади крестьянскихъ земель, взятое въ отдѣльности, не можетъ уврачевать всѣхъ нуждъ современной деревни. Одновременно съ этимъ необходимо, съ одной стороны, поднять умственный и вообще культурный уровень сельскаго населенія, приблизивъ къ нему очаги просвѣщенія, а съ другой—создать такую общественно-правовую обстановку, которая давала бы полной просторъ для инициативы самой деревни. За недостаткомъ мѣста я не могу остановиться болѣе или менѣе подробно на другихъ „урокахъ войны“, имѣющихъ для насъ огромное значение, какъ, на примѣръ, урокъ трезвости, нѣмецкаго засилья въ промышленности, реакціоннаго вліянія нѣмцевъ на нашу внутреннюю политику и т. д. Всѣ эти уроки оплачиваются такою дорогою цѣною, что было бы безумно жаль, если бы мы не использовали ихъ во всей полнотѣ. Народъ близко принимаетъ къ сердцу всѣ перипетии навязанной намъ войны, безропотно переноситъ всѣ ужасы и тяготы ея, ибо вѣритъ въ конечную нашу побѣду. Вѣритъ и надѣется, что съ этой побѣдой Россия возродится къ новой жизни въ строительствѣ которой онъ займетъ подобающее ему мѣсто.

А. Киселевъ.

Проф. В. И. Разумовскій.

Нѣкоторыя историческія данныя объ уходѣ за ранеными воинами.

(Посвящается Всероссийскому Земскому Союзу).

Войны представляютъ весьма частое явленіе въ жизни человѣчества. Одинъ изъ историковъ подсчиталъ, что на большой историческій періодъ— 3,357 годовъ—мирныхъ лѣтъ (безъ войны) приходится всего 227; въ остальные годы—3130—велись войны въ той или другой странѣ. Такимъ образомъ, исторія человѣчества представляетъ какъ-бы непрерывную войну... Поэтому организація военнаго дѣла представляла всегда одну изъ главнѣйшихъ заботъ государствъ...

Что касается ухода за ранеными воинами,—въ разные историческіе періоды уходъ этотъ былъ различенъ.

Въ древней Греціи уже во время троянской войны (по Гомеру) были при войскахъ врачи (Махаонъ и Подалирій съ греческой, Агеноръ съ троянской стороны), и нѣкоторые герои были свѣдущи въ лѣченіи ранъ, какъ напр. знаменитый Ахиллъ; на одномъ изъ уцѣлѣвшихъ памятниковъ греческаго искусства сохранилось изображеніе: Ахиллъ перевязываетъ раненую руку Патрокла; замѣчательно правильное, тщательное наложеніе бинта въ этомъ изображеніи. Интереснымъ представляется тотъ фактъ, что уже у Гомера упоминаются свѣдущія и принимавшія участіе въ лѣченіи ранъ женщины: Агамеда, Полидамна, Елена. Хирургія и искусство лѣченія ранъ въ Греціи, какъ свидѣтельствуемъ намъ исторія медицины, стояли очень высоко, въ особенности въ Александрійскій періодъ. Военные врачи были уже въ Спартѣ, объ нихъ упоминаетъ Гиппократъ, они были въ греческомъ войскѣ Ксенофона, у македонянъ и т. д... Специальныхъ военныхъ лазаретовъ у грековъ, повидимому, не было; раненые помѣщались въ сосѣднихъ городахъ и, можетъ быть, при храмахъ, посвященныхъ Эскулапу.

Грозный Римъ съ его могучей военной организаціей имѣлъ также правильную и высоко-развитую военно-медицинскую организацію, основателемъ которой нужно считать императора Августа. Въ военныхъ лагеряхъ Рима историками (Hyginus—2 в. по Р. Хр.) описываются уже особыя мѣста для лѣченія (valetudinarium),— родъ военныхъ лазаретовъ, снабженныхъ лечебными средствами, съ соответствующимъ персоналомъ и такъ далѣе. У Римлянъ были отдѣльные врачи для преторьянцевъ, для линейныхъ войскъ (medici legionum), для кавалеріи, флота и т. д. Всѣ врачи имѣли одинъ и тотъ-же чинъ: principales (унтеръ-офицеры); старшіе получали двойной окладъ (duplarum). Но суровый Римъ въ заботахъ о раненыхъ воинахъ преслѣдовалъ не столько гуманныя задачи, сколько утилитарныя; медицина у Римлянъ не была въ почетѣ,—и самые врачи чаще были изъ грековъ, рабовъ и т. д. Отдѣльные императоры (Александръ Северъ—3 в., Адрианъ) отмѣчаются однако историками, какъ гуманисты, заботящіеся о раненыхъ воинахъ: такъ Адрианъ (2 в.) посѣщаетъ раненыхъ въ палаткахъ, заботится о ихъ транспортѣ, удобствахъ; тяжелыхъ раненыхъ предоставляетъ для лѣченія матронамъ и т. д. Подъ влияніемъ христіанства, вмѣстѣ съ его распространеніемъ, усиливаются заботы о больныхъ вообще, а также и объ раненыхъ воинахъ; впервые учреждаются особыя пріюты, госпитали (nosocomia) и т. д.*) Между прочимъ въ Византійскій періодъ впервые-же находимъ упоминаніе у историковъ о санитарныхъ отрядахъ, слѣдовавшихъ за войскомъ (въ извѣстномъ отдаленіи) и обязанныхъ подбирать тяжело раненыхъ: При императорѣ Маврикіи (582—602) были санитарныя команды; далѣе Левъ VI (10 в.) описываетъ подробно отрядъ санитаровъ (despotati): они, группами по 8—10 человекъ, невооруженные слѣдовали въ разстояніи 100 футовъ за войскомъ, имѣли при себѣ оживляющія средства (сосуды съ водой), нѣкоторыя приспособленія для посадки раненыхъ на лошадей и т. д.

Въ средніе вѣка организація военно-медицинскаго дѣла относительно очень слаба. Врачей при войскахъ не было, или таковыя были случайно, напр. сопровождали важныхъ особъ въ качествѣ ихъ личныхъ врачей. Такъ во Франціи извѣстные хирурги Pitard и Nepht de Mondeville сопровождали королей (Людовика Св., Филиппа Красиваго). Да и самая хирургія въ средніе вѣка стояла низко, она игнорировалась врачами и была предоставлена ремесленникамъ, цирюльникамъ и т. д. Только въ Италіи хирургическое дѣло обсто-

*) Уже первыя христіанскія общины считали попеченіе о бѣдныхъ и больныхъ своей священной обязанностью: появились nosocomia, такъ назыв. hospitalia infirmorum, pauperum (пріюты для больныхъ, безпомощныхъ и т. п.), въ которыхъ работали и много женщинъ (діакониссы). Знаменитый госпиталь въ Константинополѣ „Orphanotropheum“ вмѣщаль до 10,000 лицъ, нуждающихся въ помощи всякаго рода; онъ устроенъ Императоромъ Алексѣемъ I-мъ, дочь котораго Анна сама ухаживала за страдальцами. Принимали участіе и др. важныя особы: Фабіола перевязывала такія раны, „на которыя другіе не могли и глядѣть“; Императрица Плацилла Августа исполняла въ госпиталѣ обязанности простой служанки.

яло нѣсколько лучше: тамъ встрѣчаются при войскахъ и знаменитые хирурги—врачи, напр. Гуго-фонъ-Лукка (основатель болонской школы хирургіи, отецъ епископа—хирурга Теодорика) сопровождаетъ войско въ Св. Землю (крестовый походъ). Вообще, уходъ за ранеными въ средніе вѣка былъ очень плохо организованъ: зачастую раненые предоставлялись себѣ, или забота объ нихъ предоставлялась слѣдовавшимъ за войсками (вмѣстѣ съ маркитантами, кузнецами и др.) особымъ ремесленникамъ (въ Германіи Wundärzte, во Франціи Barbiers, Chirugiens-barbiers и т. д.),—да и тѣ нерѣдко являлись случайнымъ элементомъ; даже транспортъ (удаленіе раненыхъ изъ войскъ) не всегда былъ организованъ; раненые, могущіе двигаться, иногда слѣдовали за войскомъ, составляя его обузу, и подвергались большому риску быть убитыми въ случаяхъ военныхъ неудачъ (какъ это и было во время крестовыхъ походовъ). Что касается плѣнныхъ,—нерѣдко были случаи ихъ массоваго избіенія, увѣчій (выкалываніе глазъ, отрѣзаніе носовъ), заточеній въ ужасныхъ тюрьмахъ и т. п. Военныхъ лазаретовъ и госпиталей не было. Во время крестоваго похода орденъ іоаннитовъ основалъ въ Іерусалимѣ госпиталь для больныхъ и раненыхъ, но о врачебной дѣятельности ордена, впоследствии занявшагося главнымъ образомъ борьбой съ невѣрными, извѣстно очень мало. Первый специально—полевой госпиталь упоминается только въ 1484 г., въ походѣ испанцевъ противъ Гренады.

Толчкомъ къ дальнѣйшему развитію военно-медицинской организациі послужило введеніе огнестрѣльнаго орудія съ его тяжелыми раненіями. Огнестрѣльное орудіе введено было въ 14 вѣкѣ, но сначала только частично,—до 16 вѣка войска все еще главнымъ образомъ вооружены были стрѣлами: только съ учрежденіемъ постоянныхъ войскъ (16 в.) огнестрѣльное орудіе и огнестрѣльныя раны начинаютъ преобладать. Тяжелые переломы съ раздробленіемъ костей, тяжелыя полостныя раны, составляющія обычное явленіе при огнестрѣльныхъ орудіяхъ, становятся предметомъ изученія лучшихъ представителей хирургіи: является новая самостоятельная отрасль хирургіи, — военнополевая хирургія, (занимающаяся главнымъ образомъ огнестрѣльными поврежденіями), основателемъ которой считается А. Paré,—французъ, жившій въ 16 вѣкѣ. *) Но и въ 16 вѣкѣ при войскахъ еще нѣтъ правильной организациі военной медицины и санитаріи, хотя уже въ это время встрѣчается нѣкоторая регламентація касательно полевыхъ врачей, фельдшеровъ и др., напр. у ландскнехта въ Германіи.

* А. Paré разработалъ технику лѣченія огнестрѣльныхъ ранъ, вывелъ изъ употребленія прижиганіе этихъ ранъ (кипящимъ масломъ и т. п.); начерталъ главныя основанія лѣченія огнестрѣльныхъ переломовъ; обогатилъ хирургическіи инструментаріи и т. д. Главная научная заслуга А. Paré заключается въ томъ, что онъ ввелъ при ампутаціяхъ лигатуру сосудовъ, которая, правда, въ классическія времена (у грековъ въ Александріи) была извѣстна, но затѣмъ въ средніе вѣка была забыта. Лигатурой сосудовъ былъ обезпеченъ прогрессъ хирургіи,—и А. Paré по справедливости считается творцомъ новой хирургіи.

A. Paré.

Врачи и хирурги при арміяхъ большей частью однако являются случайными, по усмотрѣнію и приглашенію вождей арміи: такъ былъ приглашаемъ во Франціи А. Paré, участвовавшій въ нѣсколькихъ войнахъ; въ Испаніи Gascon былъ приглашенъ (1544 г.), чтобы устроить пріютъ-помѣщеніе для раненыхъ и т. д. Главнымъ же образомъ лѣченіе ранъ предоставлялось эмпирикамъ-ремесленникамъ, о дѣятельности которыхъ нѣкоторые изъ образованныхъ врачей-писателей отзываются очень рѣзко. Самое положеніе этихъ хирурговъ при арміяхъ было не изъ привлекательныхъ: они числились въ одномъ рангѣ съ трубачами и барабанщиками.

Въ концѣ 16-го вѣка создается во Франціи (при Генрихѣ IV) очень важное учрежденіе—военный госпиталь, *) а вскорѣ, въ началѣ 17-го в., особый пріютъ специально для увѣчныхъ воиновъ, которые получаютъ громкое названіе „Chevaliers de la maison royale“. Въ томъ же 17 вѣкѣ во Франціи создаются „полевые лазареты“ (амбулянсы), которые, хотя и управляются хирургами (chirurgiens majors des camps et armées), но состоятъ подъ верховнымъ надзоромъ архіепископа. Около этого же времени учреждаются, „полевая аптека“, „полевая инструментарія“ и т. д.

Въ Россіи полевыхъ врачей мы находимъ въ спискахъ верховнаго государственнаго разряда въ 1616 году при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ; при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ при полкахъ „стали находиться не только многіе медики, но также аптекари и цырюльники или рудометы“. **) Петръ I-й, насаждая въ Россіи европейскую культуру, учредилъ первые госпитали въ Москвѣ и Петроградѣ, организовалъ полевая аптека, аптекарскіе сады, пріюты для раненыхъ воиновъ и др.; любя медицину и хирургию (онъ слушалъ курсы медицины въ Голландіи), онъ самъ собственноручно писалъ наставленія войскамъ о предохраненіи отъ болѣзней и т. д.; вообще, при Петрѣ I-мъ положено было въ Россіи начало организациі медицинскаго дѣла гражданскаго и военнаго на прочныхъ основаніяхъ.

Но какъ въ Западной Европѣ, такъ и въ Россіи, въ 17 и 18 вѣкѣ заложены были только основы военно-медицинской организациі, но въ общемъ эта организациія стояла низко вплоть до 19 вѣка.

Еще во времена Фридриха Великаго получали скорую помощь только тѣ раненые, которые могли сами подниматься и дойти до мѣстъ лѣченія; остальные же, т. е. большая часть тяжело-раненыхъ, долгое время въ крови и страданіяхъ должны были ожидать окончанія сраженія и распоряженія на-

*) Гражданскіе госпитали во Франціи основаны очень рано: первый (Hotel-Dieu), старѣйшій въ Лионѣ въ 542 г.; первые госпитали въ Зап. Европѣ обслуживали не только больныхъ, но служили пріютами для безпомощныхъ, чужестранцевъ и т. д.

**) См. мою статью „Медицинское дѣло въ Россіи въ царствованіе первыхъ Государей Дома Романовыхъ“, „Русскій Врачъ“ 1913 г. Рѣчь въ соединенномъ засѣданіи Петроградскихъ Медицинскихъ Обществъ 21 февр. 1913 г..

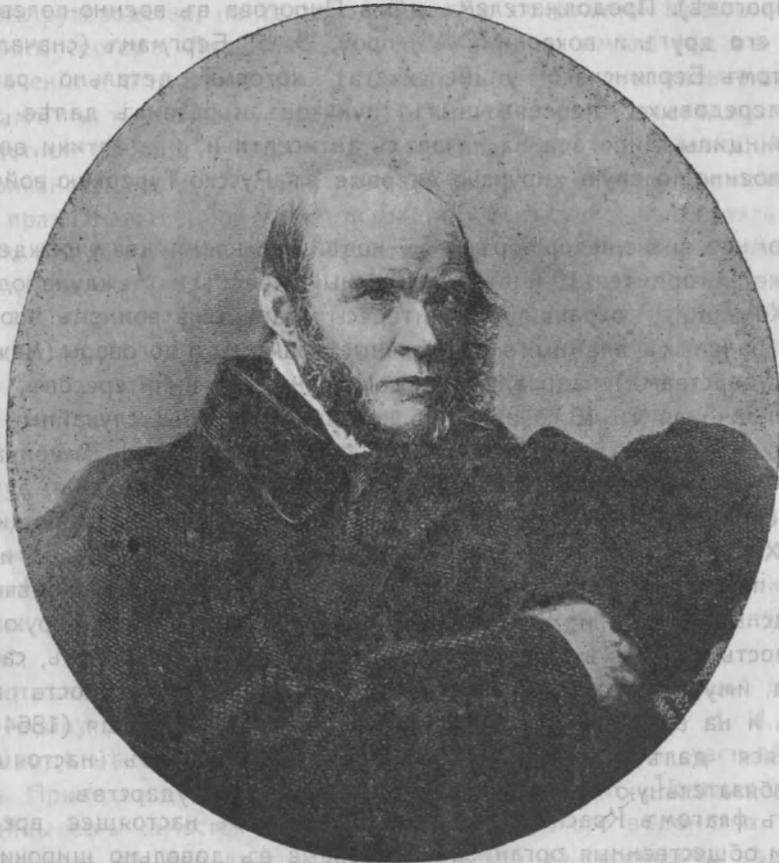
чальства относительно их дальнѣйшей судьбы. Такъ послѣ сраженія при Торгау раненые лежали на морозѣ всю ночь, на болотистой почвѣ; иногда раненые дѣлались добычей хищныхъ звѣрей.

Larrey'ю, хирургу Наполеоновскихъ войнъ, принадлежитъ безсмертная заслуга организациі быстрого хирургическаго пособія въ линіи сраженія при помощи подвижныхъ перевязочныхъ пунктовъ, снабженныхъ транспортными, перевязочными средствами и т. д. Постепенно въ теченіи 19 вѣка развивается современная довольно сложная организациа поданія помощи раненымъ съ подвижными перевязочными пунктами, санитарными отрядами, подвижными лазаретами, подвижными и запасными госпиталями, съ болѣе или менѣе правильными транспортами, этапными пунктами и т. д.

Но дѣло это развивалось медленно. По свидѣтельству Гюббенета и Пирогова еще въ Севастопольскую войну раненые иногда днями оставались неподобранными на полѣ сраженія; а ужасныя картины скопленія раненыхъ въ неподготовленныхъ помѣщеніяхъ, даже подъ открытымъ небомъ, картины мучительныхъ транспортовъ (на голыхъ телѣгахъ *) и т. д.), которыя даетъ Пироговъ (см. его „Севастопольскія письма“ Спб. 1907), нельзя читать безъ содроганія сердца. Неисчислимыя заслуги самого Н. И. Пирогова въ дѣлѣ организациі помощи раненымъ и въ военно-полевой хирургіи признаны всѣмъ міромъ **). Я приведу только главнѣйшія: онъ первый примѣнилъ наркозъ на полѣ сраженія (въ 1847 г. на Кавказѣ при осадѣ Салтовъ), первый приспособилъ свою гипсовую повязку къ перевозкѣ раненыхъ (по Бергману „безсмертная заслуга“), ввелъ іодъ, теперь общепризнанный, нѣкоторыя новыя операціи и т. д.; а главное—усовершенствовалъ организацию врачебной помощи, путемъ правильныхъ транспортовъ, эвакуаціи, разсѣянія раненыхъ и больныхъ. Не малая заслуга его въ томъ, что онъ настойчиво всю жизнь

*) Для телѣгъ не всегда были въ Севастополѣ сѣно и солома; иногда въ длинные многодневные транспорты раненые отправлялись на голыхъ телѣгахъ; зябли на холоду въ истертыхъ шинеляхъ; иногда въ транспортахъ не было даже воды,—и „больные мучились отъ жажды, набрасывались съ жадностью на колодцы съ соленой водой“. Рисуя эти картины съ натуры, Пироговъ называетъ злоупотребленія транспортныхъ начальниковъ „грабежами, отъ которыхъ волосы становятся дыбомъ“. Не лучше стояло дѣло и въ нѣкоторыхъ лазаретахъ Севастополя: „иногда больные цѣлые дни и ночи на полу безъ матрацовъ и бѣлья“; иногда „больные и раненые валялись въ палаткахъ на матрацахъ холстинныхъ, набитыхъ лыкомъ и лѣкаря перевязываютъ, стоя по колѣно въ грязи“ (Пироговъ). Про пищу Пироговъ говоритъ: „куриный супъ, въ который на 360 человекъ кладутъ 90 куръ, такимъ выходитъ, что на вкусъ не курицей, а крупой одной дѣйствуетъ, и больные почти не ѣдятъ супъ. Надо ловить госпитальныхъ воровъ“ и т. д.

**) См. мою статью (юбилейную рѣчь произнесенную на Пироговскомъ съѣздѣ 1910 г. на торжественномъ собраніи, посвященномъ памяти Н. И. Пирогова). „Н. И. Пироговъ, какъ научный дѣятель и профессоръ хирургіи“. „Русскіи Врачъ“, 1910 г. Также въ сборникѣ, посвященномъ столѣтію со дня рожденія Пирогова: „Николай Ивановичъ Пироговъ и его наследіе—Пироговскіе съѣзды“. Петроградъ 1911.

Н. И. Пирогов.

проповѣдывалъ такъ назыв. консервативные принципы въ военно-полевой хирургіи, теперь общепризнанные. Къ великимъ заслугамъ Пирогова нужно причислить и его мужественную борьбу съ казнокрадствомъ, административными несправедливостями и косностью,—борьбу, которая его,—человѣка съ большой энергіей и крѣпкими нервами,—иногда доводила до истерики (см. мою статью о Пироговѣ). Продолжателемъ дѣлъ Пирогова въ военно-полевой хирургіи былъ его другъ и поклонникъ *) проф. Э. ф. Бергманъ (сначала Юрьевского, потомъ Берлинскаго университета), который детально разработалъ задачи передовыхъ перевязочныхъ пунктовъ и развилъ далѣе консервативные принципы Пирогова на началахъ антисептики, и асептики, введенныхъ имъ въ военно-полевую хирургію впервые въ Русско-Турецкую войну 1877—1878 г.

Огромное значеніе приобрѣли въ новѣйшее время два учрежденія, которыми можетъ гордиться 19-й вѣкъ,—Красный Крестъ и Международная Женевская Конвенція, охраняющія интересы раненыхъ воиновъ вообще и въ частности раненыхъ плѣнныхъ. Отдѣльные трактаты и договоры (между воюющими государствами), направленные къ охранѣ этихъ интересовъ, существовали, уже начиная съ 16 го вѣка, но носили характеръ случайный (ихъ не было напр. въ войны даже XIX вѣка—Севастопольскую и Американскую), а главное,—они не имѣли международнаго юридическаго значенія, а, слѣдовательно, не имѣли и прочныхъ гарантій. Трудомъ многихъ выдающихся гуманистовъ XIX вѣка, въ особенности женевскихъ гражданъ Дюнана и Муанье, которыхъ по справедливости можно назвать благодѣтелями челоуѣчества, созданы Красный Крестъ и Женевская Конвенція, которые гарантируютъ неприкосновенность раненыхъ (и плѣнныхъ), госпиталей и лазаретовъ, санитарнаго персонала, имущества,—и кромѣ того налагаютъ обязанность заботы о раненыхъ и на вражескую сторону. Эта Женевская конвенція (1864 г.), подвергавшаяся далѣе дополненіямъ и пересмотрамъ, въ настоящее время имѣетъ обязательную силу для всѣхъ воюющихъ государствъ.

Подъ флагомъ Краснаго Креста работаютъ въ настоящее время и всѣ частныя и общественныя организаціи, впервые въ довольно широкихъ размѣрахъ начавшія дѣятельность также въ XIX вѣкѣ (въ первый разъ въ эпоху Наполеоновскихъ войнъ). Эта „частная помощь“ раненымъ въ теченіи этого вѣка развивалась все болѣе и болѣе, не только—помогая административнымъ органамъ, но и въ значительной степени выполняя ихъ функціи, какъ мы видимъ это въ настоящее время на дѣятельности „Общеземскаго“ и „Общегородскаго Союза“. Въ началѣ дѣятельность „частной помощи“ ограничивалась исключительно тыломъ, но постепенно дѣятельность эта продвигалась все ближе и ближе къ линіи сраженія, на самый театръ военныхъ дѣйствій.

*) Бергманъ называетъ Н. И. Пирогова „Der unvergessliche grosse Chirurg“. Портретъ Пирогова всегда висѣлъ надъ письменнымъ столомъ Бергмана

Это случилось въ первый разъ въ Севастопольскую войну, благодаря Н. И. Пирогову и Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Вотъ что говоритъ по этому поводу Пироговъ: „Когда блаженныя памяти великая княгиня Елена Павловна въ 1854 г., первая въ цивилизованномъ мірѣ, возымѣла мысль объ организациі частной помощи на театрѣ войны, Ей благоугодно было поручить мнѣ руководство, на театрѣ войны, Ею основанной Кресто-воздвиженской общины сестеръ. Прозорливая учредительница имѣла уже въ виду будущее значеніе и отношеніе этой общины къ военному и военно-врачебному вѣдомствамъ“ и т. д. Между прочимъ Н. И. Пироговъ даетъ и характеристику „частной помощи“, какъ она проявила себя въ войнахъ XIX вѣка. „Въ американскую войну частная помощь была, очевидно, выраженіемъ недоверія къ правительственной администраціи. Общество такъ сказать вооружилось своею помощью противъ недостатковъ и пробѣловъ въ административныхъ распоряженіяхъ. Оно отправило въ армію своего инспектора, для наблюденія за недостатками, ошибками и недосмотромъ военно-врачебной организациі, и принесло огромныя жертвы для оказанія помощи раненымъ и больнымъ воинамъ. Въ Германіи въ 70—71 годахъ, частная помощь, выступившая во второй разъ въ громаднхъ размѣрахъ на сцену войны, имѣла уже совершенно иное значеніе. Она болѣе или менѣе подчинялась крѣпкому устройству германской администраціи*), превосходившей безмѣрно своей организацией американскую. У насъ при началѣ учрежденія частной помощи, въ Крымскую войну 1854 года, сами военно-начальники на моихъ глазахъ привѣтствовали Общину, какъ надежное средство къ уменьшенію господствовавшихъ тогда недостатковъ и злоупотребленіи военно-врачебной администраціи“.

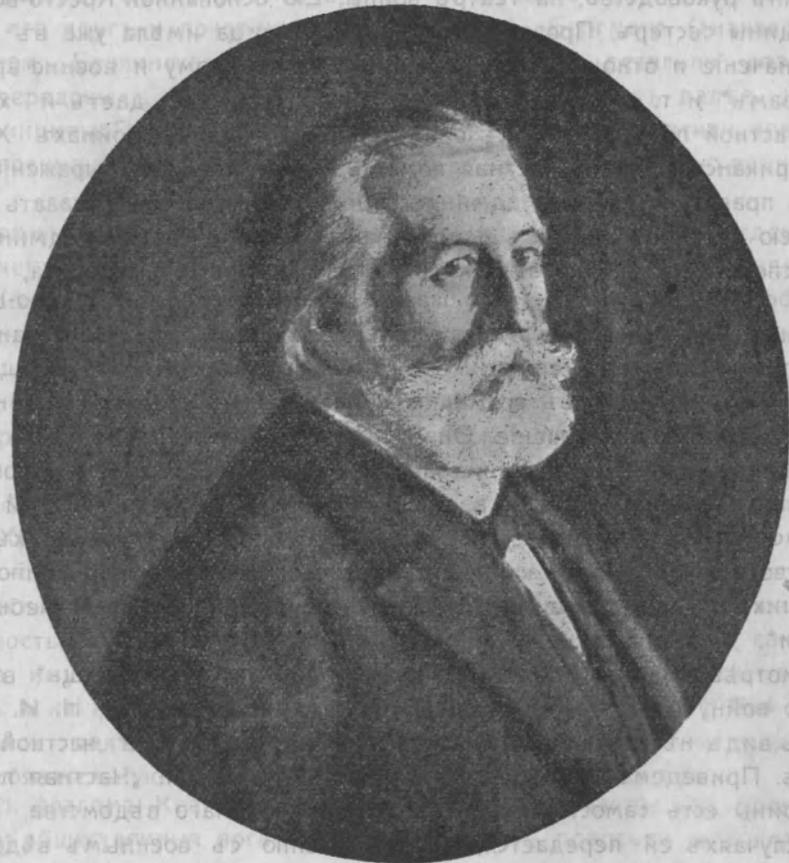
Осмотрѣвъ на театрѣ военныхъ дѣйствій „частную помощь“ въ Русско-турецкую войну и отмѣтивъ ея существенные недостатки**), Н. И. Пироговъ даетъ въ видѣ нѣсколькихъ положеній нормы дѣятельности „частной помощи“ на войнѣ. Приведемъ нѣкоторыя изъ этихъ положеній: „Частная помощь во время войны есть самостоятельное подспорье военнаго вѣдомства. Въ извѣстныхъ случаяхъ ей передается, по соглашенію съ военнымъ вѣдомствомъ, контроль надъ точнымъ исполненіемъ принятой этимъ вѣдомствомъ нормы въ содержаніи больныхъ и раненыхъ“. (Положеніе первое).

„Частная помощь не должна конкурировать съ военнымъ вѣдомствомъ и слишкомъ отличаться, въ содержаніи больныхъ, отъ принятой этимъ вѣдомствомъ нормы“. (Положеніе второе).

„Всякое стремленіе частной помощи слишкомъ отличаться отъ военнаго

*) Н. И. Пироговъ лично осматривалъ организацию военно-медицинскаго дѣла и частной помощи на театрѣ войны въ Германіи въ 1870—71 г.

**) Военно-врачебное дѣло и частная помощь на театрѣ войны въ Болгаріи и въ тылу дѣйствующей арміи въ 1877—1878 Ч. I—II. Петроградъ. 1879 г.

Э. ф. Бергманъ.

вѣдомства или перещеголять его разнаго рода причудами въ содержаніи больныхъ вредно отзывается на солдатахъ“. „Вредно еще и тѣмъ, что сокращаетъ размѣры оказанія помощи. Что можно было бы распредѣлить на цѣлыя сотни больныхъ, то, при улучшеніи содержанія съ излишкомъ, употребляется только на десятерыхъ“ *) (Положенія седьмое и осьмое).

„Этапы, питательные пункты и выдвижные лазареты принадлежатъ, по преимуществу, къ области дѣйствій частной помощи, и потому эти ея учрежденія должны быть также, какъ и летучіе и выдвижные госпитали частной помощи, допускаемы на театръ войны“ (Положеніе шестнадцатое).

„Летучій санитарный отрядъ есть такое новое учрежденіе, которое вполне заслуживаетъ поощренія отъ частной помощи въ дальнѣйшемъ его развитіи“ (Положеніе семнадцатое).

„Склады Общества Краснаго Креста, вблизи театра войны, должны быть достаточно снабжены по опредѣленной нормѣ только самыми необходимыми для пособія больнымъ и раненымъ предметами. Распредѣленіе средствъ должно быть регулировано, и самые склады не должны содержаться съ излишней роскошью“ (Положеніе осьмнадцатое).

„Отношенія уполномоченныхъ Обществъ Краснаго Креста къ врачамъ этого Общества въ военное время должны быть точнѣ опредѣлены, а врачи Краснаго Креста должны имѣть одного главнаго представителя предъ Обществомъ Краснаго Креста и военнымъ вѣдомствомъ“ (Положеніе девятнадцатое).

„Частная помощь легкостью механизма своей организациі скорѣе можетъ оказать помощь тамъ, гдѣ военно-врачебная администрація, при тяжеломъ ходѣ ея механизма, не въ состояніи во-время пополнить свои пробѣлы“ (изъ пятнадцатаго положенія).

„Вредна излишняя сентиментальность частной помощи, когда дѣло идетъ объ оказаніи помощи при скопленіи больныхъ и раненыхъ. Въ этомъ случаѣ необходимы для пользы самихъ раненыхъ, и именно тяжелыхъ, строгій надзоръ и дисциплина“. „Тяжело больные и раненые, требующіе отличнаго отъ нормы содержанія и тщательнаго ухода, должны быть по возможности отдѣляемы отъ легкихъ больныхъ, съ цѣлью устраненія всякаго повода къ

* Вообще равномерности въ распредѣленіи частной помощи Пироговъ придаетъ огромное значеніе: „Неравномерное распредѣленіе частной помощи въ госпиталяхъ и транспортахъ въ нынѣшнюю войну, русско-турецкую, производило на меня болѣе тягостное впечатлѣніе, чѣмъ равенство предъ бѣдствіемъ въ Крымскую“. Одинъ изъ моихъ ординаторовъ въ прошлую русско-японскую войну завѣдывалъ санитарнымъ поѣздомъ, устроеннымъ однимъ богатымъ лицомъ на собственныя средства со всѣми удобствами. Въ пути къ поѣзду прицѣплялись и казенныя „теплушки“, гдѣ зачастую больные помѣщались на полу, безъ всякихъ удобствъ и т. д. „Самое тяжелое въ моемъ положеніи“, говоритъ врачъ „было-это неравномерность въ распредѣленіи благъ, которую больные склонны были приписать врачебному усмотрѣнію“.

ропота и зависти". „Всѣ дѣятели Общества Краснаго Креста, и въ особенности сестры, должны быть обязаны, безъ всякаго различія и худопонятой любви къ своимъ больнымъ, равномерно распредѣлять помощь. Неравномерное распредѣление частной помощи показываетъ незнаніе нравственныхъ свойствъ людскихъ массъ и возбуждаетъ въ нихъ ропотъ, недовольство и склонность къ злоупотребленіямъ". (Положенія девятое, десятое, одиннадцатое). Далѣе Н. И. Пироговъ говоритъ объ организациі института сестеръ *), о строгомъ ихъ выборѣ, о надзорѣ за ихъ дѣятельностью и нравственностью, о необходимости расширить права врачей („въ этапномъ лазаретѣ врачи завѣдывали вполнѣ самостоятельно хозяйствомъ госпиталя,—и санитарное дѣло шло отлично") и т. д. Вообще Н. И. Пироговъ яркими и широкими штрихами начерталъ программу дѣятельности Краснаго Креста и частной помощи вообще,—программу, которая частью была использована въ Русско-японскую войну и въ значительной степени выполняется въ настоящую войну, какъ это можно видѣть между прочимъ изъ доклада князя Г. Е. Львова на послѣднемъ Съѣздѣ Общеземскаго Союза: „Въ первомъ засѣданіи народившагося земскаго союза (30-го юля) предполагалось оказывать посильную помощь трудомъ и средствами земствъ дѣлу эвакуациі больныхъ и раненыхъ воиновъ. Союзъ не долженъ былъ нести никакой самостоятельной задачи, а лишь предполагалось помочь дѣлу, которое является функціей правительственной власти. Линія, отдѣляющая районъ дѣйствующей арміи отъ внутренней части имперіи, должна была быть демаркаціонной линіей, за которую кромѣ военнаго вѣдомства и Краснаго Креста никто не долженъ быть имѣть доступъ. Но съ первыхъ же шаговъ стало ясно, что эти границы слишкомъ узки. Черезъ недѣлю (6-го августа) главноуполномоченный союза имѣлъ счастье доложить государю о готовности земствъ принять на себя всю тяжесть войны и представилъ общія соображенія о стоимости эвакуаціоннаго дѣла въ теченіе 6-ти мѣсяцевъ (100 милл. р.). Затѣмъ въ Петроградѣ главноуполномоченнымъ была передана воля государя предсѣдателю совѣта министровъ, и земскому союзу немедленно были отпущены деньги и затѣмъ отпущались далѣе безпрепятственно по мѣрѣ роста его дѣятельности соотвѣтственно потребностямъ. Земскими и городскими сою-

*) Самое названіе „сестра" Н. И. Пироговъ предлагаетъ сдѣлать такъ сказать почетнымъ „Только особы, принадлежащія къ организованнымъ до войны общинамъ, пользуются именемъ сестеръ". „Слѣдовало бы нашихъ общинныхъ сестеръ во время войны поставить выше и отличнѣе отъ добровольныхъ сестеръ". Относительно добровольныхъ сестеръ Пироговъ говоритъ: „можетъ случиться, что выборъ падаетъ на личности не вполнѣ нравственныя. Все это можетъ повредить дѣлу частной помощи. Для Общества Краснаго Креста, какъ организованнаго учрежденія частной помощи, не безразлично имѣть въ своемъ распоряженіи только руки безъ нравственныхъ качествъ. Это могло бы потрясти его главную основу" „Странно, что положеніе добровольныхъ сестеръ какъ то эффектиѣе, по внѣшней обстановкѣ, сравнительно съ положеніемъ общинныхъ" и т. д.

зами совместно былъ выработанъ планъ эвакуаціи и смѣта, которые были утверждены военнымъ вѣдомствомъ.

На выполнение этого плана потребовалось 70 милл. руб. Развивавшіяся событія требовали все большей работы и приложения общественныхъ силъ. Земскіе поѣзда, предназначенные для внутренней эвакуаціи, были повернуты на фронтъ; потребовалось создание грандіозныхъ складовъ бѣлья, одежды, медикаментовъ. По просьбѣ отдѣльныхъ военачальниковъ были сформированы питательно-перевозочные отряды. Вспыхнула война съ Турціей, и вслѣдъ за тѣмъ все дѣло помощи больнымъ и раненымъ на Кавказѣ было передано городскому и земскому союзамъ. Независимо отъ этого явилась необходимость участія общественныхъ организацій въ санитарныхъ мѣропріятіяхъ на фронтахъ. Въ общемъ уже израсходовано на все это дѣло около 50-ти милл. руб. Союзъ упрекаютъ иногда въ широкихъ тратахъ отпускаемыхъ ему средствъ, но благодаря принятымъ главнымъ комитетомъ мѣрамъ достигнута уже весьма значительная экономія противъ первоначальныхъ смѣтныхъ предположеній по всѣмъ отраслямъ дѣятельности земскаго союза.

Я не погрѣшу противъ истины,—говоритъ далѣе кн. Львовъ,—если скажу, что все дѣло эвакуаціи по существу находится въ рукахъ земскаго и городского союзовъ. Кромѣ этого государственнаго дѣла, союзы привлечены къ выполнению и другихъ задачъ чисто государственнаго значенія — къ снабженію арміи провіантомъ, бѣльемъ, одеждой, обувью. Союзомъ изготовлено для арміи до 17-ти милл. рубахъ и кальсонъ, до 2-хъ милл. сапогъ и т. д. Важно также отмѣтить, что совершенная общественными организаціями работа по быстротѣ ея выполненія совершенно недоступна и непосильна организаціямъ правительственной власти*.

Разсматривая съ исторической точки зрѣнія дѣло ухода за ранеными, мы должны отмѣтить въ немъ несомнѣнный прогрессъ: улучшается уходъ. улучшаются транспорты (эвакуація), лѣчебныя хирургическія средства и т. д. что еще важнѣе,—замѣчается въ новѣйшее время дѣятельное участіе всего общества въ дѣлѣ ухода за ранеными и лучшее отношеніе къ раненымъ плѣннымъ. Но есть другая сторона, ужасная въ современныхъ войнахъ: вслѣдствіе усовершенствованія военной техники, онѣ сопровождаются массовымъ уничтоженіемъ человѣческихъ жизней, и въ этомъ отношеніи ужасы войнъ прошлыхъ блѣднѣютъ предъ современными ужасами; общая сумма страданій и увѣчій при теперешнихъ войнахъ также неизмѣримо больше,*).

* Положение это требуетъ поясненія. Вслѣдствіе прогресса хирургіи сумма страданій каждаго отдѣльнаго раненаго уменьшилась, шансы на выздоровленіе увеличились (уменьшеніе процента смертности); но такъ какъ общее количество раненыхъ теперь значительно больше, чѣмъ въ прошлыя войны, то общая сумма страданій увеличилась. Тоже относительно увѣчій: многія увѣчья, раньше считавшіяся непоправимыми, теперь, благодаря прогрессу оперативной хирургіи, исправляются или улучшаются (ортопедическія операціи, операціи на нервахъ) и т. д.; но вслѣдствіе значительнаго увеличенія количества раненій вообще, количество увѣчій непоправимыхъ увеличилось. Болѣе подробно объ этомъ см. мои спеціальныя статьи: 1) „Огнестрѣльные поврежденія при современномъ вооруженіи армій“ г. Саратовъ. 1915 г. 2) Современные взгляды на лѣченіе огнестрѣльныхъ ранъ“. Врачебная газета 1915. № 7.

Кромѣ того суровая дѣйствительность принесла намъ еще тяжкое разочарованіе; она показала намъ подъ внѣшней культурной оболочкой звѣря-человѣка, показала намъ, что милитаризмъ несетъ за собой нравственное огрубѣніе. Тѣ жестокости войны, которыя казались намъ уже отошедшими въ область кошмарныхъ преданій, уже немислимыми въ нашъ культурный вѣкъ, вновь встаютъ предъ нами... Человѣчество еще очень далеко не только отъ вѣчнаго мира, о которомъ мечтаютъ его лучшіе представители, его апостолы; но оно еще далеко и отъ того идеала воина, который даетъ идеалисту-мыслителю XIX вѣка: „Солдатъ, идущій въ бой за отечество, долженъ возвыситься надъ самимъ собой, не только энергіей и храбростью, но и добродѣтелью до святости“...

Проф. В. Разумовскій.

П. Новомосковскій.

АНТИМИЛИТАРИЗМЪ И ВОИНА.

I.

Антимилитаризмъ родился, вѣроятно, вмѣстѣ съ войной.

И умереть—надо полагать—не раньше, какъ съ наступленіемъ того блаженнаго „золотого вѣка“, когда осуществится живущая со временъ Овидія въ сердцахъ лучшихъ людей мечта о всеобщемъ мирѣ и мечи перекованы будутъ въ серпы и плуги.

Въ древніе и средніе вѣка стремленіе удалить изъ человѣческой жизни кровавое „испытаніе огнемъ и желѣзомъ“ было именно только мечтою поэтовъ и мыслителей высокаго полета. Какъ общественное теченіе, явленіе это въ тѣ времена не существовало совершенно. Даже идеальнѣйшіе представители высокихъ нравственныхъ принциповъ своего времени, первые христіане, всѣ помыслы которыхъ были устремлены къ „царству не отъ міра сего“ и которые поэтому не имѣли на землѣ никакихъ сокровищъ, на защиту которыхъ они могли бы поднять свой мечъ,—и тѣ безпрекословно шли на службу въ полки римскихъ, а позже византійскихъ императоровъ, воздавая кесарю кесарево.

Война была въ тѣ времена явленіемъ, безъ котораго жизнь не могла конкретно вмѣститься въ рамки сознанія. Все первое тысячелѣтіе послѣ Р. Х. было эпохой сплошнаго великаго перемѣщенія народовъ и культуръ. Европа напоминала собою въ это время дно гигантскаго моря, по которому метались въ разныя стороны огромныя человѣческія волны, сталкиваясь другъ съ другомъ и грузно осѣдая на отвоеванныхъ пространствахъ, съ тѣмъ, чтобы спустя нѣкоторое время снова подняться и нестись дальше.

Вандалы, готы, франки, лангобарды, гунны, сарматы, турки, арабы—все это двигалось съ разныхъ сторонъ на твердыни тогдашней культуры, Византію и Римъ, и простой инстинктъ самосохраненія подсказывалъ, что един-

ственной надежной защитой для созданной вѣками культуры и самаго существованія является остріе меча и стѣны крѣпости.

Между прочимъ, и самая идея культуры, по образному выраженію одного историка, носилась тогда на концѣ копья. Хозяйственная жизнь отдѣльныхъ народовъ была въ минувшія эпохи такъ изолирована, такъ мало связана между собою, что никакая „международная солидарность“, въ томъ смыслѣ, какой придается этому слову теперь, тогда не могла существовать. Каждый, даже самый мелкій народецъ чувствовалъ себя совершенно самостоятельной и самодовлѣющей единицей и ревниво оберегалъ эту самостоятельность отъ всякихъ посягательствъ со стороны. Поэтому государству, стремившемуся распространить свою культуру и не имѣвшему натуральныхъ хозяйственныхъ корней въ соприкасающихся съ нимъ областяхъ, приходилось прибѣгать къ помощи оружія и насильственно сплестать экономическій строй покоренной страны со своимъ собственнымъ. Отсюда—и въ вопросахъ расширенія національной культуры и въ вопросахъ защиты ея отъ постороннихъ посягательствъ война являлась единственнымъ средствомъ, къ которому можно было прибѣгнуть съ наибольшей надеждой на успѣхъ.

И потому къ средству этому прибѣгали такъ часто, какъ только было возможно.

II.

Въ настоящее время положеніе вещей нѣсколько измѣнилось.

Необычайное развитіе промышленности и торговли связало отдѣльныя страны въ одно цѣлое и поставило ихъ въ тѣсную зависимость другъ отъ друга. Среди различныхъ государствъ создалось точно такое же „раздѣленіе труда“, какое существуетъ между общественными классами или между различными частями какого нибудь сложнаго фабричнаго производства. Въ однѣхъ странахъ процвѣтаетъ преимущественно одинъ родъ промышленности, въ другихъ другой, третьи являются главнымъ образомъ земледѣльческими—и всѣ взаимно обмѣниваются плодами своего труда, всѣ нужны другъ другу и другъ съ другомъ связаны общими интересами.

При такихъ условіяхъ война одного государства съ другимъ является въ то же самое время, до извѣстной степени, и войною его противъ самого себя. Въ силу этого войны стали теперь менѣе выгодными, глубже затрагивающими жизненные интересы страны, и къ нимъ прибѣгаютъ теперь не такъ часто, рѣшительно и охотно, какъ это было раньше.

Теперь каждой войнѣ предшествуетъ болѣе или менѣе длительный періодъ взаимнаго „мирнаго завоеванія“: промышленнаго, интеллектуальнаго, колонизаціоннаго. И только тогда, когда экономическіе или политическіе интересы государствъ сталкиваются вплотную, и возникаетъ непосредствен-

ный вопрос о преобладании одного изъ нихъ надъ другимъ, напряженіе мирной борьбы разрѣшается взрывомъ вооруженныхъ столкновений.

Эта взаимная связанность интересовъ и создаваемые ею промежутки мирнаго соперничества породили въ умахъ людей естественное стремленіе къ тому, чтобы закрѣпить и сдѣлать постоянными періоды мирнаго развитія народовъ и изъять совершенно изъ употребленія разрушительную силу оружія.

Стремленіе это вылилось за послѣднее столѣтіе въ форму опредѣленнаго, организованнаго общественнаго движенія и пробилось па поверхность общественной жизни въ видѣ двухъ, сходныхъ по цѣли, но не сходныхъ по методамъ дѣятельности направленіи.

Одно изъ нихъ— „боевое“ и рѣшительное, полагающее, что для уничтоженія причиняемаго человечеству милитаризмомъ зла необходимо „объявить войну войнѣ“ и бороться съ ней ея же собственными средствами—и есть, собственно, то, что принято называть „антимилитаризмомъ“ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Наиболѣе виднымъ идеологомъ и вождемъ его является извѣстный французскій антимилитаристъ Густавъ Эрве, за послѣднее время, впрочемъ, измѣнившій подъ вліяніемъ переживаемыхъ сейчасъ Франціей и всей Европой событіи свои взгляды и отношеніе къ войнѣ и принявшій дѣятельное участіе въ организациі активной обороны страны.

Другое теченіе, болѣе мирнаго характера и пользующееся большей распространенностью въ общественныхъ кругахъ, извѣстно подъ именемъ „пацифизма“. Его представители съ одной стороны стремятся воздѣйствовать на общественное мнѣніе всѣхъ странъ и путемъ распространенія памфлетовъ, брошюръ и художественныхъ произведеній *) убѣдить общество въ необходимости покончить такъ или иначе съ системою рѣшенія спорныхъ вопросовъ силою оружія, раскрыть передъ нимъ весь трагическій ужасъ войнъ и на толкнуть на поиски иныхъ путей къ урегулированію запутанныхъ и сложныхъ международныхъ политическихъ и хозяйственныхъ отношеній. Это направленіе исходитъ изъ среды самого общества и имѣетъ идейный, т. е. въ большей или меньшей степени отвлеченный характеръ. Съ другой стороны, навстрѣчу этому теченію начинаютъ идти, хотя пока еще очень нерѣшительно, правительства отдѣльныхъ странъ, преслѣдуя при этомъ чисто утилитарныя государственныя цѣли. Первый починъ въ этомъ отношеніи принадлежитъ русскому Императору, Николаю II—му, предложившему учрежденіе въ Гаагѣ международнаго третейскаго трибунала, который бы принялъ на себя разрѣшеніе спорныхъ вопросовъ, могущихъ вызвать обостренныя отношенія или даже вооруженные конфликты между отдѣльными государствами.

*) Особенно широкую популярность изъ этого рода художественной литературы приобрѣлъ романъ извѣстной писательницы-пацифистки, Берты Фонъ-Зуттнеръ, „Долой Оружіе“.

И та и другая разновидности пасифистскаго течения, несмотря на многочисленныя препятствія, встрѣчающіяся на пути ихъ развитія, продолжаютъ существовать и привлекать къ себѣ вниманіе соответствующихъ сферъ. Пасифизмъ идейный располагаетъ сейчасъ не только значительнымъ количествомъ видныхъ и убѣжденныхъ сторонниковъ идеи всеобщаго мира, но и богатыми матеріальными ресурсами. Реальнымъ символомъ его является воздвигнутый въ Гаагѣ американскимъ милліардеромъ Карнеги „Дворецъ Мира“, идея котораго дала мысль нашему соотечественнику, Н. А. Шахову, обратиться къ Карнеги съ предложеніемъ создать еще одинъ памятникъ грядущаго объединенія людей всего земного шара въ мирномъ трудѣ— „Дворецъ Человѣчества“.

Пасифизмъ утилитарный, политическій, тоже, несмотря на массу неблагоприятныхъ условій, прокладываетъ себѣ понемногу новые и новые пути. Чрезвычайно характернымъ въ этомъ отношеніи является состоявшееся недавно въ Вашингтонѣ подписаніе договора между Россіей и Соединенными Штатами Сѣверной Америки, въ силу котораго „всѣ разногласія, которыя могутъ возникнуть между Императорскимъ русскимъ правительствомъ и правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ, какого бы рода они ни были если дипломатическія сношенія окажутся безуспѣшными, будутъ передаваться для разсмотрѣнія и составленія по сему предмету доклада постоянной международной комиссіи“, причемъ „высокія договаривающіяся стороны равнымъ образомъ условливаются не прибѣгать по отношенію другъ къ другу ни къ какимъ актамъ насилія въ теченіе разслѣдованія, къ которому приступитъ комиссія, и вплоть до составленія ею доклада“.

III.

Осуществимы ли, однако, идеи антимилитаризма сейчасъ, въ условіяхъ даннаго времени и существующихъ политико-экономическихъ отношеній?

Отвѣтъ, къ сожалѣнію, долженъ быть данъ отрицательный.

— Нѣтъ, неосуществимы.

Ни „война противъ войны“ съ оружіемъ въ рукахъ, ни мирное внѣдреніе въ общественное сознаніе идеи ненужности и жестокости войны не могутъ сейчасъ—черезъ пять, десять, двадцать, лѣтъ—привести къ окончательному торжеству идеи вѣчнаго мира и къ перековкѣ мечей на плуги.

Опытъ текущей войны показываетъ, что даже государства, стоящія на высочайшихъ вершинахъ человѣческой культуры и обладающія всѣми средствами къ тому, чтобы сумѣть разрѣшить свои спорные вопросы съ наибольшимъ приближеніемъ къ требованіямъ разума и гуманности, не могутъ избѣжать трагической необходимости, обнажая оружіе, возвращаться къ временамъ первобытнаго варварства.

Очевидно, есть что-то в самой „природѣ вещей“, въ самомъ строѣ современныхъ жизненныхъ отношеній, что сводитъ на нѣтъ всю значительность моральной культуры человѣчества и препятствуетъ даже „избраннымъ“ въ интеллектуальномъ смыслѣ народамъ придти наконецъ къ реальному осуществленію желанной и, въ концѣ концовъ, необходимой для человѣчества идеи всеобщаго мира.

Воинствующій антимилитаризмъ эрвеистическаго типа, заключающій въ себѣ противорѣчіе, внутреннее отрицаніе самого себя, уже сдался на капитуляцію передъ опасностью порабощенія одной культуры другою и тѣмъ обнарижилъ свое творческое безсиліе.

Пасифизмъ живетъ и дѣйствуетъ. Но его успѣхи развиваются съ такой медленностью, препятствія такъ часто сдвигаютъ его далеко въ сторону отъ намѣченнаго пути, что ни мы, ни наши внуки и правнуки, не увидимъ благодатнаго „мира всего міра“, если всѣ чаянія въ этомъ отношеніи мы возложимъ только на пасифизмъ.

Договоры о третейскомъ разбирательствѣ, подобные тому, какой заключенъ въ Вашингтонѣ между Россіей и Соединенными Штатами, имѣютъ извѣстное значеніе, и есть данныя предполагать, что такіе договоры съ теченіемъ времени будутъ находить себѣ все болѣе и болѣе частое примѣненіе.

Но не подлежитъ сомнѣнію, что такого рода договоры будутъ заключаться и—что, конечно, особенно важно—соблюдаться только такими государствами, интересы которыхъ, экономическіе или политическіе, никогда не могутъ придти въ острое столкновеніе вслѣдствіе естественнаго распредѣленія ихъ въ разныхъ „сферахъ вліянія“ (какъ, напр., у насъ съ Америкой). Что же касается государствъ съ непосредственно соприкасающимися интересами то единственнымъ средствомъ, которымъ они должны будутъ пытаться разрѣшить вопросъ о преобладаніи, было и останется только—война.

IV.

И все-таки, при всей неосуществимости идей антимилитаризма и пасифизма, борьба съ причиняемыми человѣчеству существованіемъ войнъ бѣдами возможна.

Только лежитъ она въ совершенно иной плоскости, чѣмъ думаютъ и антимилитаристы и пасифисты.

Уничтожить войны можно только направивши свою дѣятельность „въ корень вещей“, а не влагая ее въ однѣ попытки поверхностнаго противодѣйствія фактамъ существованія вооруженныхъ столкновеній между народами.

Войны происходятъ потому, что онѣ порождаются ненормальностями экономическаго строя жизни всѣхъ государствъ, создающаго *quand même*, съ фатальной неизбѣжностью, мотивы для враждебнаго соперничества и, слѣдовательно, для необходимости прибѣгать къ помощи оружія.

Борисъ Позэ.

БАРАБАНЫЙ ПЕРИОДЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

„Бей въ барабанъ, не робѣя!
Если сознанье всѣхъ странъ
Въ звеняхъ свирѣлаго змѣя,
Бей въ барабанъ!“

Такъ пишетъ теперь Бальмонтъ. Тотъ самый Бальмонтъ, который такъ недавно воспѣвалъ тропики, „Мардриды и Толедо“ и „Зеленые вертограды“. Теперь онъ забылъ о нихъ. „Бей въ барабанъ!“—требуешь онъ. И барабанщики бѣгутъ со всѣхъ сторонъ... Бросаютъ старыя междуособія, споры, сплетни... И вотъ уже барабанныя палочки выбиваютъ мелкую дробь... И дрожить и гулко трещить по всей Россіи: такъ-такъ, такъ-такъ-такъ...

* * *

Сидѣли наши писатели, какъ нѣкій Ремизовъ, на юмористическомъ памятникѣ, проекта Измайлова... Сидѣли и морщили лбы... А вокругъ по болотнымъ кочкамъ ихъ творчества, сидѣла и квакала „благодарная нечисть“: „Вертограды“, „Засахаре кры“ и прочая футуро-благодать... Судьба долго любовалась этой милой картиной, а затѣмъ, когда надоѣло смотрѣть, взяла увѣсистый булыжникъ и швырнула въ болото... И сразу разнесло болотный смрадъ, и разсѣялась, какъ дымъ, нечистая сила... Минуту-другую „Олимпъ“ пребывалъ въ молчаніи. Но мысли прояснились, и у боговъ всталъ вопросъ: „Братцы, да что же мы дѣлали?!“

А время шло... Вся Россія ошетибилась... По всѣмъ концамъ побѣжали воинскіе поѣзда; земцы стали ковать свою мощную организацію... Работа закипѣла. Загорячились газеты, засуетилось общество... Война звала всѣхъ, тянула къ себѣ, требовала... И всякій понесъ туда, что могъ:—свою жизнь, свою молодость, знанія, энергію, талантъ, деньги... Лучшіе люди ушли въ самый водоворотъ, въ кипень дѣла... Н. Н. Львовъ съ цѣлой ратью умѣлыхъ и способныхъ людей организовалъ богатое и хорошее дѣло...

Купринъ, Петровъ, Муйжель, Чириковъ, В. Брюсовъ, Н. Морозовъ, гр. Толстые уѣхали на передовыя позиціи... А тѣ, что остались, не остались безъ

прикосновенія къ войнѣ... Даже отвлеченный эстетъ Бальмонтъ взялся за „барабанъ“, даже Гиппиусъ стала читать о войнѣ лекціи... Старыя перья выпали изъ рукъ... Руки взяли барабанныя палочки... И барабанная дробь рочущая, трепещущая, нервная разлилась по Россіи отъ края до края.

* * *

Война, война и война!.. Русскія народныя былины говорятъ о войнѣ германцы въ „Кольцѣ Нибелунговъ“ восхваляютъ войну... Французы славятъ, ее въ „Пѣсни о Роландѣ“... Толстой тратитъ на, *Войну* и *Миръ*“ лучшія силы своего гения... Гейне посвящаетъ лучшее свое стихотвореніе Наполеону... Уэльсъ наполняетъ все будущее человѣчества кровавыми кошмарами... Гаршинъ, обливаясь кровью, пишетъ „Четыре дня“... Гюго, Гоголь, Шиллеръ Гомеръ—всѣ отмѣчены печатью Марса...

И на протяженіи долгихъ вѣковъ барабанъ то тяжело вздрагиваетъ и гудитъ, то рассыпается мелкой переливчатой трелью...

* * *

Есть одна остроумная карриатура. Вильгельмъ, сидя за роялемъ, вдохновенно импровизируетъ... И, послѣ каждаго удара по клавишамъ, изъ подъ его руки выпрыгиваютъ цѣлыми тучами какія-то точки... Онѣ уходятъ и даютъ мѣсто тысячамъ новыхъ, а сами становятся все яснѣе, опредѣленнѣе и, вотъ—вы уже видите грозныя полчища: бравые солдаты—молодецъ къ молодцу—съ увлеченіемъ маршируютъ и уходятъ въ даль, которая уже вся чернѣетъ солдатами, словно тамъ тучи саранчи... Теперь за рояль русской литературы усѣлась сама война; и такъ-же густыми рядами строятся около и уходятъ въ даль, но уже не солдаты, а книги, книги и книги... И на всѣхъ на нихъ война, война и война... О войнѣ пишутъ и Бальмонтъ и Л. Андреевъ, Сологубъ, Шмелевъ, гр. Алексѣй Н. Толстой, Я Окуневъ и Борисъ Лазаревскій и много, много другихъ... Всѣ они на разный манеръ подходятъ къ войнѣ и съ разныхъ сторонъ. Одни описываютъ самую войну, другіе обычную жизнь, но въ связи съ войной. Пишутъ по разному; одни реально описываютъ, ограничиваясь лишь передачей фактовъ; другіе вкладываютъ свое, думаютъ, переживаютъ, рѣшаютъ разные вопросы...

Вотъ новая книга гр. А. Н. Толстого—„На войнѣ“. Авторъ даетъ рядъ картинъ современной войны и того, что такъ или иначе съ нею соприкасается: похороны летчика Нестерова, санитарный поѣздъ земскаго союза—вотъ его темы... Пишетъ коротко, сжато, иногда разсуждая, но нигдѣ не чувствуя и не изображая того, что переживаютъ люди.—„Спѣша подняться, онъ (Нестеровъ) не привязываетъ себя ремнями къ сидѣнью, отъ страшнаго удара самъ получаетъ рѣзкій толчекъ, подлетаетъ, падаетъ вновь на сидѣнье, у него ломается спинной хребетъ, смерть наступаетъ мгновенно.“—Спинной хребетъ,

переломился и кончено: читатель узналъ причину смерти и довольно съ него. О психикѣ, переживаніяхъ не стоитъ толковать...

Дальше въ этомъ же родѣ: ни образовъ, ни психологи... Рядъ очерковъ, набросковъ, эскизовъ, добросовѣстныхъ и хорошо, умѣло и интересно сдѣланныхъ. Но хорошихъ для корреспондента, репортера, а не для художника, который уже нѣчто создалъ, который показалъ, что онъ умѣетъ творить.

И пріятно послѣ нашумѣвшаго А. Н. Толстого почитать скромнаго Я. Окунева. Книга послѣдняго „На передовыхъ позиціяхъ“ полна интереса. Написана она тепло, съ чутъемъ и художественнымъ пониманіемъ. Образы Окунева живые и яркіе. Описывая полетъ, снарядовъ, онъ говоритъ: „словно спичкой чиркнулъ кто-то по темному, почти черному своду, и вспыхивала она, проводя рѣзкую фосфорическую полосу свѣта отъ края до края неба“... Окуневъ переживаетъ все самъ; заглядываетъ въ человѣческую душу и показываетъ, что дѣлается тамъ. Описываетъ, какъ идутъ въ атаку, какъ умираютъ, что чувствуютъ и переживаютъ люди... Нарисовавъ сцену одной атаки, во время которой солдаты пѣли „Спаси Господи люди Твоя“, онъ добавляетъ: „одно сердце, а не тысячи сердецъ, бьется, бьется во всѣхъ насъ и оттого, что тысячи людей внезапнымъ чудомъ превратились въ одно тысячеголовое существо, стремящееся въ бой, нѣтъ ни страха, ни ужаса въ насъ“. Эта фраза— отвѣтъ на живой, интересный вопросъ. И такихъ отвѣтовъ у Окунева много. Но главное у него— живые люди, типы, съ ихъ привычками, рѣчью, чувствованіями, взглядами: бой—кровавая „страда“, штыковая атака—„работа“... Вообще книга Окунева—живое слово, художественная картина и производить большое впечатлѣніе. И впечатлѣніе это усиливается, когда сличаешь ее хотя-бы съ послѣднимъ рассказомъ Ф. Сологуба „Возвращеніе“. Здѣсь изображается уже не война, а обыденная жизнь. Но въ рассказѣ отводится много мѣста вліянію войны. Авторъ сумѣлъ афишировать его трескучимъ началомъ:

— „Перемышль взяли!“—звонко объявляетъ онъ вмѣстѣ съ своей героиней. Но герой не понимаетъ и не сочувствуетъ героинѣ. Онъ—заядлый германофилъ; германское ставитъ въ примѣръ, уважаетъ и чтитъ, а все русское презираетъ. На радостное восклицаніе Ирины (героиня) онъ „глянулъ сердито“ и „кисло усмѣхнулся“. Ирина вдругъ съ ужасомъ открываетъ, какая пропасть лежитъ между ихъ взглядами и чувствованіями. Въ ней уже раньше началось недовольство имъ. Теперь она рѣшаетъ, что не стоитъ больше оставаться съ этимъ человѣкомъ, ради котораго она бросила своихъ дѣтей и мужа. Героиня покидаетъ героя и возвращается къ дѣтямъ и мужу.

Рассказъ поражаетъ своей натянутостью и нудностью. Кромѣ фабулы въ немъ нѣтъ ничего. Перемышль притянуть за волосы. Видимо, авторъ и себя тянулъ за волосы, когда писалъ свой рассказъ. Вспомнишь послѣ этого

Окунева—и еще больше поблагодаришь его и почувствуешь всю его простоту и искренность.

Но все-же сравнивать Сологуба съ Окуневымъ нельзя: разныя у нихъ темы. Для яркаго и вѣрнаго сравненья нуженъ беллетристъ, тоже изображающій обыденную жизнь. И для этого мы упомянемъ о послѣднемъ разсказѣ И. Шмелева „Слѣпые“. Дѣйствующія лица разсказа: мужики—возчики, приказчикъ, хозяинъ чайной, странникъ, слѣпые. Сидятъ они за чаемъ и мирно, не торопясь бесѣдуютъ. Толкуютъ о прилетѣ птицъ, о иконѣ, о снѣгахъ, Медленно, но внимательно обсуждаютъ разные вопросы... Собесѣдники сдержаны, скупы на слова и кажутся равнодушными, спокойными и суровыми. Но авторъ умѣетъ проникнуть къ нимъ въ душу и показать спрятанное и затаенное. Въ кругъ бесѣдующихъ вступаетъ солдатъ. Разговоръ заходитъ о войнѣ. И попрежнему все спокойно: собесѣдники и о войнѣ говорятъ такъ же, какъ до этого о снѣгахъ, о лисицѣ. Но вотъ слѣпой мальчикъ, внимательно слушавшій солдата и ничѣмъ до этого не обнаружившій своего волненія, вдругъ заплакалъ и забился... Вотъ „приказчикъ отодвинулся—дрожала въ его рукѣ папироска“. Нѣтъ у этихъ простыхъ людей ни горячихъ рѣчей, ни громкихъ фразъ и болтовни... Они умѣютъ страдать молча, они сдержаны, но они много переживаютъ и чувствуютъ... И авторъ своимъ тонкимъ художественнымъ чутьемъ понялъ это и талантливо показалъ намъ... И хотя авторъ въ своемъ разсказѣ упомянулъ о войнѣ вскользь и какъ-бы мимоходомъ, читатель послѣ разсказа Шмелева все-же задумается и задумается именно о войнѣ, а задумавшись и подумавъ, уже не скоро забудетъ „Слѣпыхъ“.

* * *

Въ разсказахъ Б. Лазаревскаго, написавшаго ихъ цѣлую книгу („Во время войны“), отводится большое мѣсто случайному. Оно играетъ важную, а часто и рѣшающую роль въ жизни его героевъ... Странныя, необъяснимыя совпаденія, предчувствія, кошмарно-реальные сны,— открывающіе таинственную завѣсу будущаго... На этомъ онъ строитъ свои картины, вышиваетъ узоры... И въ этомъ много тонкаго пониманія и художественнаго чутья... Странное, таинственное, загадочное... оно всегда имѣло мѣсто въ жизни нервныхъ и нервничающихъ людей... Теперь же, въ атмосферѣ всеобщей нервозности и напряженности, мысль, безсильная разсуждать здраво и трезво, мысль суетливая и безпокойная, естественно уходитъ въ область подсознательнаго, гдѣ есть гаданія, но нѣтъ голой и неумолимой правды... И потому это загадочное, мрачное и таинственное, этотъ „воронъ“ изъ поэмы Эдгара По, необходимо психологически, правдиво и реально.

Таинственный элементъ не только въ психикѣ *героевъ* Лазаревскаго. Въ

книгъ Лазаревскаго онъ встрѣчается до такой степени часто, на каждомъ шагу, такъ плотно окружаетъ васъ, что не остается никакого сомнѣнiя относительно взглядовъ автора. Это его личный взглядъ, его собственное чувство-
ствование

Среди рассказовъ Лазаревскаго есть слабые, но въ цѣломъ книга оставляетъ хорошее впечатлѣнiе. Есть неудавшiяся вещи, но зато есть рассказъ „Часы“, на которомъ видна большая и серьезная забота.

* * *

Война, война и война!.. Писатели художники, тонкие наблюдатели жизни и фотографы, писатели большие и маленькие... „всѣ побывали тутъ“, всѣ хотятъ сказать свое слово... И уже сказано кое-что; еще неуверенно, не ясно, не совѣтъ ново, но все же сказано. Не такъ велико то, что сказано, но по нему видно, что уже начали думать люди, что они будутъ думать, что они волнуются, чувствуютъ, живутъ... Пусть же наши художники крѣпче задумаются и сильнѣй переболѣютъ, пусть острѣй перечувствуютъ и перестрадаютъ... Они должны страдать, они должны мучиться!..

Живая земля около нихъ;

Такъ бейте же въ барабаны!.. Бейте смѣлѣе зорю русскаго возрожденiя.

Борисъ Позъ.

Ив. Липаевъ.

МУЗЫКА и ВОЙНА.

Война и музыка! Музыка и война! Матерія и духъ, стихи и проза. Что между ними общаго, что способно оказать вліяніе одного на другое? Музы, кальная эстетика, стремящаяся къ обработкѣ безпримѣсности въ музыкѣ меньше всего говорила о нѣкоторыхъ неразлучныхъ съ этимъ искусствомъ элементахъ войны. До настоящихъ дней съ древнихъ временъ, отъ Пифагора и Аристоксена, отъ Ганслика и Амброса музыка дѣлилась на искусство динамики и психики. И между той и другой не было примиренія. То, что мы теперь видимъ, или, вѣрнѣе, слышимъ у Дебюси, Скрябина или Стравинскаго, начинаетъ раздвигать новыя перспективы: именно—„соборности“, по выраженію Вячеслава Иванова, воздѣйствія музыки на человѣка, гдѣ духъ и матерія, форма и идеологія, идеологія въ смыслѣ содержанія, становятся самодовлѣющими. На всемъ протяженіи не затронуть лишь вопросъ—въ какомъ отношеніи находилась музыка къ войнѣ?

Углубляясь однако въ далекое прошлое этого искусства, мы замѣчаемъ, что оно во многихъ случаяхъ имѣло попытку быть выразителемъ душевныхъ настроеній воиновъ, полководцевъ и сопровождало обычаи, связанные съ военнымъ культомъ. Правда, музыка играла здѣсь прилагательную роль, но безъ нея все же не обходилось воинственно выступавшее на арену жизни человечество. Въ этомъ случаѣ музыка переживала, прежде всего, динамическую, чисто звуковую стадію своего состоянія, связаннаго съ простыми видами ритма. У египтянъ, напр., она несла служебную роль при встрѣчѣ воиновъ съ поля брани, у народностей совершенно некультурныхъ, у полинезийцевъ, напр., она сопровождала военныя пляски, и ея мѣрный ритмъ вообще уравнивалъ движеніе впередъ войскъ различныхъ народовъ. Трубныя фанфары, сигналы рожковъ, барабанный бой—вотъ на первыхъ порахъ мѣры воздѣйствія на воиновъ первыхъ временъ человечества.

Однако и въ этихъ начальныхъ элементахъ кроется возбуждательное нѣчто, присущее музыкѣ. Сигналы и бой барабановъ уже въ отдаленныя

времена дѣйствовали воодушевляюще на военную массу, уже тогда при звукахъ трубъ и барабанной трескотнѣ воины вдохновенно бросались на врага и съ помощью сигналовъ строились въ правильные, условленные ряды такъ же, какъ это мы видимъ и въ наши дни. Теорія Бюхера о воздѣйствіи ритма на работу подтверждается такимъ образомъ какъ бы сама собою.

И какъ только была пережита первоначальная стадія примѣненія музыки въ войнѣ и военныхъ церемоніяхъ, она неминуемо пошла еще дальше въ своемъ служеніи политикѣ „крови и желѣза“, стала служить своего рода спайкой воинствующихъ массъ. Я говорю о „военныхъ“ маршахъ и военныхъ гимнахъ, дѣлавшихся впослѣдствіи народными. Въ военномъ маршѣ цѣнился всегда ритмъ и мелодія, такъ какъ первый вселялъ въ волю воина чувство правильнаго движенія, облегчающаго походъ, вторая служила вдохновительницей воина на героическій подвигъ. Каждому полку, выдающемуся вождю, принадлежалъ свой маршъ; всякій воинъ зналъ, что подъ звуки своего марша онъ долженъ пустить кровь врага и пролить собственную. Тоже мы видимъ и въ настоящей войнѣ: французы часто идутъ въ бой подъ „Марсельезу“ де—Лилля, написанную маршеобразно, англичане играютъ „God save the King“.

Марши переходятъ въ гимны, гдѣ, помимо самой музыки, большое значеніе имѣетъ еще и текстъ, слово, какъ выразители думъ націи. Вышедшая на дняхъ книжка Ник. Бернштейна „Исторія національныхъ гимновъ воюющихъ державъ“ и обзоръ происхожденія народныхъ гимновъ въ статьѣ Ю. Ангеля, ясно показываютъ, что прежде всего хотѣлось имѣть въ виду творцамъ гимновъ—слить музыку съ поэзіей, придать и той и другой равное значеніе въ жизни народа, государства или въ дѣйствіяхъ воиновъ на поляхъ битвъ. Вы знаете стереотипное выраженіе съ героическимъ оттѣнкомъ: „и полкъ ринулся въ бой подъ музыку“. Это значитъ—подъ звуки народнаго гимна, подъ текстъ, какъ-бы предписывающій воину свою отдать кровь за народъ свой, и создается боевое настроеніе. И дѣйствительно, воздѣйствіе гимновъ настолько велико въ схваткахъ на войнѣ, что исполненіе ихъ допускается лишь въ рѣшительныхъ моментахъ, когда военный оркестръ идетъ сзади, или впереди полка, какъ это было въ минувшую японскую войну, дабы гимнъ былъ слышенъ всѣмъ и каждому.

Въ концѣ концовъ фанфары-ли первобытныхъ народовъ, марши-ли, гимны-ли народовъ болѣе близкихъ намъ эпохъ, все это есть своего рода попытка, перешедшая впослѣдствіи на самостоятельный путь, изложить обуревавшія чело вѣчество чувства въ звукахъ и соотвѣтствующихъ формахъ. Дальше этого „военная“ музыка не рискнула пойти въ своемъ развитіи до XIV столѣтія, расширивъ границы только съ началомъ XVIII ст. Раньше она слагалась подъ воздѣйствіемъ, выражаясь языкомъ философіи, чувства безсознательнаго, и

только чувства, пока, наконецъ, не выступилъ на новый путь цѣлый рядъ музыкальныхъ творцовъ.

II.

Внѣшнее проявленіе войнъ затронуло художниковъ-музыкантовъ своими отзвуками со стороны одной только уподобляемости, тому, что мы видѣли въ прошломъ. Ихъ подкупали или темпы марша и ихъ бодрый импульсъ, напр. въ „военномъ маршѣ“ изъ „Алжирской“ сюиты французскаго композитора Сенъ-Санса, въ „военномъ маршѣ“ нѣмца Фр. Шуберта, въ „Славянскомъ маршѣ“ нашего Чайковскаго, „маршъ-фантазіи на солдатскія пѣсни“ С. Василенко, или отдѣльныя отраженія битвъ съ присущими имъ звуковыраженіями, напр. въ антрактѣ оперы Римскаго-Корсакова „Сказаніе о градѣ Китежѣ“, идущемъ подъ названіемъ „Сѣча при Керженцѣ“, въ боѣ Руслана съ Черноморомъ у Глинки въ его „Русланъ и Людмила“, въ сценѣ уличной рѣзни въ „Гугенотахъ“ Мейербера и въ вооруженномъ соперничествѣ Монтекки и Капулетти въ „Ромео и Джульеттѣ“ Чайковскаго. Здѣсь музыка является или въ качествѣ зажигательнаго элемента страстей человѣка или въ качествѣ психически—возбудительнаго средства къ движенію, претворенному въ художественную форму. Композиторы то рисуютъ себѣ картины битвы въ прошломъ, напр. Римскій-Корсаковъ въ своей оперѣ, то находятся подъ воздействием политическихъ событій: Чайковскій несетъ дань гражданина въ Русско-Турецкую войну за освобожденіе Болгаріи, Сенъ-Сансъ увлекается походомъ французовъ въ Алжирь. Отъ того ихъ формальная музыка, написанная, если можно такъ выразиться, по планамъ учебниковъ, имѣетъ и нѣкоторую условную „картинность“ и вызываетъ нѣкоторое условное представленіе о томъ, что способно было двинуть автора на творчество, подъ какимъ душевнымъ порывомъ онъ находился въ моментъ написанія своего произведенія. Съ хорошимъ тематическимъ матеріаломъ, блестяще инструментованныя, сочиненія такого рода, исключая „Сѣчу“, Римскаго-Корсакова, въ большинствѣ случаевъ являются сочиненіями на случай, точно отвѣтомъ на классную задачу, какъ это было у контрапунктистовъ Гомбера и Жанпекена „додумавшихся въ своихъ многоголосныхъ сочиненіяхъ дать звукоподражательныя картины битвы французовъ и швейцарцевъ“. Это, по замѣчанію Мих. Иванова-Борецкаго, были едва-ли на первые пионеры свободно трактованной „военной“ композиторской музыки въ Европѣ.

Расширеніе границъ такой музыки, а пожалуй и ея углубленіе, мы встречаемъ въ дальнѣйшемъ въ симфоническихъ формахъ. Раньше всего плѣнялся перспективой написать подобную симфонію Іосифъ Гайднъ, этотъ классикъ чистой воды, давшій намъ „Военную симфонію“. Собственно военнаго въ ней очень мало: война здѣсь ни болѣе ни менѣе какъ больше одно названіе, она тутъ — лепетъ человѣка, настроеннаго самымъ мирнымъ образомъ, какъ вообще былъ настроенъ въ своихъ твореніяхъ одинъ изъ представителей

вѣка парика : косички. Но вліяніе Гайдна не осталось зато безъ послѣдствій: неоромантикъ Фр. Листъ, создатель формы симфонической поэмы, пишетъ „Битву Гунновъ“, добавляя, что пишетъ ее по картинѣ художника Каульбаха, а раньше него выступаетъ и Бетховенъ съ своей „Битвой при Ватерлоо“. Однако, какъ ни заманчивы были перспективы для обоихъ авторовъ, творчество ихъ все же сводилось только къ передачѣ слушателю однихъ внѣшнихъ данныхъ битвъ. Оба сочиненія больше расписаны на инструменты внушительнаго количества, нежели съ цѣлью выразить ими смыслъ самой музыки. Вотъ почему, можетъ быть, „битвы“ обоихъ композиторовъ исполняются весьма рѣдко, и о нихъ говорятъ, какъ о произведеніяхъ „между прочимъ“ въ спискѣ Листа и Бетховена. Я едва-ли ошибусь, если скажу, что по тѣмъ же причинамъ слабо воспринимается и торжественная увертюра „1812 годъ“ Чайковскаго, несмотря на имѣющіяся въ ея партитурѣ патетическія мѣста. Лубочная картина—вотъ преобладающій отзывъ объ увертюрѣ Чайковскаго, и не больше того.

Такимъ образомъ, даже въ произведеніяхъ міровыхъ гениевъ мы больше всего встрѣчаемся съ одними лишь внѣшними сторонами „изображенія войны въ музыкѣ“. Не мудрено послѣ этого, если и новѣйшія проблемы остались по ту сторону въ вопросѣ разрѣшенія задачъ „военной музыки“,—все въ томъ положеніи, что и раньше. Эстетическія проблемы нашихъ дней, наоборотъ, еще сильнѣе затемнены манифестами футуръ-музыкантовъ.

III.

Вы знаете эти крики: „Да здравствуетъ война! Прославимъ войну!“ Они раздались впервые въ Миланѣ, въ 1910 году, изъ устъ представителя футуристовъ Маринетти и эхомъ отдались въ манифестѣ футуристовъ-музыкантовъ Прателла и Руссоло. Оба они, желая создать футуристскую музыку, главнымъ образомъ имѣютъ въ виду воспользоваться новыми для нея ресурсами, даваемыми войною. Она должна освѣжить музыку, влить въ нее силу. За отправную точку ихъ понятій о музыкѣ, долженствующей воспѣвать войну, служитъ поэма Маринетти описывающая битву подъ Адрианополемъ. Для этой поэмы оказался необходимъ „оркестръ большой битвы“. Вотъ нѣкоторыя мѣста поэмы, отъ которыхъ вдохновились футуристскіе музыканты. „1, 2, 3, 4, 5 секундъ осадныя пушки потрошить молчаніе аккордомъ тамъ-тумбъ... Въ центрѣ этихъ сплюснутыхъ тамъ-тумбъ охватывать 50 квадратныхъ километровъ прыгать 2, 3, 6, 8 взрывы дубины тумакі. отважныя дѣла батареи... Я не чувствую больше моихъ окоченѣвшихъ ногъ, запахъ плѣсени, гниль гонги флейты колокольчики свирѣли всюду вверху внизу птицы чирикаютъ блаженство тѣни зелень ципъ-ципъ зипъ-зипъ стада пастбища дингъ-дингъ-дингъ-дингъ-бэээ оркестръ... Сумасшедшіе колотятъ во всю мочь профессоровъ оркестра эти послѣдніе битые битые играть играть играть“...

Казалось-бы, этот непослѣдовательный матеріаль, всецѣло исходящій только изъ одного динамизма, набора словъ, могъ-бы улечься въ нѣчто болѣе или менѣе иллюстрированное звуками. Но футуръ-музыканты мыслятъ на оборотъ. Шумъ, физическій звукъ они хотятъ запечатлѣть всячески на особо сдѣланныхъ инструментахъ и этимъ ограничить свое „творчество“. Они такъ и говорятъ въ одномъ изъ манифестовъ: „Мы желаемъ превратить въ музыку и регулировать гармонически и ритмически эти весьма разнообразныя шумы“. Они въ концѣ концовъ преподносятъ намъ „искусство шумовъ“, классифицируя ихъ на шесть самостоятельныхъ отдѣловъ: 1) грохоты, взрывы, шумъ падающей воды, плескъ нырка, ревы; 2) свистки, пыхтѣніе, сопѣніе; 3) ропоты, бормотанье, шорохи, ворчанье, хрюканье, бульканье; 4) шипы, трески, жужжанья, хлопанья, топоты; 5) шумы ударовъ ло металлу, дереву, кожѣ, камнямъ, глинѣ и пр.; 6) голоса людей и животныхъ; крики, стоны, вой, смѣхъ, хрипъ, рыданія. Предѣльная цифра шумовъ—тридцать пять тысячъ, а оркестръ Руссоло, которымъ онъ дирижировалъ 11 марта 1913 г. въ залѣ Краснаго Дома, въ Миланѣ состоялъ изъ 3 жужжателей, 2 взрывателей, 1 громохателя, 3 свистуновъ, 2 шуршателей, 2 булькателей, 1 трещателя, 1 скрипуна, 1 хрипуна. Но такой оркестръ именно и подписалъ смертный приговоръ футуристамъ „воспѣвателямъ войны“: ихъ инструменты не могли и приблизительно даже выразить внѣшняго проявленія войны, такъ какъ шумъ остался шумомъ, а звукъ—только пустымъ звукомъ. Футуризмъ окончательно скомпрометтировалъ эстетическую идею своихъ „военно-музыкальных“ мечтаній.

IV.

Въ большинствѣ своемъ, музыканты шли далеко не правильнымъ путемъ въ музыкальныхъ проблемахъ отраженія войны. Брать объектомъ своего творчества шумы войны, ея частичныя проявленія и техническія средства братоубійства, было едва-ли не одной изъ самыхъ величайшихъ ошибокъ. Они забывали героя, человѣка, его страданія, потухающіе взоры умиравшаго на поляхъ, ту тоску, отчаяніе, которыя точно висятъ надъ полями смерти. „И адъ, и смерть со всѣхъ сторонъ“, по выруженію Пушкина, оставались чуждыми имъ.

Обычно и безпредѣльно поэтому значеніе Бетховена, оставившаго міру двѣ симфоніи, въ которыхъ слышится человѣкъ прежде всего. Я говорю о его третьей, такъ называемой „героической“ симфоніи, и о седьмой. Образъ республиканца Наполеона когда-то охватилъ существо Бетховена, и онъ не даромъ окрестилъ сначала свою третью симфонію „Наполеонъ“. Онъ воспѣлъ въ ней побѣдоносный духъ великаго полководца, сбросившаго въ бездну монархизмъ Франціи ради торжества народныхъ правъ. Онъ взялъ человѣка-генія, внялъ его счастью и тоскѣ по идеаламъ, но... когда тотъ-же Наполеонъ возложилъ на свою голову корону императора, Бетховенъ гнѣвно зачеркнулъ

название симфонии „Наполеонъ“ и поставилъ другое: „Героическая симфонія“, другими словами, своею волею низложилъ новоявленного императора и восстановилъ очаровательный обликъ героя вообще. И съ тѣхъ поръ его музыка дѣйствительно поетъ славу человѣку свободы, приносящему счастье народу. Даже болѣе того, въ седьмой симфоніи, впервые сыгранной въ періодъ, всемірной вѣнской конференціи, обсуждавшей положеніе европейскихъ народовъ послѣ ссылки Наполеона на островъ Эльбу, онъ ликуетъ во всѣхъ частяхъ и зажигается порывомъ радости по поводу избавленія отъ одного изъ гениальныхъ милитаристовъ деспотовъ, отъ котораго стонали народы.

Вотъ, мнѣ кажется, что предстоитъ музыкантамъ нашего времени взять въ творчествѣ: ликъ человѣка—героя, его душу со всѣми тончайшими изгибами, какъ это мы видимъ въ балладѣ Истмана (Два гренадера), Мусоргскаго (Забытый). Именно человѣкъ—главное въ войнѣ, именно онъ былъ всегда забытъ въ творчествѣ. Прошлое изжито, улеглось въ свои границы и дальше не пойдетъ. Симфонія войны—самъ человѣкъ. Глубина чувствъ, музыкальныхъ переживаній, звуковыя измышленія, оболочка звуковыхъ идей—все въ немъ и ради него. Война ждетъ своего музыкальнаго гения. Онъ растетъ въ ея нѣдрахъ, страданіяхъ, торжественныхъ подъемахъ. Звѣзда гения обнуживаетъ новые міры въ музыкѣ, и расскажетъ, выразитъ то, о чемъ мы лишь смутно теперь догадываемся. Такая музыка способна будетъ открывать предъ нами чувства, ради которыхъ мы, можетъ быть, не разъ станемъ напоминать будущимъ поколѣніямъ о необходимости сохранять вѣчный миръ и все больше и больше отстранять всякую мысль о попыткахъ вызывать ужасныя мученія тѣхъ, кто идетъ теперь умирать за братьевъ своихъ. Только тогда музыка очиститъ наше сердце и властно заставитъ крикнуть: довольно крови братъ мой, возлюбленный братъ—кто бы ты ни былъ!..

Ив. Липаевъ.

С. Полтавскій.

„ТѢНЬ, НЕСОЗДАННЫХЪ СОЗДАНИЙ“

(Война и поэзія).

Цвѣты умрутъ,
Но не умретъ память о нихъ,
А памяти дана
Власть воскрешать изъ мертвыхъ.

(Изъ „Золотой легенды“ Лонгфелло).

1.

Тамъ, гдѣ есть подъемъ, всегда рядомъ есть и паденіе. Чѣмъ выше вскидываются волны, тѣмъ глубже провалы, изъ которыхъ онѣ рождаются и въ которыя—заполняя—уходятъ.

Человѣкъ живетъ подѣ властью одного съ природою рока.

Несмотря на свой дуализмъ, отвергаемый философій и наукой, но уропно имъ ощущаемый, онъ все-же не можетъ раздвоиться въ разныхъ направленіяхъ и быть въ каждомъ изъ нихъ существомъ цѣльной напряженности, одинаково дѣйственнымъ, одинаково поднятымъ на высоты и насыщеннымъ всей полнотою силъ, какая ему доступна.

Война и рожденная ею „воля къ побѣдѣ“ отняли у насъ если не всѣ, то почти всѣ силы нашего духа. Борьбѣ въ одномъ мѣстѣ и залѣчивать въ другомъ стало главнымъ содержаніемъ нашей жизни. И передъ неумолимостью этого новаго, временнаго, но желѣзнаго закона сравнялись всѣ: и рожденные для земли съ ея будничными и сѣрыми дѣлами и рожденные „для вдохновеній, для звуковъ сладкихъ и молитвъ“.

2.

Поэзія умерла.

Когда говорятъ пушки, звукамъ поэтической лиры трудно пересилить ихъ ревъ, и они умолкаютъ.

Происходящія событія такъ сильно захватили всѣхъ—въ томъ числѣ и поэтовъ—что отвлеченному, „чистому“ творчеству какъ-то совсѣмъ не осталось мѣста ни индивидуально, въ душѣ, ни общественно, въ литературѣ.

Если и уцѣлѣло еще художественное творчество an und fur sich, то оно скромно таится между крикливыми строчками боевых злобъ дня и стѣсняется выйти впередъ и занять, какъ прежде, первое мѣсто на страницахъ газетъ, журналовъ и книгъ. Оно теперь „не у власти“ и потому мало замѣтно и прячется.

Справедливость требуетъ сказать, что изъ поэтовъ не умеръ никто. Всѣ они не только живы, но такъ-же, какъ и встарь, пишутъ стихи, и публика ихъ читаетъ.

Внѣшне ничто не измѣнилось. На страницахъ газетъ и журналовъ встрѣютъ все тѣ же знакомыя имена: Бальмонтъ, Брюсовъ, Сологубъ, Вячеславъ Ивановъ, Блокъ. Каждое имя—школа. И всѣ эти школы создаютъ десятки и сотни стихотвореній, не уменьшаясь въ производительности, по сравнению съ прежнимъ, ни на юту.

И все таки—поэзія умерла...

3.

Прежде всего, она стала „служанкой злободневности“.

И не въ этомъ, собственно, отравившій ее ядъ. Тѣ вопросы, которыми жило поэтическое творчество раньше, тоже, вѣдь, были въ той или иной степени „злободневными“: они тоже не стояли внѣ жизни, а были тѣсно связаны съ ней—и даже, на примѣръ, такой „грэзеръ“ и эстетъ, какъ Игорь Сѣверянинъ, воспѣвавшій фантастическую „властелиншу планеты голубыхъ антилопъ“ и „нарумяненную Нэлли“, былъ отраженіемъ полосы русской жизни, опредѣленно и до злободневности реально отслоившейся на поверхности нашей общественности.

Если даже творчество Сѣверянина было настоящимъ, живымъ и цѣннымъ поэтическимъ творчествомъ, то почему-же поэзія нашихъ дней, такая чуткая къ вѣяніямъ жизни и насыщенная ими, является мертвой и даетъ намъ въ произведеніяхъ ее творцовъ рядъ блѣдныхъ и холодныхъ формъ, не наполненныхъ высокимъ художественнымъ содержаніемъ?

Въ грубой и приблизительной схемѣ отвѣтить на этотъ вопросъ можно было-бы такъ. Злободневность дней минувшихъ была длительная и спокойная. „Бытовые явленія“ жизни не мелькали тогда, какъ фигуры на синемаграфическомъ экранѣ, а вплетались въ дѣйствительность ровно и тягуче, и наблюдающій умъ поэта всегда могъ успѣть впитать ихъ въ себя, обобщить и установить перспективу въ оцѣнкахъ своихъ и творческихъ ощущеніяхъ. Оттого все, что онъ создавалъ, имѣло возможность быть значительнымъ.

Для этого на лицо было главное условіе: жизнь была какъ поле, и обнять ее можно было широко и неторопливо.

4.

Теперь—кругомъ волны.

Поднимаются и падаютъ. Не успѣешь схватить глазомъ очертанія од-

ной, какъ на ея мѣстѣ вырастаетъ другая. Настроения такъ приподняты и перемѣнчивы, что, наблюдая ихъ со стороны, успеваешь запечатлѣть въ себѣ только ихъ формы, а содержаніе, какъ пѣна на верхушкѣ волны, срывается вѣтромъ и распыляется, потому что кипѣнія души неустойчивы и быстро смѣняются другъ друга.

Понятно, что отдавая свое творчество такой злободневности, поэзія ничего не можетъ—не успѣваетъ—схватить въ ней, кромѣ формы, вѣрнѣе—безформенности.

Оттого такъ легко теряется теперь различіе между поэтомъ съ дарованіемъ и поэтомъ безъ дарованія и оттого „король стиха“ Сологубъ, уподобляясь безвѣстному чернорабочему отъ поэзіи, какому нибудь Исидору Птичкину изъ Сердобска, начинаетъ писать:

И громъ побѣды, и голосъ славы,
И возвращеніе твое, весна.
Пути предъ нами, я вѣрю, правы,
И даль предъ нами ясна, ясна.

(Ф. Сологубъ, „Пасха новая“).

5.

Но что же все-таки отражаетъ въ себѣ поэзія нашихъ дней?

У нея должно быть лицо, хотя-бы и блѣдное и чахлое. Даже у покойниковъ есть свое лицо, и черты его всегда говорятъ о значительномъ и глубокомъ.

Лежить-ли такая-же печать на чертахъ современной поэзіи?

Да.

За безцвѣтными формами, за мертвыми строфами теперешнихъ поэтовъ кроются несмѣлая отраженія живыхъ и глубокихъ различій.

И тамъ, гдѣ читатель подходитъ къ этимъ различіямъ, онъ ощущаетъ легкій трепетъ жизни, видитъ какъ-бы тѣнь грядущихъ полноцѣнныхъ поэтическихъ созданій, которыя еще не созданы, то есть не вошли опредѣленнымъ строемъ мыслей и образовъ въ творчество поэтовъ, но уже слагаются гдѣ-то за его предѣлами и вплетаются въ него отраженными, пока еще тонкими и мало замѣтными штрихами.

Мертвое лицо поэзіи является такимъ образомъ лицомъ Лазаря, который воскреснетъ, какъ только услышитъ слово, зовущее къ жизни.

6.

Любопытно отмѣтить одну черту современной поэтической литературы, посвященной войнѣ.

Въ ней съ гораздо большей ясностью, чѣмъ прежде, выражены два противоположныхъ начала: „мужское“ и „женское“.

Раньше въ трактовку той или иной темы и поэтами и поэтессами вносился элементъ „общечеловѣческій“. Были особенности въ манерѣ, въ музыкѣ стиха, была—какъ у Маріэтты Шагинянъ—своя, неповторимая лирика чувства, но все-же лицо женщины не было очерчено поэзіей вполнѣ, а мужчина былъ гораздо чаще чело в ѣ ком ѣ, чѣмъ мужчиной.

Теперь стерлись краски отвлеченной общечеловѣчности, и сквозь поблѣднѣвшую ткань поэтической формы яснѣе стало просвѣчивать биологическое: два разныхъ инстинкта, которыми различила природа женщину и мужчину.

Инстинктъ сохраненія—и инстинктъ порыва и совершенствованія, хотя бы черезъ кровь и смерть...

7.

Теперь оба новыя русла нашей поэзіи настолько индивидуальны въ колоритѣ и тонѣ, настолько опредѣленны и четки, что смѣшать ихъ невозможно.

Какъ нисколько не усомнились-бы мы относительно источника поэтического творчества, читая Архилоха:

„Сердце, сердце! Грознымъ строемъ встали бѣды предъ тобою:

Ободришь и встрѣтъ ихъ грудью, и ударишь на враговъ!

Пусть вездѣ кругомъ засады,—твердо стой, не трепещи!

Такъ не усомнимся, читая о пролитии крови, какъ о нѣкоемъ „праздникѣ“, хотя и празднуемомъ съ „нахмуренными бровями“.

Ясно, что только мужская психологія могла нарисовать, напри мѣръ, такую картину:

И польская, и русская земля,

И русскія, и польскія владѣнья,

Я вижу вась, родимыя видѣнья,

Тамъ вѣтеръ ходитъ, снѣгомъ шевеля.

Лѣса, болота, долы и поля.

Свѣститъ метель. Журчитъ гранатъ паденье.

Визжитъ шрапнель. Жужжанье и гудѣнье.

Рычитъ тамъ праздникъ смерти, часть свой для.

О, долгій часъ! И сколько капель крови

Еще исторгнетъ рокъ, пока до дна

Не выпьетъ кубокъ краснаго вина.

Но не на вѣкъ нахмуренныя брови,

Идетъ къ намъ небывалая весна:

Россия съ Польшей! Двѣ святыя нови!

(К. Бальмонтъ, „Праздникъ крови“).

Можно не угадать имени автора въ этомъ бѣдномъ образами произведеніи, но въ этомъ устремленіи не къ поэтической, а къ политической злобѣ дня сразу и безошибочно можно угадать принадлежность писавшаго въ сильной половинѣ рода человѣческаго.

Мужская психология даже в мотивах лирического характера, в весенних акварелях, в религиозной настроенности: находить почву, с которой она может ясно воспринимать „благовѣсть славы съ поля браней“:

Въ годъ, въ который Срѣтенье Христово
Въ первый день февральски клиры пѣли,
Прозвучало къ Руси Божье слово
Въ понедѣльникъ на шестой недѣль—
Изъ семи седмицъ предъ Пасхой ранней,
Въ новолунье, марта въ день девятый,
Благовѣстомъ славы съ поля браней,
Вешнею съ небесъ грозой крылатой.
День чудесный, день живыхъ хваленіи,
Громоваго снѣжный день объѣта,
Будь России, первый день весенни,
Первенцемъ изъ дней Господня лѣта!

(В. Ивановъ, „Перемышь“).

8.

Мотивы женскаго творчества на военныя темы совершенно иные.

Въ противоположность мужчинѣ, который весь— живая апология войны и осуществленію историческихъ задачъ, весь— „воля къ побѣдѣ“, который умѣетъ говорить суровыя и воинственныя слова:

Эй, вѣтеръ! Мой штыкъ наточи.

Ой, лютый! Быть лютымъ сумѣю,—

въ женщинѣ-поэтессѣ говоритъ прежде всего именно женщина: мать, сестра, возлюбленная. Существо, которое живой человѣческой жизнью дорожитъ больше, чѣмъ тѣми „соотношеніями вещей“, ради которыхъ мужчина готовъ отдать себя жертвенному „празднику крови“.

Внимая ужасамъ теперешней войны, женщина уже заглядываетъ въ будущее и ждетъ отъ этого будущаго того, что ей хотѣлось-бы въ глубинѣ души видѣть и въ настоящемъ:

Быть можетъ, это будетъ послѣдняя война?

Всю злобу мировую вытравить до дна,

И порѣшить вражду и разрѣшить всѣ узы,

Всю землю примирить, весь міръ обезоружить,

Все горе мировое высушить до дна

Послѣдняя великая всемірная война!

(М. Моравская, „Стихи о войнѣ“).

Ея ожиданія, связанныя съ войной, являются ожиданіями не только побѣды, но и побѣдителя. И побѣдителя, пожалуй, даже больше.

Жди-же, дѣвица, и помни,

И работай неутомнѣй,

Чтобъ, когда весной опять—

Зацвѣтетъ въ лугахъ касатикъ—

И вернется твой солдатикъ—

Съ нимъ побѣду пировать.

(Л. Столица, „Русь“).

Иногда вспыхиваетъ въ женщинѣ-поэтессѣ примиренность съ войной.

Примиренность, въ которой она сама себя „еле сознаеть смѣть“:

Дѣти шьютъ рубашки,
Шьютъ для раненыхъ простыни.
Трогательно и просто
Въ это время тяжкое
Всѣ подошли къ войнѣ.

Стали мы всѣ роднѣй,
Стали мы всѣ добрѣе...
Я еле сознаеть смѣю,
Но съ грустью грѣеть во мнѣ
Благодарность войнѣ.

(М. Моравская, „Стихи о войнѣ“).

Но это—мотивы случайные, не доминирующіе въ ея настроеніи. Гораздо чаще даже эта самая ея примиренность съ войной обуславливается, помимо сознанія неизбежности посланнаго рокомъ кроваваго испытанія, теще надеждой на то, что это испытаніе является мостомъ къ будущему, гдѣ не будетъ ужасовъ страданій и крови, а будетъ миръ, котораго такъ напряженно и упорно жаждетъ женская душа.

И лишь молюсь: Спаситель мира!
Да вспашетъ твой побѣдный мечъ
Ту ниву скорбную для мира,
Гдѣ не дано мнѣ грудью лечь!

(М. Шагинянъ, „Orientalia“).

9.

Таковы основныя черты современной поэзіи, избравшей войну темою для своего творчества.

Внѣшне поэтическія созданія этого творчества еще не созданы, и оттого форма ихъ въ большинствѣ случаевъ блѣдна и мало выразительна. Но внутренне, глубинно, родилась уже „пасха новая“, подготовлено воскресеніе внѣшне мертвой поэзіи сегодняшняго дня, и свѣтлая тѣнь этихъ несозданныхъ еще, но уже реальныхъ созданій поэтического обновленія протянулась изъ будущаго въ настоящее и вплелась сверкающими нитями въ погребальное покрывало современнаго поэтического творчества.

Отойдя временно отъ формы и погрузившись въ свою біологическую сущность, поэзія найдетъ самое себя, обновитъ прикосновеніемъ къ инстинкту свою темпераментность и динамику—истинную душу истинной поэзіи—и выйдетъ къ намъ снова свѣжая, непосредственная, сильная, и сегодняшній праздникъ крови смѣнится для насъ праздникомъ воскрешенныхъ поэтическихъ озареній.

10.

Поэзія умерла—да здравствуетъ поэзія!
Новая, идущая на смѣну старой.

Лонгфелло тонко и глубоко прочувствовалъ мысль, вложенную имъ въ уста принца Генри въ его „Золотой легендѣ“:

Цвѣты умрутъ,
Но не умреть память о нихъ,
А памяти дана
Власть воскрешать изъ мертвыхъ.

Подъ сожигающимъ дыханіемъ Марса, жестокаго бога войны, завяли цвѣты поэзіи и стали безкрасочными и хилыми.

Но запечатлѣвшая ихъ „тѣнь несозданныхъ созданій“ сдѣлала ихъ цѣнными и значительными для насъ, и потому память объ этихъ увядшихъ цвѣтахъ все же сохранится въ нашихъ сердцахъ.

Та память, которой, по вѣщему слову Лонгфелло, „дана власть воскрешать изъ мертвыхъ“.

И власть эта будетъ осуществлена. Когда уйдетъ въ прошлое сегодняшняя эпоха крови и желѣза, тогда выйдетъ вся цѣликомъ изъ своего глубиннаго затворничества побывавшая въ заповѣдныхъ скитахъ инстинкта поэзія—и будетъ въ ея владѣніяхъ „пасха новая“ и „праздникъ творческаго рожденія“.

И тогда уже не „тѣнью несозданныхъ созданій“ будетъ бродить она въ просторахъ нашей литературы, а живымъ, реальнымъ и насыщеннымъ красками созданіемъ, созданнымъ временными бурями и волненіями сегодняшняго дня.

С. Полтавскій.

А. Никулинъ.

ВОЙНА и ПЛАСТИЧЕСКІЯ ИСКУССТВА.

Въ древней исторіи вліяніе войны на искусство было велико. Но, начиная съ среднихъ вѣковъ, война постепенно все болѣе и болѣе теряетъ свое значеніе въ ходѣ исторіи развитія искусства.

Въ глубокой древности, когда войны были нашествіями или набѣгами съ цѣлью обогащенія посредствомъ грабежа, когда нахлынувшія на народъ съ болѣе высокой культурой орды дикихъ племенъ увозили отъ послѣднихъ всякія драгоцѣнности, въ томъ числѣ и предметы искусства, когда уводили въ рабство тысячи побѣжденныхъ воиновъ, ихъ женъ и дѣтей, тогда быстро разбогатѣвшіе дикари побѣдители воспринимаютъ то искусство, къ которому они прикоснулись грубой рукой. Они начинаютъ созидать роскошные храмы въ честь боговъ, даровавшихъ имъ побѣду, стремятся увѣковѣчить своихъ царей, полководцевъ-героевъ. Но еще чаще дикіе побѣдители уничтожали все, что было создано гениемъ человѣка, и надолго задерживали ходъ развитія искусства побѣжденныхъ. Такъ-же и завоеванія культурными народами дикихъ племенъ не всегда отзывались на искусствѣ послѣднихъ благоприятно. Сами завоеватели, разбогатѣвъ, нерѣдко предавались роскоши, и искусство ихъ утрачивало внутреннюю силу,

Фараонъ въ битвѣ. (Египетск. стѣнопись).

Египетское искусство. Египтяне, по сверженіи ига Хананскихъ племенъ, державшаго ихъ — уже тогда высокое

искусство на нѣкоторое время, вслѣдствіе новыхъ завоеваній, особенно въ царствованіе Рамзеса II-го, достигли въ своемъ художественномъ творчествѣ высшаго развитія.

Покоренные Греками (330 г. до Р. Х.), они взаимно обогащаютъ другъ друга своими достиженіями въ искусствѣ.

Въ твореніяхъ Египта величественно спокойные фараоны, стоящіе въ колесницахъ съ застывшими на дыбахъ конями, безстрастно, какъ бы свершая предначертанное свыше, поражаютъ стрѣлами маленькихъ, ничтожныхъ враговъ, которые или просятъ пощады или валяются въ хаотическомъ безпорядкѣ, пронзенные стрѣлами фараона. Все искусство Египтянъ проникнуто созерцательностью и стремленіемъ къ вѣчности: и стрѣляющіе фараоны съ вздыбившимися конями и молящіе о пощадѣ враги—всѣ они какъ-бы застыли навсегда въ назиданіе потомству.

Царь—триумфаторъ. (Ниневійскій барельефъ).

Воинственные Ассирійцы, жестокіе и чувственные, завоевавъ Ассирійское Египетъ, хотя и заимствовали отъ него кое что, но ихъ искусство все же носить совершенно иной характеръ. Въ изображеніяхъ египтянъ кромѣ войнъ и подвиговъ царей часто встрѣчаются сцены изъ мирной жизни. Ассирійцы заняты почти исключительно войной—побѣдами царей и возвеличеніемъ ихъ; изъ мирной жизни они запечатлѣваютъ лишь пиры и охоты на львовъ. Ихъ скульптура выражаетъ поклоненіе грубой животной силѣ: пропорціи ихъ тѣлъ въ изображеніяхъ грубы, мускулы выпираютъ изъподъ складокъ одеждъ. Жестокость ихъ проглядываетъ всюду. Ниневійскій барельефъ изображающій осаду крепости, украшенъ тремя надѣтыми на колы врагами. Въ барельефѣ „Триумфъ царя“ народъ, сопровождающій своего владыку, подбрасываетъ вверхъ отрубленные головы враговъ, чѣмъ, очевидно, выражаетъ радость и торжество побѣды.

Греки, отразивъ нашествіе Персовъ, гигантскими шагами двигаются впередъ. Въ V вѣкѣ до Р. Х. ихъ искусство стояло изумительно высоко. Время Перикла явилось настоящимъ интеллектуальнымъ фокусомъ, въ которомъ собрались всѣ лучи жизне-радостнаго искусства Грековъ. Въ эту славную эпоху жилъ Фидій,

Фронтонъ Афинскаго храма.

гениальный творецъ мраморовъ Пареенона, Калликратъ, создавшій Пареенонь, Иктинъ, Мензикль и др.

Греція—страна философовъ и поэтовъ, и потому ея искусство далеко не имѣетъ характера воинственнаго.

Правда, многія изъ ихъ великолѣпныхъ скульптуръ созданы въ память войнъ. Напр., бронзовая статуя Афины ск. Фидія (къ сожалѣнью, не сохранившаяся) создана въ память побѣды надъ Персами. Восточный и западный фронтоны Эгинскаго храма, изображающіе эпизоды изъ Троянской войны, тоже... Но, тѣмъ не менѣе, въ этихъ изображеніяхъ нѣтъ ни жестокости Ассирійцевъ, ни фатальныхъ побѣдъ Египетскихъ царей. Ихъ главный мотивъ—красота человѣческаго тѣла.

Ихъ герои прекрасны и граціозны въ движеніяхъ. Они больше похожи на Олимпійскихъ боговъ, чѣмъ на яростно сражающихся на смерть воиновъ. Странно, напр., видѣть ихъ бога войны, котораго они изображаютъ влюбленнымъ. Богъ войны сидитъ въ совершенно спокойной, мечтательной позѣ, безъ всякихъ военныхъ атрибутовъ. Ни психологически, ни внѣшне—онъ не воинъ; Впервые мы у Грековъ видимъ трагедію страданія и смерти въ скульптурномъ изображеніи. Египтяне и Ассирійцы врага изображали игрушечнымъ передъ громадными побѣдителями. Смерть врага для нихъ смерть червя раздавленнаго ногой.

У Грековъ, наоборотъ, страданія и смерть челоука привлекаютъ вниманіе скульптора, и при этомъ—въ одинаковой степени какъ смерть Грека въ битвѣ, такъ и смерть врага. Пергамцы, воодушевленные побѣдами надъ Галлами, создали нѣсколько статуй умирающихъ Галловъ. Всѣмъ извѣстна статуя раненаго, истекающаго кровью, Галла или Галла, убивающаго свою жену и себя. Въ этихъ скульптурахъ видно нѣкоторое состраданіе и даже уваженіе къ мужеству врага.

Римское искусство. Римляне, склонные къ политикѣ и общественной жизни, покоривъ Грековъ (во II в. до Р. X.), восприняли и ихъ искусство. Но для воинственныхъ Римлянъ оно не было понятно. Они считали его роскошью, и даже протестовали противъ него. Одинъ изъ приверженцевъ Катона говоритъ: „Греческія статуи входили въ городъ, словно непріатели“, а одинъ изъ героевъ Виргилія замѣчаетъ: „пусть другіе отличаются искусствомъ ваянія изъ бронзы, пусть другіе оживляютъ мраморъ, ты же, римлянинъ, помни, что твоя роль управлять народами“. Но, несмотря на это, Римъ наводняется статуями: одинъ только полководецъ Фульвій Нобилиоръ ввозитъ во время своего триумфа болѣе 500 греческихъ статуй.

Искусство, наконецъ, входитъ въ Римъ, какъ мода. Особенно высоко развивается портретная скульптура. Если говорить о цѣнности римскаго искусства, то нужно сказать, что Римляне, какъ народъ практическій и общественный, усовершенствовали архитектуру: храмы, театры, дворцы и пр. Въ Римѣ впервые появляются триумфальныя арки, обязанныя своимъ происхожденіемъ исключительно войнѣ.

Византійское и Готическое искусство, какъ христіанское по преимуществу, войны уже почти не отражаетъ. Если и встрѣчаются изрѣдка въ изображеніяхъ воины, то они всегда мистично кротки и далеко не воинственны.

Послѣ завоеваніи Юга Европы Арабами зародился и расцвѣлъ своеобразный Мавританскій стиль. Испанія запестрѣла дивными восточными архитектурными памятниками въ Кордовѣ, Севильѣ, Альгамбрѣ, Гренадѣ. Архитектура послѣднихъ двухъ — это какая то восточная сказка, фантазія восточнаго мечтателя. Крестовые походы также отразили на Европейскомъ искусствѣ духъ востока.

Но вотъ полчища грубыхъ варваровъ—Германцевъ, Норманновъ, Сарацинъ нахлынули на Европу, и дивныя памятники искусства гибнутъ. Жестокіе варвары грабятъ и сжигаютъ церкви, разбиваютъ статуи, разрушаютъ сокровищницы науки и искусствъ. Но какъ они ни грубы, европейская культура все же мало по малу начинаетъ преобразовывать и ихъ.

Феодольные замки, возникшіе благодаря постояннымъ набѣгамъ Норманновъ, явно отражаютъ духъ войны и своимъ видомъ неприступныхъ крѣпостей и украшеніями, представляющими воинскіе доспѣхи, оружіе, фигуры рыцарей и гербы феодаловъ.

Великая эпоха Возрожденія въ Итали не была *прямь* послѣдствіемъ какихъ либо завоеваній, и ея искусство отразило войну очень мало. Эпоха эта была поглощена преимущественно вопросами, связанными въ той или иной формѣ съ религіей. Однако, мы знаемъ, что Леонардо да—Винчи интересовался войной,

хотя работал больше надъ изобрѣтеніями военныхъ машинъ и разнаго рода оружія. Когда во Флоренціи ему поручили расписать стѣны большого зала дворца Сеньории, онъ выбралъ сюжетомъ одинъ изъ эпизодовъ сраженія при Ангиари, выиграннаго Флорентійцами. Картонъ этого произведенія вызывалъ восхищеніе современниковъ, но самой фрески такъ ему и не удалось сдѣлать.

Могучій геній искусства, Микель-Анжело, буйный, склонный къ борьбѣ и преклоненію предъ красотой силы, также взялся расписать одну изъ стѣнъ Большого дворца и выбралъ сюжетомъ сраженіе на берегахъ Арно, и именно тотъ его моментъ, когда купающіеся флорентійскіе солдаты были застигнуты непріятелемъ. Но фреска тоже не была исполнена; картонъ давно исчезъ и судить о немъ можно лишь по репродукціямъ и гравюрамъ. Его „Ночь“, погруженная въ печальный сонъ, полная мучительной скорби, отражаетъ личную скорбь этого титана искусства объ угнетенной родинѣ. Въ отвѣтъ на восторженное стихотвореніе современнаго ему поэта, написанное въ честь его „Ночи“, Микель-Анжело пишетъ: „Дорогъ мнѣ сонъ, но еще дороже то, что я—изъ камня, пока существуетъ зло и позоръ; ничего не видѣть и не чувствовать—большое счастье, поэтому не буди меня, говори тише“. И когда послѣ изгнанія изъ Флоренціи Медичей двинулся на нее Карлъ V, —Микель Анжело принялъ большое участие въ оборонѣ города (1529 г.).

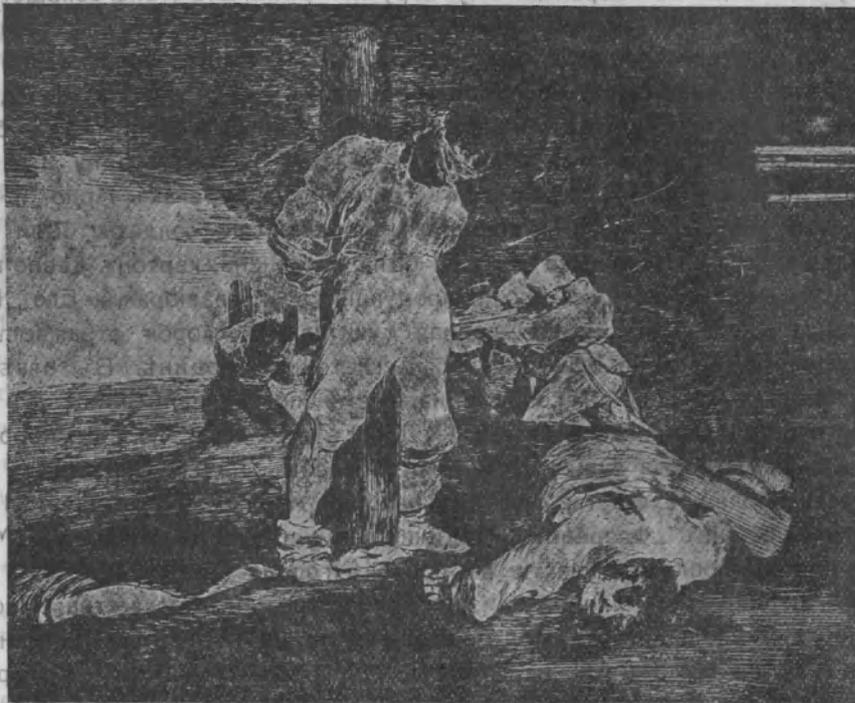
Эти штрихи изъ личной жизни двухъ титановъ искусства, Леонардо да-Винчи и Микель-Анжело подтверждаютъ лишній разъ ту истинну, что подлинно чуткій художникъ не станетъ брать объектомъ своего творчества современную ему войну, потому что его естественная чуткость будетъ неизбежно увлекать его въ сторону активной *гражданской* дѣятельности, мало совместимой съ отвлеченной и спокойной созерцательностью искусства.

Поэтому въ батальномъ искусствѣ послѣднихъ вѣковъ вообще можетъ быть отмѣчено, какъ правило, то обстоятельство, что наибольшей глубиной творческаго проникновенія отличаются тѣ произведенія, въ которыхъ художникъ отдѣленъ отъ изображаемой имъ эпохи известнымъ промежуткомъ времени и созерцаетъ ее въ опредѣленной переспективѣ.

Встрѣчаемъ и у Рафаэля, этого милаго дипломата и гениальнаго художника—эклектика, деликатные намеки на военныя событія.

Въ Голландіи, въ Голландской живописи достигаетъ своей высшей точки развитія въ ту славную пору, когда Голландія силой своего оружія и Испанское окончательно освободилась отъ владычества Испанцевъ, Впрочемъ, искусство въ сюжетахъ картинъ художниковъ-голландцевъ война почти не отразилась, т. к. они были поглощены изученіемъ природы и быта.

Въ Испаніи, въ концѣ 18-го вѣка, во время художественнаго и литера-

Гойя. Нѣтъ спасенья.

турнаго упадка, вдругъ выступаетъ странно оригинальный художникъ Гойя, фантазеръ и мистикъ. Онъ совершенно по новому освѣтилъ войну.

Въ противоположность Египтянамъ и Ассирійцамъ, являвшимъ въ искусствѣ упоеніе побѣдами, въ противоположность Грекамъ, опоэтизировавшимъ какъ побѣду, такъ и смерть и страданіе, Гойя выражаетъ лишь холодный ужасъ и отвращеніе къ войнѣ. Его рисунки изображаютъ отрицательную сторону ея. Намъ, современникамъ настоящей войны, особенно близки и понятны такіе изъ его рисунковъ, какъ напр: „Онѣ не хотятъ“, гдѣ изображается омерзительная картина насилія грубыхъ солдатъ надъ женщинами. Волосы становятся дыбомъ, когда смотришь на его рисунокъ, изображающій человѣка, посаженнаго на колъ, или разстрѣлъ беззащитныхъ людей (рисунокъ „Нѣтъ спасенья“). И не фабула здѣсь поражаетъ, а тотъ приѣмъ, которымъ такъ умѣлъ пользоваться Гойя. Немногими штрихами ему удавалось съ необычайной силой передать жуть. Самъ не знаешь, почему, глядя на его рисунки, испытываешь какой то непонятный ужасъ—нѣчто жуткое и мистическое.

На французское искусство оказала громадное влияние Италия, сначала благодаря походам на нее Карла VIII и Людовика XII-го. Затем—в царствование Франциска I-го нашествие Итальянцев на Францию также наложило на нее свой отпечаток. Война отразилась во французском искусстве довольно ярко. Наиболее типичный из французских художников баталистов—Орась Верне (1780—1863), который составил себе особое положение своими картинами побед I-й империи и африканских войн при король Людовикъ-Филиппъ. Поддѣлаваясь подъ вкусъ широкой публики, специализируясь на батальной живописи, онъ создалъ этимъ себе карьеру. Но, въ то-же время, онъ чуть-ли не самый поверхностный из живописцевъ, чѣмъ и объясняется его плодовитость. Более даровитымъ художникомъ является Раффэ—рисовальщикъ и литографъ, сдѣлавшійся пѣвцомъ великой армии. Онъ страстно полюбилъ солдатъ Наполеона I-го и сумѣлъ выразить народное восхищеніе своимъ гениальнымъ полководцемъ. Такимъ историческимъ художникамъ, какъ Жанъ Поль Лоранъ и Рошгроссъ, войны являлись благодарною темою дающею поводъ для изображенія кровавыхъ трагедій на исполинскихъ холстахъ.

Русское искусство послѣ набѣговъ на Царьградъ, а въ особенности послѣ принятія христіанства, приняло въ себя довольно много византийскаго, переработавъ его на свой вкусъ и въ соотвѣтствіи со своими потребностями. Въ половинѣ XII-го вѣка, въ слѣдствіе княжескихъ междоусобицъ и набѣговъ кочевниковъ, часть южно-русскаго населенія отхлынула на сѣверъ, гдѣ возвысилось княжество Владиміра Суздальскаго съ городомъ Владиміромъ во главѣ, который цѣлое столѣтіе игралъ роль столицы. Въ этотъ періодъ во Владиміро-Суздальской области воздвигаются города, строятся храмы, дворцы, создается цѣлый рядъ художественныхъ ремеслъ, имѣющихъ важное значеніе въ исторіи Русскаго искусства. Татарское нашествіе разомъ положило конецъ процвѣтанію этого края, и въ XIII—XIV вв. на сѣверѣ Руси возвышается Новгородъ и Псковъ, разбогатѣвшіе отчасти благодаря тому, что избѣжали татарскаго разгрома.

Петръ I-й, „прорубилъ окно въ Европу“, создавъ свой „Петербургъ“. Черезъ это окно, среди другихъ лучей свѣта Европы, проникъ лучъ и европейскаго искусства.

Дивный монументъ Петру Великому поставленный Екатериной II-й, какъ бы суммируетъ собой всю эту эпоху преобразованій.

Въ 1-ую Отечественную войну воспѣлъ въ своихъ тонкихъ, стильныхъ и виртуозныхъ барельфахъ поэтичный гр. Ф. П. Толстой, (1783—1873). Воспѣвалъ онъ ее впрочемъ не столько потому, что она вдохновляла его сама по себѣ, сколько потому, что она дала ему возможность возсоздать античный Греческій міръ. Гр. Толстой явился въ XVIII вѣкѣ прекраснымъ выразителемъ

Е. П. Толстой. Мяръ Европы.

классицизма. Характерно, что у него мы видимъ мало самой битвы и упоенія побѣдой. Напротивъ, наиболее интересны и многочислены его любимые сюжеты—мира, дружбы, союза, клятвы вѣрности. Нужно отмѣтить, что въ Русскомъ искусствѣ наиболее ярко выступаетъ тяготѣніе русскаго челоуѣка къ миру, а въ случаѣ защиты отъ нападенія—готовность къ жертвѣ. Изъ немногихъ батальныхъ картинъ въ Музеѣ Александра III-го въ Петроградѣ наиболее замѣтны „Осада Пскова“, единственная Брюлловская батальная картина, и „Осада Троицко-Сергиевской Лавры“ В. П. Верещагина. Картина Угрюмова, изображающая призывъ Минина къ всеобщему пожертвованію. Скульптурный памятникъ Мартоса „Мининъ и Пожарскій“, „Купецъ Иголкинъ“—картина Шебуева, изображающая патриотическій подвигъ Иголкина—все это мало говоритъ о самой войнѣ, а больше о готовности къ жертвѣ. Картины Васнецова „Карсъ взяли“ и „Военныя телеграммы“—это только отклики войны. Нѣсколько въ другомъ родѣ, ближе къ собственно батальнымъ сюжетамъ, его же картина „Послѣ побоища Игоря Святославовича съ половцами“. Картина Савицкаго „Проводы на войну“ и Рѣпина „Проводы новобранца“ даютъ яркое представление о горѣ разлуки съ идущими на войну или просто въ солдаты—мужьями, дѣтьми, отцами и т. д.

Совершенно особо стоитъ въ своихъ произведеніяхъ В. В. Верещагинъ. Этотъ дѣятельный и умный художникъ видѣлъ въ войнѣ не геройскіе подвиги, а обыкновенное массовое несчастье. Онъ не могъ мириться съ банальной трактовкой театральныхъ позъ воиновъ. Ему была дорога неприглядная правда. Онъ подходилъ къ войнѣ не какъ увлекающійся художникъ, а какъ объективный ученый, задавшійся опредѣленной цѣлью изобразить отрицательную сторону войны. Такого отношенія къ войнѣ въ искусствѣ до него почти еще не было.

До извѣстной степени его можно сопоставить съ Гойя. Сходство, впрочемъ, будетъ внѣшнее и очень отдаленное—лишь въ отрицаніи войны. Зато большая разница въ трактовкѣ и отношеніи къ творчеству. Гойя дѣйствуетъ исключительно непосредственно на чувство. Его произведенія вращаются въ области бессознательнаго. Напротивъ, Верещагинъ даетъ холодную хронику—записываетъ факты, находя это болѣе доказательнымъ. Дѣй-

Васнецовъ. Послѣ побоища Игоря Святославича съ Половцами.

ствительно, газетная хроника ужасовъ оставляетъ въ сознаниі иногда большее впечатлѣніе, чѣмъ художественный рассказъ. Но хроника все же не искусство въ настоящемъ значеніи слова. Поэтому, хотя картины Верещагина и могутъ производить впечатлѣніе, они, какъ творенія искусства, холодны и бездушны.

Можно упомянуть еще о картинахъ Сурикова. Въ „Ермакъ“ дѣйствительно изображена стихійная битва, и въ то же время трактовка его очень далека отъ тѣхъ театральныхъ битвъ, гдѣ поза и желаніе ударить по патристическимъ стрункамъ являлось почти единственнымъ мотивомъ творчества Сурикова, обладая довольно грубой техникой, какимъ то непостижимымъ образомъ овладѣваетъ сюжетомъ. Онъ не изображаетъ людей отдѣльными. Для него они лишь средство дать стихійное движеніе, будетъ ли это натискъ казаковъ Ермака на татарскія полчища, обреченные на смерть стрѣльцы или стихія религиознаго экстаза въ „Боярынь Морозовой“.

Въ общемъ, на Русскомъ искусствѣ, какъ и на искусствѣ, всей Европы новѣйшаго времени, войны непосредственно отразились очень мало.

При чрезвычайно бѣгломъ обзорѣ отраженій войны въ искусствѣ, какимъ является настоящая статья, конечно, многія имена баталистовъ—не могли быть упомянуты. Подводя итогъ всему, что здѣсь приведено, можно сказать слѣдующее. Въ древности, когда войны играли большую роль въ жизни народовъ, когда всѣ граждане были въ то же время и воинами,—искусство было

всѣмъ понятно и было народнымъ въ полномъ смыслѣ слова. Затѣмъ, когда социальныя отношенія усложнились, когда вкусы и потребности начали индивидуализироваться въ ускоренномъ темпѣ жизни, тогда войны теряютъ прежнюю всенародность, а вмѣстѣ съ этимъ и искусство дѣлается въ своихъ сюжетахъ независимымъ отъ войны.

Теперь разные стили искусства народовъ находятся больше въ зависимости отъ общаго внутренняго уклада съ его повседневными мирными интересами, несмотря на то, что войны и до сего времени остаются однимъ изъ наиболѣе замѣтныхъ явленій человѣческаго быта.

Что общаго съ войной мы видимъ, напр., въ увлеченіи античнымъ міромъ художниковъ эпохи Возрожденія, въ увлеченіи Европы всѣми этими стилями готики, барокко, рококо, ст. Имперіи, японскимъ, модернъ и др.—или даже въ послѣднихъ теченіяхъ живописи реалистовъ, импрессионистовъ, символистовъ, кубистовъ и проч.?

Ничего. Художники, какъ это видно изъ новѣйшей исторіи искусства, очень часто уклонялись отъ военныхъ сюжетовъ и если брались за батальные сюжеты, то такія картины были или фальшиво театральны, за немногими исключеніями, или изображали отрицательныя стороны войны или писались лишь *по поводу* войны, изображали отклики ея въ мирной жизни. Дѣйствительно, что могутъ дать для художника войны послѣ изобрѣтенія огнестрѣльнаго оружія? Въ особенности, послѣднія войны: нѣтъ красоты слетающихся въ схваткѣ оголенныхъ, напряженныхъ мускуловъ человѣческаго тѣла, что давало пищу искусству въ первую эпоху его расцвѣта, нѣтъ блеска кольчугъ, мечей, шлемовъ, щитовъ, украшенныхъ художественной чеканкой. Всѣ прячутся отъ пуль въ окопы, траншеи, врага не видно, и только сѣрые люди въ шинеляхъ защитнаго цвѣта со стономъ падаютъ, скрючиваясь въ предсмертной агоніи, да взрывы снарядовъ разбрасываютъ вмѣстѣ съ землей куски окровавленнаго мяса

На вопросъ, что можетъ дать настоящая война искусству, придется сказать, что никакихъ новыхъ теченій она не создастъ, какъ не создавала никогда раньше. Вліяніе войны скажется до извѣстной степени лишь на сюжетахъ. Говорятъ, въ Германіи кайзеръ возитъ съ собой художника зарисовывать его „подвиги“. Едва ли однако „батальные картины“ этого художника будутъ истинными произведеніями искусства.

Разрушенное экономическое благосостояніе страны надолго должно задержать искусство въ его развитіи. Что касается Франціи, Англии, Бельгіи, Россіи и другихъ воюющихъ государствъ, то разумѣется, матеріальная разруха, на нѣкоторое время, и можетъ быть надолго, задержать въ нихъ ходъ развитія искусства. Но общій подъемъ, геройскіе подвиги защиты родины, ужасы нашествія враговъ долго не изгладятся изъ памяти народовъ и будутъ долго

П. Медвѣдевъ.

ДО КОНЦА.

„Отъ одной свѣчи сгорѣла Москва“ Такъ случилось, какъ говорили наши предки, съ лишнимъ сто лѣтъ назадъ, Отъ одного револьвернаго выстрѣла сгорѣлъ весь земной шаръ,— такъ будутъ говорить о нашемъ времени. Револьверный выстрѣлъ Принципа, направленный въ наследника австрійскаго престола, громовымъ раскатомъ потрясъ землю.

То былъ сигналъ міровой катастрофы. Кровью обагрилась земля, и печаль объяла ее отъ края до края.

Привычная гостя жалкой „халупы“ и промозглой избы, печаль, забралась и въ жизнерадостныя палаты.

Въ стѣнахъ изнѣженныхъ теплицъ,
Какъ бы не знающихъ печалей,
Какъ много блѣдныхъ скорбныхъ лицъ,
И сколько траурныхъ вуалей!

Скорбный покровъ непрошенной гостии всѣхъ сравнилъ и всѣхъ сроднилъ.

Въ наше время, войны и не ведутъ для войны. Это считается, условно, по крайней мѣрѣ,—пережиткомъ варварства. Каждая война нашего времени, какъ бы безумна и ужасна она ни была, ведется въ цѣляхъ упрочненія мира.

По утвержденію нынѣ воюющихъ государствъ, каждое изъ нихъ стремилось только къ миру.

Такъ утверждаютъ и австро-германцы и селятся документально доказать свое утвержденіе.

Изумляя міръ жестокостью, стремясь на трупахъ миллионовъ людей утвердить право силы, австро-германцы по своему заботятся о мирѣ.

— Только бы взять Варшаву, обезсилить и унижить Россию, разгромить Парижъ, свести Англию на степень незначительной державы.

Только...

Единое стремление России и ея союзницъ есть также стремление къ миру И въ этомъ стремлении, конечно, есть свое „только“.

Только бы устранить всякую угрозу этому будущему миру, только бы въ корнѣ уничтожить опасность повторенья того ужаса, которымъ сейчасъ охвачена вся земля.

Пусть не будетъ униженья, пусть живутъ народы въ мирномъ соревнованьи, но народы—братья, признающіе единый путь борьбы—борьбу труда и знанья. Народы—хищники должны быть обезврежены во имя мира и братства. Опытъ великой битвы слишкомъ жестокъ, горя, крови и слезъ слишкомъ много, чтобы можно было стремиться къ миру, не обезпечивъ его прочность.

— Мы стремимся къ миру, только прежде всего надо навсегда избавиться отъ войны.

Таково наше „только“.

Таковымъ должно быть наше стремленье къ миру, таково оно есть.

По крайней мѣрѣ, гнетущи опытъ девятимѣсячной бойни создалъ это стремленье, и каждый новый день лихорадочной, судорожной жизни въ тискахъ кровавого кошмара дѣлаетъ его все болѣе и болѣе прочнымъ и устойчивымъ.

Когда-то, защитникамъ Севастополя мѣсяць войны засчитывали за годъ службы.

Наше поколѣнье отъ поколѣнья времени Севастопольской обороны отличается большею нервозностью, большею восприимчивостью, въ такой же, быть можетъ, пропорци, какъ отличается сама мировая война отъ Севастопольской обороны.

По силѣ ужасовъ современной бойни, каждый день ея можетъ быть приравненъ къ мѣсяцу Севастопольской обороны, а—слѣдовательно—если принять за мѣрку Севастопольскій зачетъ,—каждый день ея равенъ году мирной жизни.

И если мы наше сравненіе продолжимъ, то должны будемъ сказать, что человѣчество за триста дней великой битвы постарѣло на три вѣка.

И это положеніе не будетъ абсурдомъ, оно не такъ уже далеко отъ истины, какъ это можетъ показаться вначалѣ. Когда равнодушное время отодвинетъ отъ насъ настоящее и залѣчитъ его боль и язвы, тогда только можно будетъ приблизительно учесть разницу въ настроеніи и въ умственной и душевной зрѣлости человѣчества до войны и послѣ нея.

Пока же съ увѣренностью можно сказать одно: мы проходимъ суровую, слишкомъ суровую школу жизни. И кому суждено пройти ее до конца, тотъ

не забудетъ ея тяжелыхъ уроковъ. И цѣнность жизни, мира и любви получать для него особое значеніе и смыслъ. Первые раскаты кровавой грозы не могли не вызвать нѣкоторой неопредѣленности, неуравновѣшенности и, пожалуй, —растерянности.

Не могли не вызвать крутыхъ колебаній маятника психологіи массъ. Отъ подвига, отъ порыва къ жертвѣ—до страха и безцѣльныхъ проклятій.

Но смертный врагъ страха—привычка. Всякій порывъ, продолженный во времени, становится тою же привычкой,

И то, что исчезаетъ страхъ и порывъ превращается въ привычку, не есть безучастность обреченнаго.

Ни въ арміи ни въ ея естественномъ продолженіи, тысячью видимыхъ и невидимыхъ нитей связанномъ съ нею, —въ народѣ, къ нашей великой радости и гордости, мы не сможемъ отмѣтить этой покорности обреченнаго. Напротивъ, есть и легко поддается наблюденію сознательное и упорное стремленіе къ жизни, къ дѣятельности, есть напряженіе воли къ побѣдѣ ради грядущаго мира.

Мы недавно пережили случайный радостный праздникъ.

Паль Перемышль.

Какими-то путями, до появленія телеграмъ, до официальнаго сообщенія, эта вѣсть широко растеклась по улицамъ города,

Долженъ сказать, я давно не видѣлъ такой общей радости, всѣхъ озарившей улыбки счастья.

Я видѣлъ, какъ сивобородый ломовикъ, типичный потомокъ вольницы Стеньки Разина, кричалъ черезъ улицу встрѣчному, такому же сивобородому удалцу:

— Перемышль палъ!

— Ну?! Слава тѣ, Господи! —услышалъ я въ отвѣтъ.

И, казалось, на сивую бороду легли свѣтлые блики улыбки.

Я видѣлъ лица толпы, не манифестирующей, —подогрѣтой рѣчами, портретами и подобающей торжественностью обстановки, а толпы будничной, рабочей, куда то спѣшащей.

И вдругъ, какъ молнія:

— Паль Перемышль!

И эта молнія пробѣжала по лицамъ толпы, зажгла и озарила ихъ.

И увѣренно я сказалъ тогда себѣ:

— Сегодня я видѣлъ счастье людей. А тамъ, гдѣ счастье, гдѣ горе кладутъ свой властный отпечатокъ на лица толпы, —эта толпа не безразлична, не безучастна: она живетъ, она дѣлаетъ жизнь.

Тамъ, откуда армія черпаетъ свою живую силу, въ самыхъ разнородныхъ слояхъ народной толпы, мнѣ довелось, за послѣднее время, слышать много

разговоровъ, разсужденій и думъ о войнѣ. Всѣ помыслы о ней нетрудно слить воедино.

— Ничего. Потерпимъ. Мало ли мы терпѣли. А ужъ съ нѣмцемъ управимся. И тогда, Богъ дастъ, все свое вернемъ, съ лихвой вернемъ.

Мнѣ пишетъ одинъ воинъ, случайно, послѣ двухмѣсячнаго сидѣнья въ передовыхъ окопахъ, попавшій въ Петроградъ, для сопровожденія своего раненаго командира.

Теперь этотъ воинъ, вмѣстѣ съ оправившимся командиромъ, вновь ѣдетъ въ армію.

Письмо — послѣднее передъ отъѣздомъ изъ Петрограда:

— Нѣтъ прежняго страха смерти. Напротивъ, есть одно желанье, — поскорѣ снова попасть туда, въ бой. И есть одно гнетущее чувство: мнѣ, здоровому, сильному человѣку не мѣсто, стыдно среди празднои, бездѣльной толпы. Надо — „туда“.

А, между тѣмъ, этотъ же воинъ первый свой походъ „туда“ совершалъ при совершенно иномъ настроеніи.

Не прочь былъ симулировать болѣзнь, не прочь какъ бы то ни было отдѣлаться отъ солдатской шинели или, по крайней мѣрѣ, „пристроиться“ гдѣ нибудь, въ глубокомъ тылу. Словомъ — „рвался въ бой“, какъ говорится.

Но отдѣлаться не удалось. Волей судьбы, два мѣсяца, почти не раздѣваясь, ему пришлось побыть въ самомъ пеклѣ, подъ постояннымъ обстрѣломъ и возможностью смерти.

И послѣ испытаннаго, послѣ ряда штыковыхъ боевъ и немолчной дроби пулеметовъ:

— Стыдно быть здоровому въ этой празднои толпѣ, надо — „туда“.

Таковы настроенія, создаваемая и выковываемая кошмаромъ девяти-мѣсячной битвы народовъ.

Настроенія жизненныя, дѣйственныя, направленныя въ одну точку:

— Потерпимъ. Мало ли терпѣли. А ужъ свое возьмемъ съ лихвой.

И ужъ какъ утѣшенье, какъ эта страстно ожидаемая „лихва“:

— Войну отвоюемъ до конца, потомъ и за свои дѣла примемся. Тоже и ихъ надо до конца довести. Такъ жить, какъ жили, не будемъ.

Въ этомъ ожиданьи залогъ побѣды и мира.

Война до конца.

До полной побѣды надъ внѣшнимъ врагомъ.

Но миръ есть залогъ побѣды и надъ внутреннимъ нестроеніемъ, залогъ благополучнаго устройства „своихъ дѣлъ“.

— Такъ жить, какъ жили, — не будемъ. Это „не будемъ“ — и увѣренно и отрадно, гордо звучить.

Отъ одной свѣчи сгорѣла Москва. И вышла изъ пожара, какъ фениксъ изъ пепла.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТИХИ:

стр.

Имъ—Льва Гумилевскаго	3
На часахъ—С. Полтавскаго.	4
Сестра—Кл. Гумилевской	5
Въ лазаретѣ—Ивана Гордаго.	6
Улица—Льва Гумилевскаго	7
Оправданіе жизни—С. Полтавскаго	8

РАЗСКАЗЫ:

Блѣдный ужасъ—Льва Гумилевскаго.	9
Четыре письма—А. Киселева	10
Цвѣты расцвѣтаютъ—И. Ю. Борисова—Из- вѣковскаго.	23
Земное и небесное—С. Полтавскаго.	27
Послѣдняя встрѣча—Д. Борисова	35
Воскресшіе—Ал. Галкина	45

СТАТЬИ:

Прежде и теперь—П. Новомосковскаго.	53
Уроки войны—А. Киселева	59
Нѣкоторыя историческія данныя объ уходѣ за ранеными воинами—Проф. В. И. Разумов- скаго	67
Антимилитаризмъ и война—П. Новомосков- скаго	81
Барабанный періодъ русской литературы—Бо- риса Позэ	87
Музыка и война—Ив. Липаева	92
„Тѣнь несозданныхъ созданій“ — С. Полтав- скаго.	89
Война и пластическія искусства—А. Никулина.	105
До конца—П. Медвѣдева.	110

121.

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Стран.	Строка.	Напечатано.	Должно быть.
3				
4				
5				
6				
7	11	12 снизу	поползъ	поползъ
8	13	15 сверху	чтобы	что-бы
	15	7 снизу	къ горячему лицу ея	ея къ горячему лицу
9	16	7 сверху	въ землю окровавленными	въ землю съ окровавленными
10	19	15 сверху	пожертвовали	пожертвовали
23	45	9 снизу	переливчатами	переливчатыми
27	58	2 снизу	войны творческаго	войны для творческаго
32	74	14 сверху	гордится	гордится
42	78	17 снизу	государю	Государю
	"	14 снизу	государя	Государя
	83	15 - 16 сверху	собственною	подлинною
53	92	2 сверху	Музы,	Музы.
59	111	9 сверху	широю	широкой
67				
81				
87				
92				
89				
105				
110				

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 1915 годъ

на ежедневную общественно-политическую газету

„Саратовскій Вѣстникъ“

ВЪ ГАЗЕТѢ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ СЛѢДУЮЩІЯ ЛИЦА:
Н. М. Архангельскій, Арк...ій, В. А. Бѣльскій, Д. М. Борисовъ, И. М. Бѣлильцевъ, Ф. Ф. Воскресенскій, Діазъ (псевд., стих. фельет.), Звонарь (псевд.), І. А. Ивановъ, Кинъ (псевд.), И. Л. Леоновъ, Н. А. Лузановъ, О. Н. Ляховецкая, П. А. Медвѣдевъ, Оптимистъ (псевд.), П. Оп-овъ (Петровскъ), Н—шъ (Камышинъ), С. П. Полтавскій, В. Н. Стечкинъ, Старый журналистъ (псевд.) Старый Земець (псевд.), А. С. Тивановъ, А. А. Тивановъ, М. П. Ткачуковъ, И. П. Ткачуковъ, Энэль (псевд.), Ф. А. (музыкальныя рецензи), Чужой (псевд.), Янъ Варскій (псевд.), W (псевд.) и друг.

Помимо агентскихъ телеграммъ, въ газетѣ помѣщаются телеграммы отъ собственныхъ корреспондентовъ изъ Петрограда, Москвы и другихъ городовъ, а также изъ уѣздн. городовъ Саратов. губ. о выдающихся событіяхъ.

Ротаціонная машина обезпечиваетъ ранній выходъ газеты

У С Л О В І Я П О Д П И С К И:

въ гор. Саратовѣ:		для иногородн. подписчиковъ	
На 12 м. 6 р. — к.	На 6 м. 3 р. 50 к.	На 12 м. 7 р. — к.	На 6 м. 4 р. — к.
" 11 " 5 " 75 "	" 5 " 3 " — "	" 11 " 6 " 50 "	" 5 " 3 " 50 "
" 10 " 5 " 50 "	" 4 " 2 " 50 "	" 10 " 6 " — "	" 4 " 3 " — "
" 9 " 5 " — "	" 3 " 2 " — "	" 9 " 5 " 50 "	" 3 " 2 " 50 "
" 8 " 4 " 50 "	" 2 " 1 " 50 "	" 8 " 5 " — "	" 2 " 2 " — "
" 7 " 4 " — "	" 1 " — " 75 "	" 7 " 4 " 50 "	" 1 " 1 " — "

Принимается групповая подписка для служащихъ и разсрочка.

Адресъ конторы и редакціи: Саратовъ, д. Онезорге. Телефонъ 1-96.

Редакторъ-издатель Н. М. АРХАНГЕЛЬСКІЙ.

Книжные Магазины

Магазины

ТОВАРИЩЕСТВА

А. С. СУВОРИНА

„Новое Время“

Комиссіонеръ Государственной Типографіи

1-й. Саратовъ, Московская ул., пассажъ, противъ Окружнаго Суда, (Телефонъ № 2-16).

2-й. Нѣмецкая улица, 9. (Телефонъ № 9-01).

1. Книжные магазины Т-ва А. С. Суворина „Новаго Времени“ исполняютъ требованія какъ учебныхъ заведеній, библиотекъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, такъ и частныхъ лицъ, на книги, по всѣмъ отраслямъ знанія немедленно и аккуратно. Принимаютъ на себя составленіе и пополненіе библиотекъ: общественныхъ, школьныхъ и частныхъ лицъ.

2. Скорое и аккуратное исполненіе заказовъ по всѣмъ отраслямъ знанія.

3. Учебнымъ заведеніямъ, земскимъ и городскимъ управамъ и другимъ правительственнымъ и общественнымъ учрежденіямъ дѣляется обычная

уступка и допускается кредитъ до трехъ мѣсяцевъ, при чемъ заказы должны быть написаны на бланкѣ учрежденія за подписью завѣдывающаго.

4. Заказы частныхъ лицъ высылаются и наложеннымъ платежомъ.

5. Книги, по желанію заказчиковъ, могутъ быть высылаемы и въ переплетахъ, цѣною въ 10, 15, 30, 40, 50, 75 к., 1 руб. и дороже.

6. Принимаютъ подписку на всѣ газеты и журналы, по цѣнамъ редакцій.

7. Отвѣты на письма и справки, касающіяся книжнаго дѣла, даются немедленно и бесплатно.

8. Пересылка книгъ производится за счетъ покупателя.

Всѣ книги высылаются позднѣйшихъ изданій.

ТИПОГРАФІЯ

„Сотрудникъ Школы“

Саратовъ, Бол. Горная, № 164,
близъ Никольской.

ПРИНИМАЮТСЯ ЗАКАЗЫ

на печатаніе книгъ, брошюръ,
бланковъ, таблицъ, вѣдомостей,
счетовъ, отчетовъ, афишъ, лету-
чекъ, программъ, визитныхъ кар-
точекъ, конвертовъ, бюллетеней
и проч.

ПЕРЕПЛЕТЫ:

библіотечные, любительскіе роскош-
ные, ученическіе, конторскіе. Изготов-
леніе папокъ съ тисненіемъ. Тисненіе
на кожѣ и тканяхъ. Исправленіе ста-
рыхъ книгъ. Изготовленіе тетрадей,
записныхъ книжекъ и проч. Печатаніе
надгробныхъ лентъ.

ТЕЛЕФОНЪ № 12-95.

Цѣны внѣ конкуренціи.
Исполненіе тщательное.

Фирма сущ. съ 1912 г.

Отъ Вооросійскаго Союза Городовъ.

Главный Комитетъ Союза Городовъ, озабоченный необходимостью устроить для раненыхъ и больныхъ воиновъ правильно поставленное санаторное лѣчение, обращается къ обществу съ просьбой поддержать его въ этомъ начинаніи своими пожертвованіями.

Вѣря, что общество, какъ и до сихъ поръ, щедро откликнется на настоящіи призывъ. Главный Комитетъ проситъ направлять пожертванія по адресу: Камергерскіи пер., д. № 5, Отдѣлъ пожертваній Всероссийскаго Союза Городовъ.

САРАТОВСКІЕ ВЫСШІЕ СЕЛ.-ХОЗЯЙСТВ. КУРСЫ.

Открытъ приемъ прошеній на 1-й курсъ 1915—1916 г. для лицъ обоого пола. При прошеніи на имя Попечительнаго Совѣта должны быть приложены подлинныя документы: 1) аттестатъ объ окончаніи средней школы, 2) метрическое свидѣтельство, 3) о припискѣ къ призывному участку, три фотографическихъ карточки и взносъ за 1-е полугодіе въ суммѣ 60 р. Крайній срокъ подачи прошеній—25 юня. Зачисленіе слушателей будетъ произведено на основаніи сравнительной оцѣнки всѣхъ имѣющихся данныхъ о каждомъ кандидатѣ. Въ случаѣ незачисленія плата возвращается. Личныя справки—въ канцеляріи курсовъ

Саратовъ, Театр. площ., д. бывш. Вакурова, Телеф. 13—31.

по понедѣльникамъ, средамъ, и пятницамъ отъ 10 до—12 ч. утра.

Саратовская Городская Публичная Библиотечка

ОТКРЫТА ВЪ БУДНИ

съ 10 час. утра до 7 час. вечера, въ праздники отъ 11 до 2 час. дня.

ЧИТАЛЬНЯ ПРИ БИБЛИОТЕКѢ

открывается и закрывается одновременно съ библиотечкой.

Цѣна 20 к. въ мѣсяцъ за пользованіе одной книгой.

ЕФИМЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ СТУПИНЪ.

Саратовъ, Городской корпусъ № 13. Телефонъ № 1108.

ОПТОВО-РОЗНИЧНАЯ ТОРГОВЛЯ

мануфактурными, суконными и холстовыми товарами.

ХОЛСТЪ КРЕСТЬЯНСКІЙ

БРЕЗЕНТЪ,

МЪШКИ ЛЬНЯНЫЕ,

ВАТА, МЪХА И ВОРОТНИКИ

Мебельная фабрика: уголь Вольской и Бѣлоглинской, соб. д. Телефонъ № 947.

1-й Мебельный магазинъ: Театральная площадь, домъ Паль.

МАСЛОБОЙНЫЙ ЗАВОДЪ

ПРОИЗВОДСТВО ОЛИФЫ.

Александра Ивановича Шумилина.

ВЪ САРАТОВЪ.

О П Т О В А Я Т О Р Г О В Л Я:

МАСЛАМИ: ПОДСОЛНЕЧНЫМЪ, КОНОПЛЯНЫМЪ и
ЛЪНЯНЫМЪ, МОСКАТЕЛЬНЫМИ и ХИМИЧЕСКИМИ ТО-
ВАРАМИ, СУХИМИ и ТЕРТЫМИ КРАСКАМИ и МЫЛО-
ВАРЕННЫМИ МАТЕРИАЛАМИ.

ТЕЛЕФОНЫ №№ 157 и 908.

ЯКОВЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ

ТЕЛЪГИНЪ

САРАТОВЪ.—ТЕЛЕФОНЪ № 345.

Адресъ для телеграммъ:

Саратовъ, Якову Тельгину.

Т О Р Г О В Л Я:

Бичевой, рогожей, мсчаломъ, цыновкой, строевымъ войлокомъ,
поярковой кошмой, шукшей, пеньковымъ ноганомъ для мель-
ницъ и сыромятной кожи.

ГОРОДСКАЯ И КРЕСТЬЯНСКАЯ УПРЯЖЬ.

МАТЕРИАЛЫ для гг. парходчиковъ; смольная пакля, варь,
смола и всевозможные канаты и снасти.

Минеральныя и смазочныя масла, олеонафтъ, колесная мазь и
рижская олифа.

ПАРОВОЙ МАСЛОБОЙНЫЙ ЗАВОДЪ уг. Астраханской и Желѣзнодорожной ул.

Всегда имѣется на складѣ фильтрованное подсолнечное масло. Складъ и главная торговля: Ца-
рицынская ул., собств. домъ. Отдѣления:—1-е—Верхнн бazaarъ, корпусъ Егорова. 2-е—Верхнн ба-
azaarъ, Петропавловскій корпусъ.

ФИРМА СУЩЕСТВУЕТЪ СЪ 1845 г

„ЗЕРКАЛО ЖИЗНИ“

Лучшій въ Саратовѣ Кинематографъ

СТАВЯТСЯ ВСЕГДА НОВИНКИ

Управляющій И. НАЗАРОВЪ.

— МАГАЗИНЪ ПОЛОТНА и БѢЛЫЯ —
Т. А. ХУДОШИНЪ и С-нъ
Саратовъ, Никольская ул., д. Лютер. церкви.
ВСЕГДА и ВСЕ ВЪ ГРОМАДНОМЪ ВЫБОРѢ.

Магазинъ кондитерскихъ, бакалейныхъ, колониальныхъ и гастрономическихъ
товаровъ. Чай, сахаръ и кофе. Продажа оптомъ и въ розницу
НИКОЛАЯ ДМИТРИЕВИЧА ЧЕРНОВА
Въ Саратовѣ, на углу Московской и Никольской ул., въ общественномъ корпусѣ, противъ
Окружнаго Суда. Телефонъ № 2-53.

Электро- „Ф У Р О Р Ъ“ Театръ
Уголь Астраханской и Дворянской ул. — Сущест. съ 1908 г.
Картины демонстрируются **ПОСЛѢ СТОЛИЧНЫХЪ ТЕАТРОВЪ**. Лѣтомъ въ
хорошую погоду, сеансы даются въ саду, находящемся при театрѣ.

НОВАЯ КНИГА

Левъ Гумилевскій

**Разказы изъ современ-
ной ВОЙНЫ**

**Продается во всѣхъ лучшихъ
книжныхъ магазинахъ.**

ТИПОГРАФІЯ

„Сотрудникъ Школы“

Саратовъ,

Большая Горная, № 164

1915

55/20409

ЧИСТЫЙ ДОХОДЪ ОТЪ ИЗДАНИЯ ПОСТУПИТЪ ВЪ ПОЛЬЗУ ЖЕРТВЪ ВОЙНЫ

16343

3 - ✓

ЦѢНА 50 КОП.

409

ЛЕТЕРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ СБОРНИКА

ВОЙНА И ЖИЗНЬ

СТАТЬИ
РАЗСКАЗЫ
СТИХИ

